

Приложение № 22
к журналу “Апокриф”
1-15 июня 2011

Философское кафе

Практико-мировоззренческий журнал

АПОКРИФ

Приложение № 22. 1-15 июня 2012

**ЗА ЮМОР И ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ!
ДЕЛАЙ ЧТО ЖЕЛАЕШЬ —
ЖЕЛАЙ НЕВОЗМОЖНОГО!**

Журнал издаётся с 2006 года.

Копирование и распространение всего журнала и его отдельных материалов разрешено и приветствуется при условии ссылки на автора материала и указания электронного адреса журнала (<http://apokrif93.a-z-o-t.com>).

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Copyright:

- © Орден Белой Обезьяны, 2012;
 - © Калининградская рабочая группа «93 in 39», 2012;
- а также авторы журнала.

Редактор, корректор, верстальщик:

Fr. Nyarlathotep Otis.
236022 Калининград,
ул. Нарвская 17, 11.
<http://apokrif93.a-z-o-t.com>
<http://vk.com/apokrif93>
E-mail: 93in39@gmail.com
Помощник редактора —
Соманон

Философское кафе

Рефлексия над формой
Бессмертие
О диалектике
Диалектика просвещения сегодня
Со-бытие
Анализ повседневности
Что такое символ?
Студенческая философия
Проблема сознания-тела
Проблема агрессии
Богословие постмодерна
Образы Сталина
NBIC-конвергенция
О популярности поэзии в России

<http://vk.com/philoscafe>

<http://eugenelosmar.livejournal.com/>

e-mail: verel91@mail.ru

телефон 89153932088

Оформление обложки —
Fr. Nyarlathotep Otis.

Рефлексия над формой

(что такое ФК в глазах ФКшников)

Портреты участников

1. Цица

Студент МГЮА, корреспондент «Юридической газеты», сопредседатель Правления РОО «Московское общество трезвости».

Цица — Циц. Владимир Владимирович. Юрист. К кофе холоден, не курит. Носит волосы — взъерошенные, белые. Светлые, арийские. Глаза голубые, — но на свету предательски зеленеют. Рукой правой трясёт где надо, пальцем тыкает и глаза отводит: партия одобряет.

Говоря нестрого — а строго у нас и не говорят, все свои, — Циц — это что-то вроде вопрошателя и помнилки: кто вы, откуда, политические убеждения, даты, имена, названия.

Партии полезен умением вешать и держать. Также известен участием в сраче про ислам (философское кафе, август 2010 года, длилось 5 часов), где был ислама против.

Любит маленькие сумочки через плечо.

2. Евгений Интер

Студент МГУ, библиотекарь Российского Движения Трансгуманистов, лидер группы «Science & Technology Studies».

Женя — деятель. Точка сборки философии техники, The Heroes и самодельной дури. Чихает от формального мышления. Летом маскируется под Фуко.

Интенсивный мыследум белыми волосами и видный ерундолог размашистых движений и скрюченных поз, — только эпифиз иногда даёт сбой.

Партии полезен собой.

Ищет жизнь на кончиках пальцев, грызёт ногти.

3. Кирилл

Студент МГУ, социальный активист, учитель.

Это Кирилл. Он механик и говорит, что Совесть. Честно, — не знаю, так ли это, но он лохмат и крепко держит свой портфель.

Портфель здоровский, вместительный, удобный. Не пара моей дырявой, неудобной сумке — шут с ней.

Кирилл — это рассундук и хороший парень.

Партии полезен тем, что он мех-мат (а это круто), и тем, что считает математику гуманитарной наукой.

Обладает прекрасными глазными яблоками. Это можно заметить, когда Совесть грустно смотрит вниз.

4. Кристина

Студент МГУ, комиссар Молодёжных Студенческих отрядов.

Это, конечно, шарф и шляпа. И губы внасмешку — это, наверное, жутко: если бы не мой опыт печального клоуна.

Волосы вечно набок: типичный курильщик художки с замашками редескриптора фукошечки, так думаю.

Для партии полезна ураганным балконом и храбростью: под вино жуёт лампочки. Играет на балалайке.

А ещё хорошо плавает.

5. Чубанов

Студент МГУ, тренер.

Илюша полон света. Носит лёгкий плащ, светлые волосы и узкие штаны.

Не любит сидеть у горячей батареи — горячо.

Словом, Илюша — это как торт с полуголой старухой внутри: смешок и отрезвитель.

Партии полезен тем, что из десятка очкастых языкочесателей единственный — мастер спорта и крутой перец.

6. Тимур

Студент МГСУ, веничка по жизни. Человек-загадка. Лучше всего говорит Маяковского, топча буржуев пятой и сверкая прекрасными большими белками. Трясёт руками и иногда становится крабом. С трудом вступает в коммуникацию и тяготеет к мистике — настоящий археоавангардист. Непроизвольно и прекрасно кривляется.

7. Отец Владимир

Студент РХГА, священник.

Отец Владимир трёт правую ногу правой рукой — при этом умудряется делать это просто, не проворачивая её вокруг бедра. Здравый смысл в рясе. Впрочем, в пиджаке тоже здравый.

Носит очки, играет в го и занимается БИ.

Охраняет воду и спускает на землю.

В целом, отец Владимир — это что-то вроде корзины на воздушном шаре. Этим и ценен для партии.

8. Феанор

Выпускник университета «Дубна», сисадмин.

Феанор — это Совершенство. Сисадмин. Имеет самые красивые ладони под этим небом, — как нежно душили они рукояти мечей несколько лет назад.

Феанор — мастер на все руки, ноги и голову.

Носит белые футболки и весной не снимает куртки в кафе. Пьёт сок и во время беседы часто не вынимает наушника из левого уха.

9. Андрей

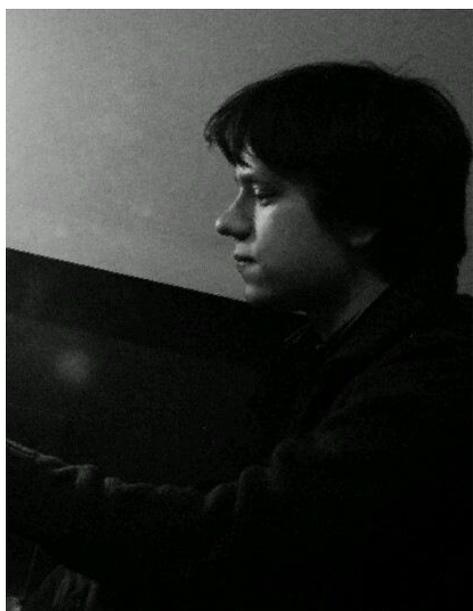
Студент МГУ.

Андрей — это пиво и сухость. Кружки всякие и отношения. Философия, под карандашом препарлируемая.

Умудрился закончить философский МГУ с убеждением, что главный философ прошлого века — это Гейзенберг. За то любим через дорогу — на химическом и биологическом факультетах.

Очень выразительно смотрит в сторону. Конъюнктурно одевается под хайдеггерианца и уэльбиканианца: и стая принимает его за своего. Двигаясь, тянет шею вперёд.

Пожалуй, единственный онтолог на кафедре онтологии и теории познания.

10. Паша

Студент МГУ.

Биолог. Лис. Был хвостат — да вышел. Иногда покрывается полосками и грозит отправить философов в биореактор.

Нюхает и даёт оценки, хорошо готовит. Словом, Павел — это риск того, что бездна даже не оглянётся в твою сторону.

Паша — мастер кофе философского кафе. Тем и полезен партии.

А ещё любит чай и начинает любить мясо.

11. Оля

Студент МГУ.

Оля — это красные волосы. Лингвист. Движения рваные.

Иногда кидает руки на уровне глаз и что-то говорит: мило. Но обычно Оля — молчун.

12. Лида

Студент МГУ.

Приходит и улыбается никому. И кареглазость — как отвлечение.

Словом, Ли — это немой укор любому дискурсу, что не о двадцати пальцах.

Для партии полезна фотографиями и лекарствами от дислексии.

А также умением окунать меня в моё же дерьмо.

13. Климовицкий

Студент МГУ.

Тоже Паша, хотя и не биолог. Двигает плечами, когда ходит. Носит ямочки над слёзным мяском. Просто пишет о сложном. Любит футбол и при этом не пьёт пиво.

Читает философию в метро. Партии полезен трезвостью: не курит и мало говорит.

Хотя и формально состоит на кафедре исторического материализма.

14. Гоша

Студент МГУ, основатель Московской школы философии им. Ф.Ю. Краля.

Гоша — гошист. Не понятно, правда, какой он гошист. А ещё Гоша студент. Этакий: студент-левак, почти Х.Ю. Краля. Только его Адорно — не Адорно. Когда говорит, сильно размахивает руками и корпусом. При этом одевается в сто одежд. Как вы поняли, Гоша — это многотроль и праволев.

Иногда на его лбу расцветают вены. Это стоит посмотреть каждому, кто любит хайку: гошины вены в сто раз лучше сакуры.

Ах да. Ещё Гоша — это почти я. Только левый.

15. Ермолов

Студент МГУ.

Ефим — это белый свитер и шарфик. У меня тоже есть белый свитер и шарфик, — но нет коричневой куртки.

Специалист по проблемам природы исторического факта. Надежда и судьба либеральной интеллигенции.

Всё ещё холост.

16. Эмсер

Студент ГУ-ВШЭ.

Эмсер ходит вразвалочку. Поэтому мы всегда знаем, — кто идёт. Часто опаздывает и поджимает губы в одну черту: с самого раннего детства.

Убеждён, что магия математической статистики, Гаусса и социальный физики может объяснить всё, — и Бога ему не надо. Хотя и десяти лет не прошло, как с иконками по городу ходил.

Партии полезен — разговоры с ним вскрывают глубину моего непонимания собственных слов.

17. Дюк

Студент Бауманки.

Сегодня солнце и лёгкий мороз, вчера была хорошо, завтра будет работно.

У Дюка никогда не лежат волосы — вечно торчком. Очки не носит, хотя зрение не очень. Раньше всегда опаздывал, — теперь, вроде, исправляется.

С годами грубеет и умнеет. Пьёт мало.

18. Гена

Студент МГУ.

Гена — это «Интернационал» утром в лагере экологов. Гена — это подозрная труба в окне ДАСа. Гена — это половина полного собрания сочинений Сталина. Объясняя что-то, собирает пальцы в щепотку или закладывает руки за спину.

Не курит. Левый. В буфете берёт чай с лимоном.

Партии полезен широкими кругозором, полиглотством и обаянием.

Осуществляет шефство над братьями нашими меньшими.

19. Федя

Федя тоже был хвостат, как и Паша. Но, в отличие от последнего, Федя не полосат, а чёрен. И не ухмыльват, а улыбат во всё лицо.

Федя — это пошёл и сделал. Только иногда Федя не ходит. Учил меня фехтовать.

20. Ваня

Ваня — это внимательные сухие глаза. Прямо страшные глаза — не холодные, не безразличные, но словно плевков Гоби посреди Москвы.

Говоря — замирает телом и словами в тебя бух-бух. Ходит крадучись и поправляя сумку.

Смотрит полнометражное анимэ и курит верблюда.

21. Аня

Студентка ГУ-ВШЭ, математик.

Аня Уханаева — подруга Эмсора, во время ФК трогает его за коленку. Ходит смело, говорит открыто. Пишет много и ладно, ведёт блог. Носит прекрасные скулы.

22. Дима

Дмитрий Давыдов — православный теолог, звезда студенческого православного подкаста. Говорит сутуло, располагает к себе, в сети играет плохого мальчика.

Интересуется традицией, радикально правыми и Дугиным.

23. Лёша

Алексей Андреев — тоже теолог и тоже православный. С кафедры говорит о Барте и Фуко, его не понимает, и в кулуарах он знакомит нас с многообразием богословской мысли прошлого века — до него я знал только Тиллиха.

Носит маленькие изящные ручки, светские пиджаки и пьёт пиво.

Интересуется оккультизмом.

Апофатика и катафатика философского кафе

*Социологи науки долго настаивали на том,
что исследование есть корпоративный опыт.*

Нейл Гросс

Философское кафе — это одна из форм организации и презентации исследования. Это та форма, которая внимательно следит за контурами самой себя, формирующая себя форма. Это философия, в конечном счёте, лишённая фигуры философа, сама за себя говорящая философия. Лишённая не изначально, как в тоталитарном единстве, а оставляющая его, одинокого, мудрого, в подобающем ему одиночестве, уходя дальше в развёртывании самой себя в со-бытие с Другим, но не Всяким, а дружественным и открытым.

ФК — это то, что идёт дальше долга Университета. Там ты должен, а тут ты хочешь и можешь.

ФК — это не постчеготоистская игра понятий. Со всей серьёзностью мы смотрим на классическое мышление, на эпикурейство, философский салон Гольбаха, Докторский клуб и кружок Мура, на онтологию, позитивную науку, социальную философию, осмысление субъекта, техники, языка, Бога, мифов. Игра может быть прекрасным средством научения, развлечения, утешения.

Слово «философия» якобы первый начал употреблять Пифагор. Его ученики говорили друг другу «филос», то есть наш человек, свой («филос» может быть местоимением). Мы пытаемся совместить такое понимание философии, где каждый видит в другом философе доку с научным взглядом на мир. Пройти между философий-стриптизёршей и философией — спасительницей мира.

У нас нет центра, нет идеологии, нет единых политических, религиозных, сексуальных, гастрономических интересов. Хотя, может, и есть: как правило, наши участники аполитичны с левизной, любят хорошо поесть, поспать и выпить.

Важно, что ФК — это не дебаты и не дискуссионный клуб. Мы не спорим о словах, мы не имеем сурового регламента, мы не ставим своей целью победить врага остроумием и доказать свой тезис любой ценой.

Важно, что ФК — это не интеллигентские посиделки на кухне, не душевные разговоры и не интеллектуальный центр. Мы не говорим о кризисе мире, о конце света, о Ванге или моральном облике юного интеллектуала. У нас есть рамки времени, хранителем которого является администратор, мы пишем тексты, анализируем понятия, привлекаем эмпирические данные и здравый смысл, а не плывём с закрытыми глазами, страшась чудовищ вечно бодрого разума — мы знаем, как и где он отдыхает.

Важно, что ФК — это не политическая тусовка или общественное движение. Мы не выдвигаем лозунгов, не пишем программу партии и не боремся за права угнетённых. Да, мы можем делать всё это — вне пространства кафе. Да, нас многое не устраивает в мире вокруг нас, но мы не делаем критическую его теорию орудием кухонной критики нашей собственной неудовлетворённости, промокших ног и маленькой зарплаты.

Каждая встреча ФК проходит либо в формате рефлексии, либо как конференция, либо как рас-сад-ник. Рефлексия представляет собой теоретическое размышление одного человека о нас же, говорящее о философском кафе и через него — о других предметах. После выступления следуют обсуждение и практический вывод. Такими были топики «Сетецентричность», «Тотальный мифологизм», «Со-бытие», «Социальная топология». Конференция — это более тяжёлый формат, с большим количеством гостей, несколькими выступающими по какой-то теме: «“Бог как иллюзия” Р. Докинза»¹, «Образы Сталина», «Определённое бессмертие». И рас-сад-ники (семинары) — это рассказ специалиста по своей теме аудитории. Таковые были летние рас-сад-ники по русской философии и сетевой литературе, «Редескрипция и структура», «Диалектика сегодня». Такие встречи позволяют узнать новое для слушателей и лучше разобраться в своей теме для докладчика.

ФК — это пока очень молодое образование. Вся эта статья окажется неверной через некоторое время, так как мы изменимся.

Истина — это процесс.

¹ Тезисы докладов см. в 41-м (Евгений Интер «Заметки из точки Омега», Женя Хо «Два на три», Эликен Северин «Докинз: на своём поле — по чужим правилам») и 42-м (Максим Федянин «Религия vs Наука», Элиас Отис «Преадаптация против “нечленимой сложности”», Илья Chubanoff «Экскурс в историю отношений религии и науки: Различие в нравственной функции религии и “светской морали”», Дмитрий Сидорчук «Книга Ричарда Докинза “Бог как иллюзия” и один из способов восприятия мира») выпусках журнала «Апокриф».

Что такое философское кафе?

Татьяна Ивановна Романова всегда говорила: из трёпа рождаются тексты. И рождались — назло всем тем, кто ругался на нашу леность. Философия же — это, прежде всего, разговоры с друзьями, как завещал старик Пятигорский, то есть условие рождения текстов.

Трёп же *может быть о чём угодно*. Главное, чтобы он мог быть о чём-то в удобном нам свете. Философия как действие последнего шага может сочетать в себе предельный конформизм, переходящий в автоиздевательство, и героическую волю к знанию.

Для кого?

Вы — творец, которому нужна аудитория? Вы — хотите поделиться мыслями? Вы — чувствуете вкус к философии?

Что

Философское кафе — **неформальное, некоммерческое** объединение молодых исследователей.

Философское кафе — место, где каждый **свободно** говорит о **своих** идеях.

Зачем

Часто бывает: придумашь что-то и пишешь его — в стол. Или даёшь почитать **друзьям** — а вдруг, оценят? Но близкие, — самые худшие рецензенты: истина, известная русской культуре с **Киреевского**. Чтобы не прятать мысли и не опускать руки (<http://chulida.blogspot.com/2011/08/20.html>), — мы решили создать себе место, где **можно было бы говорить о своих идеях прямо и открыто**. Так появилось ФК.

История

Мы — это питомцы МГУ (философский, филологический, мех-мат, биологический), МГЮА (Институт Адвокатуры), МФТИ, МАИ. Собирались в кафе «**Хижина**», а первые темы («Тотальный мифологизм», «Единое информационное пространство», «Метафизическая фотография» и другие) были слишком пограничные, чтобы попасть в вотчину конкретных наук или искусств. Отсюда название: «Философское кафе». Встречались каждый месяц, читали друг другу лекции, обсуждали. Надоедали посетителям кафе шумными спорами (особенно та памятная встреча о российском исламе, длившаяся 5 часов! :). Пили кофе. С тех пор прошло уже много времени, и сейчас у ФК есть:

- небольшой, но дружный и стабильно собирающийся кружок;
- любимые темы (религия, мифология, методология научной работы и прочее);
- собственная небольшая традиция полемизирования.

Интересно, что за несколько лет до этого во Франции тоже появилось всеакадемическое движение философских кафе, выросших из институций вроде народного университета **Мишеля Онфре**. Таким образом, мы, сами того не зная, оказались параллельны мировому мейнстриму — первые ФК в Москве. Недавно мы узнали, что люди, побывавшие у нас, открывают свои схожие проекты в других городах (в Ростове, например).

Форматы

- ФК-classic («Как читать книги», «Искусственный интеллект», «NBIC-конференция...»), первый подразумевает выступление одного человека на 20 минут и её обсуждение, прерываемые кофе-брейками.
- Круглый стол («Бог как иллюзия»), когда нет отдельного выступающего, ведущий по очереди задают вопросы участникам.
- Конференция («Образ Сталина»), серия докладов на заданную тему.

Приглашение в современную российскую философию

Сейчас большую важность принимают междисциплинарные исследования, — с которыми университет как научный институт справляется всё меньше и меньше. Работа на острие и на стыке дисциплин будет приводить к новым открытиям: естественнонаучным, требующим новых языков, методологий и концепций, и гуманитарным, расширяющим горизонты нашего самопознания. Мы представляем собой нарождающуюся организационную альтернативу схоластическому университету. И мы ждём людей с новыми идеями и свежим взглядом. Если, конечно, вы нас не боитесь. (:

P.S. Бесплатно. Чай с нас.

Так мы думали о себе в декабре 2011 года.

СамоИрония

Ирония — старая игрушка. Играл Платон, играл Кьеркегор. Играем мы.

Серьёзность — дух тяжести. Вот что давит на плечи. Вот из-за чего сложно ходить по насту, не проваливаясь.

Мы ходим легко.

Ирония — троп, который позволяет подвесить высказывание или массив высказываний, заставить выйти из привычных концептуальных оков и посмотреть на рассматриваемый предмет новыми глазами. Можно вообще перестать на него смотреть.

СамоИрония — это когда ты подвешиваешь себя. Самое страшное, как сообщил нам старик Пятигорский, сходя в могилу, — это серьёзно относится к самому себе, лепетать что-то про бело-серую теологию и думать, что ты оригинал. Словом, то, чем занимается сейчас автор текста. Хотя учитывая, что она пишет это ногами без педикюра и очень хочет какать, — не знаю. Всё равно, — только бы не стать Кантом.

Не волнуйся, не станешь. Почему?

Что делают философы?

(текст является результатом письменного опроса на ФК января 2012 года)

- дышат (спят, едят, испражняются, пьют, вертят ручку, грызут пальцы);
- думают (философствуют, курят, изучают, удивляются, скучают, спекулируют, обманывают (себя), иногда пытаются продемонстрировать свою небеспольность, доказывают, навязывают свои идеи, сидят, комментируют, лежат, впадают в рекурсию, пытаюсь определить, что делают философы, и в тавтологию, определяя, что такое философия);
- обучают (-ся, спорят, разговаривают, стоят, дерутся, варят кофе, обсуждают, играют в го);
- болеют (огорчаются, страдают, чешутся);
- молчат (привет, Фёдор Иванович Гиренок!);
- собираются вместе (участвуют в революционных движениях, сидят в интернете, смотрят кино, пишут тексты)

P.S. Человек, который пишет опросы старшим футарком, — выучи старший футарк!

Философский жанр

(текст является результатом письменного опроса на ФК января 2012 года)

В каких формах философы делают то, что они делают (к проблеме философского жанра)?

- фрагмент, заметка, колонка в журнале, письмо, афоризм, статья, притча, эссе, дневник,
- поэма, эпиграмма,
- учебник, теорема, аксиома, комментарий,
- монолог, диалог, полилог, полемика, диспут,
- картина, пьеса, танец,
- лекция, доклад, подкаст
- роман, фильм, священное писание,
- эксперимент, алхимическое действие, медитация, ритуал, революция
- **и всякое такое.**

Твоя философия

Как-то студент филологического принёс мне свои «философские работы» — целую пачку. Я их прочёл и вернул ему список книг, примерно по книге на лист: прочти, мол, а потом пиши своё, — смеётся в усы. Смешная историко-философская шутка А.А.Кротова, доцента.

А философское кафе — там, где есть кофе и есть философия. Иногда кофе больше, а философии меньше. Иногда философии совсем мало, а кофе есть только в наших желаниях. Зато весело.

У нас тоже шутки, но большей частью не усы. То ли последних нехватка, то ли ещё усталости мало в профессионально сидящих наших позах. Но тут, на одном кафе, со мной пошутили сурово.

— Я не понимаю, что значит «нация». Я не вижу, как можно было бы прояснить это понятие, — говорю горячо.

— Ну как же, это культура — отмахиваюсь, старо, — объясни это детям, которые будут бить маленького татарина в московской школе.

— Дети дерутся, возраст такой, самоутверждение.

— Это не одно и то же.

Кофе плохой, хотя Олег говорит, что зёрна тут — самые лучшие. Курить нечего, поэтому глотаю слюну и слушаю.

— Если ты не за Дугина, ты — либерал.

— Нет, я не либерал. Я вовсе не надеюсь на суды разума и чудо рыночной руки.

— Тогда кто ты, если не либерал?

— У меня родители, жена и друзья. Эпикур — либерал? Андрей наш любит говорить, что мир — миром, а чай ему — пить.

— Нельзя наплевать на мир.

— Конечно, — просто я не хочу за него решать. Я внимательно читал Патнэма.

Чувствую, что дальше опасно. Зову официанта и прошу счёт. Олег вдруг поворачивается ко мне и смотрит, как-то нежно, убийственно:

— Вот ты учишься на философа. А какая у тебя — философия?

Сажу в общепите, много столиков и народ. Народ — есть. Общепит же. Между столиками ходят люди, в больших пуховиках, грязные, сгорбленные. И все смотрят: не оставил ли кто, уходя, еду?

Охота на философию

«Среди бела дня он бродил с фонарём в руках, объясняя: “Ищу человека”» — так общается нам Диоген Лаэртский, позднеантичный историк философии, о своём тёзке, Диогене Синопском. Сегодня я слегка передразню давно почившего грека и попробую выступить в роли искателя самого фонаря — философии. В своём поиске я попробую отрешиться от определений функционального характера или любых других банальностей в виде пересказа искусственного деления философии на метафизику, аксиологию, гносеологию — это, с одной стороны, можно прочесть в учебниках, с другой стороны, это явная туфта. Не буду я говорить и о соотношениях понятий «наука», «философия», «искусство» и «религия», так как различия будут носить слишком политический для сегодняшнего обсуждения характер. Не интересует меня и ответственность философа за последствия своих слов, и техника философии, и необходимость её. По поводу её, философии, необходимости скажу лишь, что «необходимость» — вообще необязательное условие бытийствования. Какой, скажем, прок от сравнительного языкознания или от театра? Может случиться, что вся цивилизация, вся её технология и прогресс, может быть оправдана только существованием ненужных вещей: философии и искусства. Влияние философии на цивилизацию достаточно скромное, хотя и осязаемое, как мне кажется на сегодняшний момент. Но, строго говоря, всё это предмет метафилософии, а не самого любомудрия. Не буду я вводить и концептуальных персонажей-философов, не собираюсь оправдывать и поддерживать корпоративное философское достоинство.

Само любомудрие традиционно начинают с момента удивления тому, что существует (сейчас неважно, с каким градусом бытия) нечто, отличное от эмпирически наблюдаемых вещей: их связи, их порядок, процессы (например, есть лошадь, а есть бег лошади — это же не одно и то же), протекающие в них, среди них, с их участием, удивление от того, что есть нечто, отличное от самих вещей. Второе, что двигает философию, — это когда человек начинает видеть дырки в нашем обычном поведении. Рудольф Карнап проводит такой мысленный эксперимент: Почему Томми плачет? Потому что Джимми дал ему в нос. Мы знаем, что (1) удар в нос причиняет боль, (2) Джимми способен на такой удар, (3) Томми не врёт, (4) При боли дети кричат. Зная 1-4, мы можем удовлетвориться этим объяснением Томми. Однако если бы мы имели дело с марсианином, плохо зная его психологию, мы бы не могли пропустить такие важные послышки. Так из наблюдений за людьми и событиями появляется (становится видна) философия. Именно это обусловило и спор об универсалиях, и спор идеализма и материализма, именно это лежит в основе фактически любого различия в истории философии — удивление невещественным образованиям, если их можно так назвать. Именно поэтому философ может быть писателем, учёным, политиком, бомжем — кем угодно. «Философ» — это тот ярлык, которые не получают через академическое образование. Ницше был филологом, Витгенштейн — инженером, Кьеркегор — теологом, Леви-Стросс — антропологом, Фрейд — медиком, и прочее. На философских факультетах и кафедрах можно стать логиком, историком философии, пиарщиком, семиотиком, религиоведом, мифологом — но не философом. Закончив физический или юриди-

ческий факультет, ты в любом случае становишься физиком или юристом — возможно, плохим. Это правило диплома не работает с философией, как не работает с журналистикой, пиаром, литературой. Для философии важен, очень, образ жизни, неотделимый от образа мысли. Мы должны понять, что слова и мысли — точно такие же поступки, как и удар рукой или приготовление кофе.

Мы установили, что основа философской рефлексии — удивление факту существования не вещей. Но всё требует слова — только тогда «всё» обретает бытийность. С этой особенностью бытия связано правило исправления имён в конфуцианстве, трепетное отношение к слову в греческой традиции, запреты на уровне банального мышления («слово — не воробей, вылетит — не поймаешь»). Нужно назвать этот факт, чтобы он обрёл максимальный объём и нам было проще его исследовать. Каждый отдельный факт существования не вещей мы назовём «мифом».

Миф — это очень простая вещь, не глобальная. Я убеждён в том, что все глобальные идеи — Бог, человечность и человечество — состоят из более простых, что, правда, не означает, что мы можем их к ним редуцировать. Буквально слово «миф» можно перевести как «сюжет». Что такое сюжет? Это определённая последовательность действий, траектория, как бы алгоритм с открытым кодом, обладающий способностью к самопродолжению. Это, скорее всего, даже не алгоритм, а метод создания алгоритма. Вот тут мы входим в зону очень тонких различий и нечётких дефиниций, где я теряю почву под ногами и мне просто не хватает философской техники, интеллектуальных мышц, если хотите. Катафатическое определение может быть дано таким перечислением: идея, идеология, общественные институты, маски, надеваемые людьми, роли, которые они играют. Фактически любой способ перехода от момента сознания А к момента В — миф. Это то, во что нас заставляют верить объяснительные парадигмы нашего сознания: опыт, природа, социум, история.

Чтобы разбавить экспликацию понятия «мифа», приведу примеры.

«Наука доказала». Наука, если пользоваться тем определением мифа, который я дал выше, ничем не отличная от других форм мифологии. Есть некая закрытая каста жрецов, который говорят «А». Например, они говорят мне про существования кварков, и я в это верю. Но обратите внимание на конец предыдущего предложения «я верю». Жрец сказал мне, что солнце есть Бог Рэ. Отлично — и я верю. Но и сам жрец — как египетский, так и физико-математический — обречён на незнание, следовательно, «верю». Нужно верить, что математика описывает окружающий мир. Нужно верить, что наши приборы что-то улавливают. Нужно верить в то, что вещи таковы, какими они кажутся. В основе этого огромного и рационального здания науки лежит вера и незнание.

«Боженька явился». «То — воля Зевса». «Это прекрасно». Точно такие же здания, основанные на вере, но способные надстраивать на себя другие мифы, в частности, рациональные.

Науку рождает миф о познании. Обыденную деятельность — миф о мире. Миф о Боге рождает религию. Одни из основных мифов, рождающих философию, — о самом мифе. Что вообще есть некая сфера идеального. Миф об уродливости рождает эстетику. Прекрасное оправдывает бытие (Ницше), или красота, спасающая мир (Достоевский). Это красиво — да с какой стати? С какой стати это должно оправдывать её бытие?

И это не плохо и не хорошо, это миф — иного у нас нет. У нас вообще нет гарантий познаваемости мира. Нет гарантий того, что мир не рождён нашим же рассудком. Отрефлексированный миф не перестаёт быть мифом, но тут рефлексия выступает своего рода дистанцированием. Разделение субъекта мифологической рефлексии и субъекта мифологического акта состоит в том, что последний, устанавливая определённую дистанцию, может не только мыслить мифами, но и мыслить сам миф. И тут нельзя усматривать никакой «робинзонады» субъекта — никогда и никак, пока длится биологическое существование, нельзя полностью выйти из мифологического мышления, исключая разве что различные мистические выходы, например, просветление.

Однако очевидно, что в мире есть что-то ещё, кроме мифа. Во всяком случае, наши анализаторы и вульгарная логика твердят нам, что мифологический Прометей как-то отличается от моих часов или этого кофе. Мне кажется, что как $E=mc^2$ говорит о массе как частном случае энергии, так и ритуал — это частный случай мифа. Так, миф непосредственно образует наблюдаемый мир, который является схваченным сознанием мифом. Так он, миф, из области ментального вторгается в реальную социально-экономическую жизнь человека. И там, на уровне экономики и общества (в вульгарном смысле), появляется лозунг, как миф, проведённый через политику, доведённый до логического абсурда, ритуал, вернувшийся к ментальности мифа, но который всё ещё пытается остаться на уровне вещей. Связь мифа-ритуала-лозунга носит психосоциальный характер. Эта связь имеет нулевой градус иерархичности, образуя как бы сеть мифов, ритуалов, лозунгов, которую мы и называем совокупностью ментальной и физической жизни. О каждом из них можно прочесть несколько лекций, но, ввиду формата нашего кафе, буду краток.

Ритуал — вербализованный миф, миф, сведённый до уровня вещей. Например, это социальные правила (исходят от мифов — общественных институтов). Важность ритуалов, даже фундаментальность их для нашей социальной жизни, можно показать институтом наказания за нарушение ритуала. Помните, что было, когда исправили ошибки в церковных книгах России в семнадцатом веке? Раскол Никона. Жестокость. Жестокостью мы наказываем и такое нарушение ритуала как преступление, например, экономическое, которое я бы рассматривал скорее как религиозное. Но ритуал — это не только социально просчитываемое действие. Например, нас научили думать, что вещи есть. Но в одну реку нельзя войти дважды. Всё меняется. Наше же дифференциальное восприятие, наше дискретное сознание выхватывает вещи из меняющейся реальности, создавая фотографии мифа. Дальше тут подключается язык и расставляет точки над «ё» — что есть, чего нет, как есть то, что есть. Есть такая шутка про слабый пол: «сама придумала — сама обиделась». Мне кажется, это можно отнести к нашему способу бытийствования.

Лозунг — прежде всего, это способ различения, причём логически пустого различения. Это то, что артикулирует политическую жизнь. «Восток-Запад». «Демократия-тирания». «Наука-ненаука». «Классика-неклассика». Мы, увы, часто склонны мыслить лозунгами как мифами. Но лозунг фактически, а часто и логически, пуст, в отличие от мифа. Отрефлексированный лозунг перестаёт быть таковым из-за возникающей дистанции. Отрефлексированный миф остаётся мифом.

Поясню свою классификацию примером. Когда мы зеваем в обществе, мы закрываем рот рукой. Это считается приличным. Разберём это действие. Изначально нужно было

закрывать рот от духов в анимистичном сознании — миф. Возникает ритуал — закрыть рот. Лозунгом тут является слово «приличие».

Законен вопрос: что же тогда немиф, раз ритуал и лозунг редуцирован к мифу? Я, увы, не знаю. Каждый раз, когда я думаю, думаю, что я думаю, наблюдаю за думаньем других, думаю над своим думаньем, думаю над их думаньем, каждый раз я сталкиваюсь с лозунгом, мифом, в лучшем случае отрефлексированным. Я могу только верить в то, что есть некая таинственная возможность, о которое я говорил выше, — просветление. Божественная Интуиция. Интуиция трансценденции. Как угодно. Причём я даже готов мыслить её не как рубеж, не как кевала-джняну джайнов (абсолютное знание), а просто как луч из иных сфер в наше сознание, так сказать, непосредственное приобщение к знанию. Есть ли такая возможность — не знаю. Вера или неверие в неё лишь вопрос мифа.

Теперь, исчислив, как древние индусы, всё вокруг (не бытие!), мы можем вернуться к вопросу: что же такое философия? Философия — это набор способов дистанцирования от мифов путём непосредственной работы с нами. Та карта всего вокруг, что я набросал выше, ещё раз, носит исключительно горизонтальный, неиерархичный характер. Порядок их расположения продиктован исключительно интересом философа к этой проблеме. Зачем всё это? Ну, пропуская вульгарные ответы о расширении концептуальной сетки, обогащения мыслительного аппарата (т.е. производство мифов), можно сказать, что существование философии связано, на мой взгляд, с двумя удовольствиями: понимания и непонимания. Это и делает философию уловимой или, в терминах более чётких, возможной.

Фильмы и литература

1. Д. Джармуш «Предел контроля»
2. Платон «Соперники в любви»
3. Б. Рассел «Введение в историю философии»
4. Франц Кафка «Голодарь», «Отчёт в Академию»

2010, Дубна-Москва-Электричка

Приписки 2012 года, март

Сейчас я думаю похоже. Не так, но похоже: это удобно для теоретического разума. Эта статья — памятник моего панлогизма. С тех пор я понял, что если рабочие перестанут вдруг добывать уголь, то вся электрическая, а потому магическая, наша цивилизация пойдёт к чёртовой матери. Что одно дело сказать, что в средние века был креационизм и феодализм, а сейчас кругом наука, отчуждение от продуктов труда и прочее, а другое — приехать в деревню и увидеть, как крестьяне нежно гладят ворованную с ими же обработанных полей кукурузу. Можно сказать, что я нашёл границы этого панлогизма, выход за его пределы в реальном отношении людей по поводу вещей. И именно в этом эта реальная практика схожа с мистической природой сатори, медитация монаха сходится с трансгрессивной природой семьи или оргии, аскеза рыцаря веры с рутинной работой рабочего, а доблесть революционера — с нудной работой уборщицы.

О древности и апельсинах

В комнате очень большие окна. Поднимаешь голову с утра — а там пол-Неба и пол-Города. И твоя рожа, невытая, ещё во власти сна, похмельная от него, с клочками на крышке черепа и мешками под глазами смотрит на всё это, а это всё смотрит на тебя одного. И хорошо. Такой выход в мир. Репетиция. Только обычно выходишь — и внутри, словно не вышел вовсе, а вошёл, нырнул, ввинтился. Засосало. И высосало. И выплюнуло обратно в комнату к вечеру.

Тут — иначе. Тут сидишь и в ус не дуешь. Сигаретку куришь. И хорошо.

Любимый брат Паша делает утренний кофе. Паша хороший. Он делает мне утренний кофе. Крепкий, как Паша.

— Нашёл твою коллекцию, — говорит, наливая в турку воду.

— Какую?

— Окаменелостей.

— Да, было дело, собирал. По Волге, когда она перед разливом усыхает — там дно, и много всяких штук интересных. Мы мальчишками всё излазали. А потом пришли как-то в нужное время года — и нет там ничего уже. Всё выбрали, выходит.

— Белемнитов у тебя много, разных, — кофе разливается им по чашкам, ему и мне.

— Да. Читал раньше много о древностях — сейчас забыл всё. Да и не верю я сейчас, в древность-то, — курим в кожуру от апельсина. Она пористая, толстая, с белыми волокнами внутри: даже если тушить жестоко, стола не испортишь. Пахнет цитрусовыми и вчерашними бычками. И удобно — ничего не нужно мыть, выкинул и все дела. Практично.

— В смысле «не верю»? Это доказано, — Паша смотрит в окно. В окне начинается снегопад.

— Доказательства не доказаны. Белемниты же — каменноугольный период? Человека ещё не было?

— Конечно.

— Так кто же видел всё это? Разве не человеку дана способность различать? Как наречёт человек всякую душу живую, так и имя ей? Ну, не так тупо, но всё же? Разве нет без смотрящего хаоса?

— Не понимаю, о чём ты. Вот кофе же есть, пока я не смотрю. Убегает, бывает.

— Мне кажется, что после Канта, а тем более после конструктивисткой философии прошлого века сложно говорить об объектах без субъекта. Конечно, наши представления об истории мира до того, как человек стал мыслить, находят своё место в биологии или физике, но мы не можем скидывать со счетов конвенциональный характер методов и понятий этих дисциплин. Сам наш способ смотрения определяет представления о том, что до него было нечто и что оно носило исторический характер.

АПОКРИФ

Глоток кофе после монолога.

— По-моему, ты делаешь всё ровно наоборот. У тебя философия всем указ, — а должна...

— Никому не должна.

— Поэтому-то философов и хотят в биореактор.

Утренняя нежность братьев.

О сетях и Поппере

Женя говорит, что его смутили вопросом: какая у тебя философия? А потом ещё одним: кто ты? От всего этого Женя изумился и прочёл доклад по сетецентричности мысли на философском кафе.

Пока говорится доклад, я сижу в непомерном для меня кресле и смотрю на прохаживающегося у Доски Докладчика. Ощущение такое, что я на Серьёзном Мероприятии, и что борода скоро вырастет. Кафе есть кафе, а конференц-зал — это точно не кафе.

Тем временем, — пока я сижу, — человек представляет из себя матрёшку из растительной, животной и прочих душ, а также социальных наслоений — и это нехорошо. «Попытки сборки человека из этих машин...». Ну, а сами попытки на совести Декарта, если мы в Европе. Женя сообщает, что может тренировкой дойти степени Божественного познания. Правда, сообщает с таким скучающим видом, что как-то не верится — даже не знаю, почему.

Кристина щёлкает затвором. Что-то у меня плохие предчувствия по поводу части с обсуждениями и прочим. И тут дело не в музыке даже. Хотя и музыка — вот это да! — играет, пионерско-дискотечная, громкая, прямо из соседнего помещения. Там что-то вроде холла с актовым залом.

Так вот, сетями человек вылавливает свой круг общения, скомпенсировав негативную расплывённость. Общество дошло до того этапа, на котором стоит притормозить и подумать. Учёные обмельчали, Землю исследовали, космос — рано. Все, короче, измельчали, но осталось пять минут, и подробно мы об этом, наверное, не будем. Скажем о спасении — о небольших сетях, в которые входят выбранные друг другом, они могут помочь предотвратить бюрократизацию и прочие мерзости. А правые идеи объясняются фрейдизмом и стремлением в утробу, ну да.

Пришёл Федя, всё пропустил, молодец. Проблемы с обсуждениями начались. О! Тот самый Федя-пассионарий, остальные молчат. Сейчас Женя совершит Ход, осуществит Комбинацию и расшевелит аудиторию... А пока что мы поговорим об исторической реконструкции.

Кристина объявляет перерыв по настойчивой подсказке Жени, заминка. Так, покурили и вернулись. Заметил деталь: перед стулом, на котором должен сидеть Женя, что носится туда-сюда, от окна к кафедре (да-да, и кафедра там есть!), лежит на столе раскрытая книга Батая и поверх неё очки, видимо, для обстановки.

Кристина прозрачно намекает: «Пора бы пообсуждать». Женя рассказывает об интеллектуальных гетто. Что-то мне подсказывает, что там я и закончу. Федя приводит аналогию из астрофизики и сетует, что никого нет, кто об этом бы что-то знал. Женя, говоря о репрессивном моменте в этой самой физике, оговаривается: буржуи. Буржуи! Ну, а где буржуи, там и универсальные системы объяснений, которые Женя ненавидит всей душой.

АПОКРИФ

Заговорили о системах, Кристина всех победила словом «эмерджентность», которое я с удовольствием повторил бы вслух ещё несколько раз. Критика универсализма уверенно движется в тупик. Сети позабыты. Ещё одна оговорка: вино вместо книг.

Уверенною рукою Докладчик что-то чертит на тетрадных листах, которые откуда-то между делом у него взялись, сейчас начнётся интерактивность, судя по всему.

Так, вот сейчас нам объяснили, как так вышло, что свиней есть нельзя: паразиты, болезни... очень познавательно. В букмекерских двойное дно, под ним говно-говно-говно.

Женя объявляет: мы зашли в тупик. Начинаем интерактивность. Прямо сейчас мы напишем на клочках: что такое философия в свете только что случившейся оргии. Божественные бумажечки. Вот и написали, вроде как конец?

Дубна, 12 марта

О фукофилии и молоке

На Покровке — звон колокола и мелкий снег в лицо. Под Покровкой — молодые люди в глубоких креслах. Всем тепло и накурено, только у Андрея болит голова от Фуко и недавнего прошлого, а Кристина волнуется. Маша окурком ласкает пепельницу, словно успокаивая её меркнувшим огнём.

— Мультик, выходит, такой: Барт, значит, с ножом, прыгает на Автора, режет глотку, тот падает трупом. Потом Фуко танцует на могиле и оживляет его философским танцем. — Саша будет не хуже Проппа. Этакий Пропп с воображением.

— Да ладно, он старый уже был, Барт просто у могилы сидел. — Точность и аккуратность у нас любит Женя. Поэтому ковыряется в мозолях на руках и делает какие-то пометки в блокнот.

— Ты не запаривайся сильно, что ли, — советует ему Кристина.

— Я даже несильно не могу запариться. И всё же нужен эмпиризм историка.

Паша заказывает кофе — разного, но немного. Сегодня он ленивый и всегдашнюю турку сменил на планшет.

— Фуко ваш: философ или историк?

— «Я не Шпенглер», так он говорил, а все гипотезы о его сути разбиваются о слова и вещи, — Кристина надевает шляпу на стол.

Ваня безучастно смотрит на то, как Илья ворует у него молоко. Подкрепившись, последний спрашивает, тихо и сильно подаваясь вперёд:

— Есть ли единая философия Фуко, или это просто ряд книг по истории?

— Да. Больницы производят больных, тюрьмы — заключённых, сумасшедшие дома — психов, и всё это в угоду власти.

Лида вздыхает и отправляет в рот зелень обезболивающего.

— Что я делаю? На досуге я переделываю текст Фуко, из синхронии в диахронию. Такая история: Фуко в библиотеке редескриптивировал историческую науку, а я — самого Фуко. В прочем, об этом я не буду говорить. — Кристина говорит стоя и крутит ручку.

— Каких результатов ты достигла? — Андрею жалко, что нет пива, и не слишком интересно происходящее.

— Это показывает изначальный замысел и решает некоторые технические проблемы восприятия текста, — Женя кидает на стол жёлтый цветок сомнений.

Аня трогает ногу Эмсора, тот лапает значок, и улыбается в одну черту:

— По-моему, мы все повторяемся.

Из «Интеллектуалы и власть», к обсуждению про со-бытие:

— Слово «кризис» наводит вас на какие-то мысли?

— Это лишь словечко, которое знаменует неспособность интеллектуалов уловить их настоящее или вскарабкаться на него! Только и всего!

— Так вас смущает не само слово?

— Безусловно, нет! Меня даже смешит, что ещё находятся люди, которые его употребляют. Необходимо отдавать себе отчёт в том, что и на этот раз кризис стал своего рода теоретической приправой, которой потчуют друг друга политики, экономисты, философы и все прочие, для того чтобы придать хоть какой-то статус настоящему, для анализа которого у них нет иных инструментов. Если хотите, кризис — это вечное настоящее. В современной западной истории не было ни одной эпохи, когда отсутствовало бы чрезвычайно тяжкое осознание глубоко переживаемого кризиса, такого кризиса, который люди не чувствовали бы своей собственной кожей.

«Политика — это продолжение войны другими средствами».

Женя Хо

Подвальный Сталин

пусть едят пирожные

В том подвале преступно низкий потолок, — давит. И кофе нет.

Был чай — напиток русского ревподполья. Вот так, меж миром и чаем — извечное одно место радикала этой страны. Причём чаем дерьмовым, в накипью измазанном чайнике сделанном, из жёсткой воды и порошка презренной категории D. И пить — из пластика, противно мягкого от кипятка.

Но куда гаже потолка — вход. Всё время бьюсь головой — неожиданно низок, и бетон — не подушка. Так ударишься пять раз за вечер, потом ходишь всюду — нагибаешься. Словно посол европейский у паши, — не знаешь, где надо спину гнуть, а где — лишнее.

Это как карп: научится преграду крюком обходить, — и всё. Хоть ты десять раз эту преграду туда-сюда верни-убери — всё равно, скотина, будет крюком плавать.

И курить нельзя, и не жарко, откровенно не жарко. Поэтому бегаю и пью чай.

Как-то сделали у нас в реке запрудню, — полезное дело. Дети купаются, рыбаки: культурный отдых граждан, словом. Правда водопадики она закрутила, запрудня-то, и мели, где кораблям не надо: а по реке иногда грузы возили, песок там, грунт как-то строительный. Неудобство вышло, неуместность.

Ну и сломали к чёрту запрудню. И вроде нет уже там ни рыбы, ни воды тихой — тина и мусор по краям. Помню, как последний рак речной на моих руках дух испустил. Только вот ходят туда всё одно: и мальчишки, и рыбаки. Что те карпы, ей богу.

— Вот ты мне скажи, карпы. А всё равно: он пришёл и гадов посадил, а с его уходом смотри: депопуляция, деиндустриализация, деинтеллектуализация, демодернизация. Сказочник. Он как раз направил реальное в эту умирающую диалектическую трясиину — это даже ваш Жижек знает.

Перед ними, залом сидящими, чувствую неловкость. Как александр-сергеевичевский Кот, нелепый, разжившийся вдруг аудиторией. И цепь — золотая, толстая.

Пиджак, кольца, бритая черепушка. Делаю глоток.

— Отцеубийство, по Жирару, есть посягательство на само различие и на саму иерархию общества, сведение отношения отец-сын к брат-брат. Стоит ли удивляться, что это делают либералы, стремясь всё сделать единым перед лицом денежного эквивалента?

— Не единым даже, одинаковым. Чай вскипел, кстати.

Не чай, конечно. Вода. Припасы — воду, чай и сладкое — сегодня охраняет отец Владимир. Ворую у него печеньку и подхожу к стеллажу с книгами, смотря на людей боковым. Вот пара: один другому делает предложение, деловое. Или вот девочка-мальчик: флиртуют, длинноволосые. Беру случайную книгу, открываю:

«Сила его, по выражению Гильфердинга, скромная, чуждая всякой аффектации и хвастовства, но требующая к себе уважения».

Здоровский парень был: и воин, и монах, и народу близок, врага побеждает, супротив князя алчного идёт. Золото человек.

Вот Лёша — тоже на святого похож. Только небритость слишком аккуратная. Так и вижу его на службе: светлый взгляд, чистые, милые, ответственные губы, маленькие, аккуратные ладони — предмет моей зависти — и томик Канселье в кожаном портфеле. Есть у Лёши Канселье, — да бабки в церквях всё равно тряпками прихожан гоняют. И иконы сталиновы есть, и почитаемы. Шут её знает, мать-Церковь. Вроде и Канселье — а тебе на.

— Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь, — это Дима. Похож на меня, — тоже на золотой цепи ходит. И как я — из шляпы змей достаёт: знаете, Сталин на крови православной вырос, и не она от него, а он — от катехона.

— Не идёт ли речь о Святом Духе? — отца Владимира задело.

Совмещаю книгу с полкой и сажусь на своё место.

— Хасиды убили Сталина, — возвещает тут Геннадий. Он в шляпе, пиджаке и больших очках. Почти сразу понимаю: мы с Димой вне игры. Чёртовы очки, кто просил тебя их надевать. Теперь всем ясно, кто настоящий Кот.

И тот, ясный, начинает историю: на нескольких языках сразу. Про избранный народ и его беды. В ответ могу только глотнуть кипятка и ощутить мерзкую никотиновую жажду. Поражение в борьбе за цепь — и силы все за порог. Вижу, как Дима уходит.

Варракс. Уверенный: с листьями, датами и регалиями героев его истории: Вернадский, Чижевский, Циолковский. Советский оккультизм. Илюша радуется, — созвучно его событийной душе: про ноосферу и пределы науки. Чувствую, правда, как напряглись методологи науки в левом дальнем углу: не вышло бы ссоры.

Даю им чая с сахаром и мармелад. Говорят, выводит тяжёлые металлы.

— Вар, а Сталин умел в хохха входить? — спрашиваю.

— Андреева не исповедую, — как-то так ответил. Опускаюсь рядом с методологами — сил уже нет.

Илюша знает, что мне плохо. Мне всегда плохо от поражений. Он ругает Гиренка, Фёдора Ивановича. Ругает нелепо, — да и кто может иначе говорить после Гены?

Всё закончилось, гости ушли.

Карпы. Посыпал хлеб — и они приплыли. Правда, это всё никак не отразится на моём рационе.

Оямизация мышления. Логика философского открытия

Прежде всякого начинания:

Я буду говорить о классических стратегиях философствования, ориентированных на фигуру Философа и не имеющих в виду Сообщество как философского субъекта, то есть тех стратегиях, коим Философское кафе, имя своим примером Сад Эпикура, французский салон и немецкий клуб, противоположно.

Собственно, говорю. Надо начинать.

Философия к началу нашего века избавилась от желания начинать. Модно длить, расширять, углублять, сравнивать. Кажется, не будет слишком сильным утверждением признание этой моды общим для современной нам культуры моментом: культуры зачастую яркой, деятельной усталости от усталости. Не то чтобы мне нравилась такая ситуация, — но пока у меня нет наглости провозгласить её исправленной и нуждающейся в исправлении.

Поэтому начну я не с начала, а с извинения: для меня в новинку организованное в форме лекции общение с представителями интеллектуальной элиты Церкви. Я не знаю, чего ждать от вас, — равно как вы, наверное, не очень понимаете, что скрывается под названием моей темы (в своё время я постараюсь элиминировать это непонимание). Я совершенно не представляю себе траекторий вашей образовательной стратегии, посему допускаю, что всё, что я скажу сейчас, является для вас тривиальностью. Это было бы печально: ведь вы тратите своё время. Поэтому я извиняюсь — чтобы как-то компенсировать риск, на который вы пошли, предпочтя встречу со мной прогулке или чтению этим вечером.

Когда я думал над предложением Алексея представить мои размышления о философской практике в виде нарратива, я снова почувствовал то сопротивление, которое так часто испытывала моя мысль, подходя к гавани континента Философии. И дело тут, как мне кажется, не только в вопиющей скромности моих интеллектуальных способностей, но и в том, что вблизи этого места вообще сложно думать: слишком высокое давление, слишком сильные ветра¹. Поэтому прежде мышления о философии я увлёкся мышлением возле неё.

Первое, что пришло на ум, когда я обратился к указанной теме, был вопрос, заданный моим однокурсником Димой Овечкиным: «Откуда они это берут?». Вопрос был задан вполголоса на задних партах лектория Шуваловского корпуса во время лекции по доплатам. Относился он — не в пример другим заднепартовским вопросам — к персонажам лекторского повествования. Тогда я не нашёлся, что ответить — нет у меня ответа и теперь. Позднее — и до сего момента этот вопрос встаёт передо мной каждый раз, когда какой-то философ, работая с неразличимой единой ситуацией (бытие, время, простран-

¹ Интересно, но именно такая погода стоит вокруг острова Рок, земли Мудрых, в сказочном Земноморье, описанном Урсолой Ле Гуин.

во...), вдруг полагает ей именно такое, а не иное количество измерений. Мой замечательный коллега Иван Фомин в связи с этим считает, что это совершенно произвольное действие, и вопрос стоит лишь о степени его удачливости.

В связи с этим хочу обратить внимание на высказывание Канерва-Катая:

Для <...> читателей тексты больших философов часто выглядят как совокупность суждений, свободная игра свободного ума, а иногда просто как череда ничем не обоснованных интеллектуальных выкрутасов и т.д. Но это только поверхностное впечатление. Продумывание своих суждений, соотнесение их с суждениями других мыслителей (и не только в философии, разумеется), постоянная рефлексия над основаниями, разворачивание диалога с предполагаемыми оппонентами в мыслительном поле, выстраивание аргументации — то есть то, что делает каждый большой философ, почти всегда остаётся скрытым для читателя.

Н. Канерва-Катая «Когда умрёт последний философ»

Только ли этим (удачное различение и диалог с другими философами) исчерпывается философская работа? Что вообще является её условием? Что позволяет входить в порт, когда ветра дуют непредсказуемо?

Вёсла. Грести нужно, и шустро.

Представьте себе человека, совершенно невежественного в ИТ. Когда ломается компьютер, он зовёт мастера и обменивает свои деньги на его услуги. Так же люди поступают и с продуктами мышления: меняются только платёжные знаки. Люди вообще крайне мало думают (и это хорошо). Обычно за нас мыслит общество — оно является субъектом мышления, а наш мозг — лишь средством объективации продуктов этого мышления — даже со всеми априорными формами, когнитивными картами и прочими наследниками врождённых идей, способными лишь оформить полученную от общества мысль в более или менее индивидуальные одежды.

Поэтому если философия и возможна как свободное, одинокое мышление — то только на рабских галерах.

Итак, мы в порту. Мы сформировали мыслящий субъект, укрепили белую башню, хижину в лесу, одинокий домик во фьорде, создали философское уединение у себя в голове. Но всё ещё сложно — плохая погода, сыро, дров нет, провизия кончается. Кругом недоброжелательные лица. Изо всех щелей дует: подумаешь о времени — нужно опираться на теорию наблюдателя, подумаешь о наблюдателе — нужно думать о Боге, подумаешь о Боге — нужно думать о Ничто, — а как о нём подумаешь, когда дров нет? А гонец из Спарты с вестью о том, что ты — мудрейший, всё удивляется — что это ты смеёшься ему в лицо?

И как-то быстро понимаешь, что что-то не так в этом гордом уединении. Во-первых, выходит, что ты кривляешься. Кругом люди — а ты ходули надел и идёшь кое-как. Во-вторых, всё равно нельзя без Другого — хоть контрабандой, да протащишь его в свою башню. Не говоря уже о всяких генеалогических проектах, социологии знания, психоанализах — вот тут-то тебе и припомнят рабскую твою галеру.

Уже не так всё весело, когда знаешь, что Дельфы — это аванпост милитаристской машины Спарты, и вовсе не похвалу несёт тебе быстроногий гонец.

То есть как выходит? Раньше ты просто платил сантехнику Петру Алексеичу за ремонт. Потом решил — сам делать буду. Но вышло ещё хуже — не ты платишь, а тебя обворовывают. Из Ницше делают Гитлера, из Гегеля — Ленина, из Платона — Генона. Словом, везёт только Левкиппу.

И тогда философ хочет остановить мышление. Чтобы дойти, встать — и больше не думать. Остановить эту проклятую машину беспокойства, которая только и рождает чудовищ, а вовсе не мирный сон в лоне общества. Это очень хорошо понимал Плотин, провозгласивший примат Единения и экстаза над мирской логикой. Понимал это и Декарт с его естественным светом. Через века после них Витгенштейн напишет:

«Не думай, — смотри!»

За несколько лет до этого Гуссерль, изучая досократические крохи по Дильсу-Кранцу, заметит на полях:

«Я видел это!»

Дунс Скот подчинил разум воле, Паскаль бросил науку ради парения над бездной, Локк просил указывать ему на происхождения идей и к этому свёл свою философию¹. Примеры можно множить, но важно: чтобы так видеть, чтобы знать первые сущности, идеи, выражать общую волю, — нужно быть Богом². Или Спинозой субстанцией³. Только доведя себя до автоматизма, только введя рассудок в сон схоластическими приёмами, только усыпив разум диалектическими фокусами, можно найти себя в состоянии абсолютной пустотности идеального учёного, видящего всё в адекватном, как сказал бы Лейбниц, свете, в состоянии субъекта.

И вот, мы, вооружённые истинным знанием, наконец-то возвращаемся в пещеру. И что мы видим? Что наши суждения обладают общезначимостью тогда и только тогда, когда мы молчим. А начинаем говорить — и слова размывают истинное знание. На страже гераклитовой текучести, с которой приходится работать, оказываются Дьюи и Рорти с их планами уничтожения подобных витаний в облаках. Как-то не чувствуешь себя великим философом, когда тебе так, в лицо, говорят, что твоя башня — это отчуждённые формы, ложное сознание, что интроспекция сомнительна, а твоё ясновидение совсем не учитывает историчности. Что всё, что ты делал в мире идей, — это опять на благо не тебе, не близким, не дальним, а власти. Что субъект — да! — гордая, прекрасная идея свободы западного духа, — только вот нельзя с ним двигаться за пределы капитализма, потому что субъект — это, прежде всего, субъект экономических отношений⁴.

В этом моменте сходят с ума, принимают кинизм и обдумывают основой вопрос философии Камю. Пока философ думает над этим, — общество тихо-тихо его обносит. Его тянут в свой лагерь политиканы. Его применяют к науке. Его описывают в искусстве. Его афоризмы попадают в сборники. Всё, смерть.

¹ Усталость. Но ещё — не от усталости, а от работы.

² За такую нескромность часто и ругают философию — Хилари Патнэм хороший пример такого критика.

³ Не случайно из Спинозы вышел Маркс.

⁴ Адам Смит считал капитализм миром свободы. При этом торговец начинает свою частную практику и чувствует не невидимую руку рынка, а невидимую его удавку. Если совсем тяжело, он отказывается играть дальше. Но тут ему грозит голодная смерть, — всё равно приходится работать.

Что же можно надумать? Наверное, много чего. Жили же как-то люди.

Отвечают на вопрос Камю всё по-разному. Да, человек смертен, — но разве это плохая новость? Да, боги приковали Сизифа к труду, — но «возможность сколь угодно долго заниматься любимым делом — это ли не счастье?»¹. Разве так одинок человек перед лицом абсурда, вечной клетки для разума?

Разве зря мы боролись с ветром, искали камень для башни, спускались с неё — всё зря? Неужели мы совсем ничего не нашли на этом пути?

Что мы совершали? Усилия поначалу, повторения одного и того же, опустошение, усмотрение, возвращение.

Хайдеггер в своём философском дневнике (в том самом, где «Бытие есть трепет перед божественным») занимается именно опустошением себя для вслушивания в Бытие через многократное повторение одного и того же: «погружение в немотствование» он зовёт «логикой» философии.

Мастер Экхарт повторяет раз за разом молитву: только пустые сердца Бог наполняет знанием.

На упражнении делает акцент и Кант во введении в «Критику чистого разума»: «Наше опытное знание складывается из того, что мы воспринимаем посредством впечатлений, и из того, что наша собственная познавательная способность <...> даёт от себя самой, причём это добавление мы отличаем от основного чувственного материала лишь тогда, когда **продолжительное упражнение** обращает на него наше внимание и делает нас способными к обособлению его».

Однообразная работа по собственной воле, опустошение себя и выпитывание своей практики в плоть и кровь — вот суть подготовительной работы философа. Это очень похоже на то, как тренируются адепты карате — отсюда странное название, выбранное мной для выступления. Во время этих упражнений достигается главное — возможность рефлекторно реагировать на удар, иногда творчески реагировать, иначе не выжить. Иными словами, прорабатывая много раз традицию, философ, сталкиваясь с проблемой, будучи уже опустошённым своей бессмысленной работой, вдруг понимает, — материал традиции в нём понимает, — что вот именно этот термин, это движение, это различие, этот вдох позволит ему прожить чуть дольше, чуть счастливее, пройдя горнило вопроса Камю.

Нечто подобно существует и в языковой практике, когда из множества слов выбирается одно (чувство стиля), и в го, когда игрок в какой-то момент совершает ход — ход Бога, — недоступный алгоритму машины, но являющийся самым сильным из возможных. Поэтому го остаётся единственной игрой, в которой люди эффективнее программ.

Суммирую.

Логика открытия идёт через выделение философа из мыслительного океана общества, становление его субъектом и изменение посредством практик работы с философским наследием к порождающему новое знание столкновению уже изменённого сознания с новым для него опытом.

¹ П. Бормор «Сизиф».

Список литературы

1. И. Кант, «Критика чистого разума»
2. М. Ояма «Философия каратэ»
3. Адо «Духовные упражнения и античная философия»
4. Н. Канерва-Катая «Когда умрёт последний философ»
5. Свасьян «Феноменологическое познание»
6. Хайдеггер «К делу философии»

Приписка

В ходе обсуждения Паша Климовицкий поставил важный вопрос: а с каким материалом работали тогда первые философы. Тогда я ответил, что они были на такой же границе между философским мышлением и обыденным того времени, как и первые драчуны, стремящиеся как-то зафиксировать свой боевой опыт, создавая таким образом канон возникающего стиля. Сами они ещё не являются адептам и даже основателями школы, но служат учителями действительным основателям, какими наша традиция знает Платона и Аристотеля. При это стоит заметить, что, скорее всего, эти полудрачуны были в бою более эффективны, чем их последователи, наученные по строгой методе и в рамках узкого мышления («это не истинный стиль!», «в нашей школе так не бьют!» и т.д.). Это всё вместе с традиционным указанием на восточные источники философии доплатоников (например, Гераклит и Анаксимандр немало взяли от персов) служило мне ответом на вопрос.

Сейчас я думаю, что Паша, при должном старании, мог бы и разрушить моё мнение о механизмах классического философского открытия. Но всех карт раскрывать не буду — слишком скучно будет тогда блефовать.

Другой интересный вопрос задал Лёша Андреев. Он касался того, как нужно преподавать философию нефилософам: в стиле «Платон сказал: мир из идей» или «Аудитория, давайте на коленках решим, есть ли Бог?». Это был как раз тот вопрос, над которым я думал в практическом аспекте организации Философского Кафе в университете «Дубна», где нет философского отделения. Пока мы пришли к выводу, что лучше всего будет так: я ставлю вопрос, который является классическим для западной философии (что есть число? из чего состоит мир? и т.д.), и предлагаю участникам забыть о том, что было написано в учебниках. Каждый из них выдвигает свою стратегию ответа. Столкновение этих ответов рождает коллективный текст из тех идей, что смогли эволюционировать под градом критики. Имея такой текст на руках, я рассказываю о том, как он соотносится с уже существующими вариантами ответа. Посмотрим, что у нас получится.

Саша Басов. Комментарий на лекцию «Оямизация мышления»

- Не ожидай победы, не ожидай поражения...
- Чего же мне ждать, учитель?
- Ничего не жди!¹

Автоматизация. Но это только шаг к обретению ловкости. А разве не этого ищет и философ? Как атлет, адепт боевых искусств, ищет абсолютной ловкости во владении своим телом, так, возможно, и философ ищет ловкости во владении своим мышлением? Что есть ловкость? Ловкость — способность реагировать ясно и отчётливо, наилучшим образом во всякой ситуации и во всякое время. И со всяким противником.

Однако путь к такой ловкости — не приносит ли он больше, чем ждёт от него идущий? Не лежит ли он через сферы более высокие, чем способствующие **выживанию**? Выживание — жизнь одного, несмотря ни на что. Путь воина, путь к ловкости, ведёт дальше выживания (ср. кодекс Бусидо). Принять смерть, свыкнуться с ней — чтобы преодолеть скованность трепещущего духа. И ещё дальше: дальше готовности умереть, чтобы исполнить долг, — к способности сохранить жизнь, истребив агрессию; к непобедимости. От готовности выживать к готовности жить. От практики выживания к пониманию идеи жизни, пониманию Блага. Что же здесь — **философское открытие**, что здесь — **новое знание**? Но, возможно, пафос философии — не новоевропейское приращение знания, а древнегреческое прояснение? И логика здесь — не логика открытия, а практика состояния?

P.S. В ключе этой метафоры — философии как боевого искусства — понятно, что нельзя заниматься философией в понедельник и четверг с 16.20 до 17.50. Как нельзя идти по пути три раза в неделю по два часа. Занимаясь боевым искусством, проводишь через него всю жизнь, весь опыт, всякое событие. Возможно ли иначе поступить с занятием философией? И, значит, ясно: вопросы о сущности числа, составе мира — только отдельные техники, приёмы. Но изучение боевого искусства начинается с базовых передвижений, с их бесконечного повторения, доведения до автоматизма — такого «практического понимания», топтания на одном месте. Не является ли одним из таких базовых движений в философии — **рефлексия**?

Использованная литература

1. Н. Бернштейн «О ловкости и её развитии»
2. М. Цунэтомо «Бусидо»
3. М. Саотомэ «Дух Айкидо»

¹ Фильм Сидни Поллака «Якудза».

Женя Хо

Ещё о логике философского открытия:

Постель против стола

Подушечка!
Утренний стон

Спина!
Стон после рабочего дня

Важно быть в постели вовремя.

В постели можно есть: и тогда остаются жирные пятна и крошки. Можно заниматься любовью: и простыни будут влажные и мятые. Можно курить: и пепел хоть иногда коснётся наволочки. Всё это связано с утратой, с непотребляемой долей.

Можно сесть втроём в рядок, поставить ноутбук перед собой и смотреть фильмы.

Можно читать и думать.

Можно спать.

В философию постель ввёл де Сад. В России, правда, как иногда бывает, замешкались и всё поняли по-своему: у нас не какой-нибудь Василий Розанов или Владимир Соловьёв, а Ксении Соловьёва и Собчак сделали кровать философским объектом.

Ты становишься взрослым, когда не писаешься в постель и вообще чувствуешь себя там свободно. Тогда понимаешь, где веселее вместе. В постели ты свободен и потеешь только во благо этой свободы.

В отличие от нелёгкой судьбы постели, стол с давних пор был универсальным объектом онтологического эксперимента, гносеологического примера, аксиологического изврата, диалектического фарса, сцены эстетического опыта и этических авантюр.

Можно читать за столом.

Можно за столом писать.

Можно за столом есть и пить.

Стол — жертвенник и верстак. На нём убивают жизнь и рожают в муках рефлексию. Стол стоит пределом между субъектом и объектом. Стол мешает думать, создаёт иллюзию трибунала, позиции Бога. Мешает одинокий, квадратный стол свободному полилогу, эмпирической точности. Справа книжки, слева книжки, посередине компьютер, по бокам всякие мелочи: часы, зубная щётка, бритвенный станок, календарь. За таким нет места Другому.

Стол — это барьер, барная стойка и бюро оплаты. Стол — отец бюрократии и тоталитаризма. Стол, он, гад, круглит. Хочет стать либеральным. Но мы-то знаем, что либерализм предполагает равенство людей уже свершившимся, а потому не может быть антитезой тоталитаризму.

Стол тотализирует мысль, совершая над ней акт дисциплины. За столом ты трудишься. За столом ты отчуждён.

Можно за столом квасить. Это садишься напротив или же кучей и ставишь центром бутылку и вокруг неё стопки. Начинается с абсолютной полноты бутылки и заканчивается её абсолютной пустотой. Зато играет фантазия и хочется спать. Иногда кого-то выташнивает на газетку или в жж-азик. В Европе всегда финалом будет пустота и катарсис. Потому что на большее сил нет. И ответственности тоже нет — всё как последний раз. Главное, чтобы вместе. Когда решаются мировые проблемы.

Можно трахаться на столе, меньшевистски убрав всё предварительно или порубиновски сметая всё задницей партнерши. Она упирается руками в стол, поддерживает тебя, обнимая ногами. А зачем нужно ебя поддерживать? Чтобы не свалился в бездну, где нет Другого, а значит, вообще ни зги, только выход между занавешенных штор человека в футляре.

Фокус в том, что греки спали на своих столах после трапезы. И именно со столов произносили философские речи. Сейчас так можно на Востоке — столы низенькие, а кроватей вообще как от земли не видно. Не зря Кожев пел о японизации Запада.

Рене Декарт мыслил и умер именно в постели, а не за столом. Барух Спиноза судился из-за своей кровати — жить и думать без неё не мог. Иммануил же Кант думал столово: и что из этого вышло?

Литература

1. Собчак К. Соколова К. Философия в будуаре. — АСТ, Астрель. 2010.
2. Маркиз де Сад. Философия в будуаре, или Безнравственные учителя. — АСТ, Астрель, ВКТ 2011.
3. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. — М.: ШКП, 1997.
4. Потёмкин А. Стол. Повесть. Серия «Мастер-класс». — М.: Издательский дом «ПоРог», 2004.
5. Сафронов П.А. Формы жизни. За столом (<http://www.censura.ru/articles/table.htm>).

Иван Фомин: Мне кажется, стол незаслуженно унижен. Постель, помимо прочего — лень, спящие апостолы потворствуют лукавому. Постель — это слабость, место, куда скорее подкинут голову лошади, чем на стол. Где обманет «одна гретхен», где самсон будет стрижен. Стол же консолидирует — тайная вечеря, «сесть за один стол». При этом даёт начало именно сознательному объединению, в постель часто ведёт импульс. Стол — вообще площадка разума, алеф Борхеса для сознания, в то время как постель даёт зеркальный эффект: тот же алеф, но отражённый на бессознательное, сновидения.

Женя Хо: Да я не против стола-то. Я лишь за то, чтобы стол не считал, что только он владеет мыслью

Иван Фомин: Да уж, моими мыслями всецело кровать располагает.

Дима Давыдов: Всё больше и чаще философ, писатель, мыслитель созерцает обыденность и вычлняет из неё настолько простые, глубокие и исчерпывающие концепты реальности, что приводит нас, читателей, в смущение и страх. Всё больше и чаще снимаются большие вопросы, и, через ответы на вопросы маленькие, реальность становится ближе, проще и вместе с этим загадочней. И в этой небольшой статье/размышлении рассматриваются, казалось бы, просто постель и стол. Но не всё так однозначно, оказывается, обыденность имеет свою метафизику и онтологию, в некоторых случаях покруче, чем классические предметы философского размышления. Оказывается, Бог, Абсолют, Бытие совершенно по-разному можно понять через стол и через постель. Стол и постель — не просто предметы потребления, они принимают на себя роль интерпретативных инструментов, парадигм — парадигма стола и парадигма постели. Стол и постель — это браузеры, через которые одна и та же информация, один и тот же сайт может быть представлен по-разному. Стол и постель — это разные компиляторы, которые по-разному обрабатывают один и тот же код. Но автор, увы, не оригинален. Он ведёт нас к давно известной истине — Бытие определяет Сознание, или даже по-другому, процесс жизни определяет процесс философствования. Давайте ещё раз поблагодарим его за это напоминание.

Женя Хо: Не могу согласиться, что речь идёт о парадигмах стола и постели в смысле бытописательной перспективы метафизики. Для меня это просто публицистический опыт изложения двух типов логик философского открытия, основанный на метафоре. Для меня важнее было высмеять Сафронова и всех, кто видит в Саде философа (во всяком случае, делает это нерефлексивно), чем создать что-то вроде «онтологии кровати» или «онтологии стола». Очень обидно, что вместо этого у меня опять вышел трёп.

Кофе и социальности

На столе маленькие джезбе, шляпы, трубка и телефон — шоколадкой с перчиком. Ждался, конечно, звонок от жены, — но она, как всегда, была где-то. Позвонил Филипп. Спросил, писал ли на его номер.

— Нет, — честно ответил я. И решил проявить любознательность.

— А кто это?

— Это Филипп, — объяснили на другом конце.

— Понял, — опять честно сказал я.

— Ну, пока? — как-то грустно сказал Филипп.

— Доброго дня, — сказал я и отключил телефон. Взялся за чашку. Чёрный — тот, что на песке — был приличный, а столик был всего на четверых. Думали — пересядем ли? Вон, там балкон. Или там — пиво дешевле. Всё равно, Павла нет, и за кофе платим. Подумали — и остались. И вот странно — рассчитан на четверых, а нас держит, не падает.

Кофе — приличный, а вот рефлексы были так себе, — не слишком. Кто-то пытался чокаться, кто-то наклонял чашку, переливая туда кофе из джезбе, — даже пили иногда залпом.

— Знаете, он как вцепится в стул и орать: структура культуры! Маркс и Сорокин! Было страшно.

— Вебер, поди ещё.

— Троица, вах, скульптуры. Знаете, что у них там Маркс — главный структуралист?

— То есть о французах не слышали?

— Думаю, нет. Я прям представляю: Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин — и наш герой, верхом на танке. Или на томе «Капитала».

Андрей вываливает кофейную гущу на блюдце.

— Что, — говорит, — видите?

— Поле и вещество.

— Да ну? По-моему, тут размышляющий о самом себе.

— Аутист? Наш супчик — аутист?

— Ага. Замедляет себя и ест слоёный пирог. А потом выдаёт: деятельность, активность, интересы, потребности.

— Как Кант.

— Кстати, в «Метафизических началах естествознания» этот тип обозвал закон сохранения масс одной из основ химии — с этого многое началось. Это я к чему — химик нужен. Поговорить — для диплома. Хочу проверить, что там с химическими связями сейчас.

— У меня бывшая есть — химфак. Пойдёт?

— В самый раз.

Набираю:

— Это Женя. Доброго дня.

Правила и ход Философского кафе

Ниже публикуются самые первые правила, самая первая, учредительная форма административной рефлексии участников ФК над ФК. Сопоставив с нашими теоретическими работами и более поздними формами самоосмысления сообщества, вы сможете наблюдать нашу эволюцию.

Твоё рвение к рассуждениям, будь уверен, прекрасно и божественно, но, пока ты ещё молод, постарайся поупражняться побольше в том, что большинство считает и называет пустословием; в противном случае истина будет от тебя ускользать.

Платон, «Парменид»

Cafe-philo «У Ситха» — низкоформальная форма неакадемического образования, трансгрессия академических правил, возникшая в декабре 1992 в свобододлюбивой Франции. Мы предлагаем вам свободную форму дискуссии, ограниченную только высшей властью — властью времени, хранителем которого является наш администратор.

Ход Cafe-philo «У Ситха»

1. Администратор приветствует собравшихся, говорит правила и ход собрания (чёрт, прям «Бойцовский клуб»), представляет тему доклада и докладчика.
2. Доклад длится не больше 20 минут, за этим строго следит администратор. Во время выступления запрещается задавать вопросы и переговариваться между собой.
3. Вопросы докладчику. 30 минут. За 10 минут до конца администратор обязан позаботиться о кофе для участников и себя самого: пустить меню и ручку с бумагой, кто что хочет.
4. Кофе-брейк. 15 минут. Во время кофе-брейка запрещается обсуждать тему доклада, приветствуется дружеская беседа обо всём на свете за чашкой кофе. Кофе в «Хижине» хороший.
5. Первый этап обсуждения. Мнения слушателей о докладе. Полемика. 20 минут.
6. Кофе-брейк. 15 минут.
7. Второй этап обсуждения. 20 минут. По воле администратора время может быть увеличено до 30 минут.
8. Администратор или кто-то, отличный от докладчика, подводит итог беседе.

Правила Cafe-philo «У Ситха»

1. Никому не рассказывать о философском кафе.
2. Никогда никому не рассказывать о философском кафе.
3. Никто не обязан занимать какую-либо позицию по обсуждаемому вопросу.
4. Помните о необходимости соблюдения корректности ваших суждений и уважении к чужому мнению.
5. Вежливость не должна туманить вашу позицию.
6. Запрещается нарушать регламент.
7. Жёсткий диктат администратора поддерживается самим Кроносом и считается священным.
8. Никто не имеет право менять временной регламент.
9. Ненормативная лексика — часть русского языка, никто не может быть осуждаем за её употребление.
10. Во время проведения кафе запрещается употреблять алкогольные напитки.
11. Администраторы оставляют за собой право удалить тайным голосованием любого присутствующего вежливой просьбой.

2009 год

Бессмертие

不
死

お
九
が
書

Непорядок дискурса научного иммортализма

С благодарностью Даниле и Валерии —
настоящим имморталистам,
достойным называться научными.

Вступление: Кухня

«...возьми, сын мой, философской ртути и накаливай, пока она не превратится в красного льва. Дигерируй этого красного льва на песчаной бане с кислым виноградным спиртом, выпари жидкость, и ртуть превратится в камедообразное вещество, которое можно резать ножом. Положи его в обмазанную глиной реторту и не спеша дистиллируй. Собери отдельно жидкости различной природы, которые появятся при этом. Ты получишь безвкусную флегму, спирт и красные капли. Киммерийские тени покроют реторту своим тусклым покрывалом, и ты найдёшь внутри неё истинного дракона, потому что он пожирает свой хвост. Возьми этого чёрного дракона, разотри на камне и прикоснись к нему раскалённым углём. Он загорится и, приняв вскоре великолепный лимонный цвет, вновь воспроизведёт зелёного льва. Сделай так, чтобы он пожрал свой хвост, и снова дистиллируй продукт. Наконец, сын мой, тщательно ректифицируй, и ты увидишь появление горючей воды и человеческой крови»

Таков рецепт эликсира бессмертия¹, который предлагает английский алхимик XV века ка Джордж Рипли ((Ripley, 1470-1471) via (Рабинович, 1981)).

Достижение личного бессмертия тысячами интриговало лучшие умы различных времён и культур: нумерология, даосские учения и лунный заяц под кассиевым деревом² указывали путь китайским мудрецам³ (расцвет чьих исканий пришёлся на период правления вошедшего в историю императора Цинь Шихуан-ди)⁴, тогда как астрология, четыре

¹ Если быть точным — философского камня, уже который, разведённый (в известной мере) в воде, превращался в золотой напиток (*aurum potabile*) — омолаживающий тело и исцеляющий болезни.

² Изображённый на одежде китайского императора XVIII века (Christie, 1983; p. 63).

³ Долголетие традиционно занимало первое место в системе ценностей древнекитайского общества (*у фу* — пять видов счастья), о чём свидетельствуют надписи на ритуальной бронзе II — первой половины I тыс. до н.э. В древнем Китае развивались две концепции бессмертия: *натуралистическая* (бессмертие как безграничное долголетие, с ориентацией на гимнастику, дыхательные упражнения, изготовление эликсиров) и *духовная* (сохранившая часть натурализма, но более спиритуализированная, требующая созерцания и мистического восхождения к основе мира; предполагала переход “бессмертного” из профанной сферы в сакральную с приобретением принципиально новых качеств). Впоследствии развитие натуралистической модели в философии, отразившее и религиозный аспект, сделало невозможным другое представление о бессмертии, кроме как о бессмертии телесном, неограниченном долголетии всего психосоматического комплекса человеческого организма. (Духовная культура Китая: Энциклопедия, Т.2, 2007; С. 216, 217)

⁴ В 219 г. до н.э., через два года после создания империи, маги из Ци прибыли ко двору с предложением о поисках эликсира на морских островах. В это же время циньский император стал говорить о себе как о «на-

стихии и язык символов подсказывали алхимикам Средних веков и Ренессанса рецепт Философского Камня — на nive чего Рипли был далеко не единственным исследователем. Впрочем, тех из читателей, кто уже раздобыл философскую ртуть и начал превращать её в красного льва, стоит предупредить заранее: человеческая история знала не одну тысячу подобных рецептов, и я бы не стал полагаться на приведённый всецело — равно как и на любой другой (лучше, чем кто бы то ни было, этими рецептами в своё время воспользовались голодные мыши).

Тех же читателей, кто с холодной усмешкой взирает на доверчивых энтузиастов из абзаца выше, я бы, в свою очередь, предостерег от чрезмерного скепсиса: к их сведению, поиски бессмертия продолжаются и по сей день, причём сегодня речь уже идёт далеко не о «происках наивных оккультистов». Экспоненциальная экспансия знания научного типа в XX веке вновь ставит на повестку дня *практическую достижимость бессмертия* — только ведущие партии в воссозданном ансамбле принадлежат теперь геронтологам, генетикам и молекулярным биологам¹. «Минуточку внимания, — дирижёр постукивает палочкой о пюпитр кавычек, — исполняется симфония под названием “**Научный иммортализм**”²». И, лишь только вступают первые скрипки, в их голосах слышны настойчивые требования «Отменить старение», «Прожить достаточно, чтобы жить вечно», и познакомиться с «Основными возможностями Наномедицины»³.

К сожалению, прилагательных «современный» и «научный» (как в этом печально убеждает их рекламное перепроизводство) самих по себе не достаточно для того, чтобы кредитовать доверием исследования, к которым те прилагаются. По каким-то удивительным причинам поиск бессмертия, разворачивающийся в поле науки, с плачевной регулярностью вызывает к жизни в голове стороннего наблюдателя алхимико-нумерологические стереотипы — и те незаметно проникают даже в дистиллированно-техногенные описания. Сложно кредитовать проект, когда кредитор смотрит в чертежи проектировщика — и читает сквозь них рунические письма, не входившие в план презентации. Разговор о бессмертии не вяжется — но кто и о чём говорит?

стоящем (подлинном, истинном) человеке» (*чжэнь жэнь*). **Стремящийся к бессмертию император даже запретил употреблять слово «смерть» в своём присутствии.** (Там же, С.220). См. по вопросу Цинь Шихуан-ди и его жадности бессмертия так же (Ong, 2005; p. 17) и (Aikman, 2006; p. 91).

¹ А также кибернетикам, нейроинформатикам и др., но их камерный концерт будет объявлен отдельно.

² Лейтмотив статьи (*immortalis* — бессмертие (лат.)), он включает в себя естественнонаучное обоснование возможности радикального продления жизни и ориентированное на это мировоззрение человека.

³ Приведены фрагменты названий книг (de Grey, Rae, 2007), (Grossman, Kurzweil, 2004) и (Freitas, 1999) соответственно. Первая работа предлагает проект SENS (*strategies for engineered negligible senescence*) — «стратегию достижения пренебрежимо малого старения инженерными методами», рассматривающий старение как «полностью описываемое» (выделяется 7 базовых комплексных причин) — и преодолеваемое по каждому направлению в рамках человеческого организма. Вторая — демонстрирует, что те, кто сегодня доживают ~ до 120 лет, будут по мере своего старения «переставать стареть», т.к. параллельно в XXI веке происходит кумулятивный рост числа антивозрастных био- и нанотехнологических способов омоложения. Третья, в свою очередь, предлагает конкретные наномедицинские устройства и их проекты, обещающие колоссальный рывок в лечении средствами молекулярной (наноразмерной) медицины (см. продолжение его работы, «*Nanomedicine, Vol. IIA: Biocompatibility*» (Freitas, 2003) и русскоязычную дискуссию «Социально-философские аспекты наномедицины: перспективы, проблемы, риски» (Философские науки, 2009, С.5-28)). Наиболее полная русскоязычная подборка, близкая описанным темам представлена в обзоре «Научные тренды продления жизни. Обзор исследований в области биологии старения» (2010).

Может, (гипер)ссылки не работают нормально, а путь «Логоса» ведёт к **Error:404** — и перенаправлению на страницу «Мифа»? Не всё так просто. Времена вообще удивительно смеш(а)ны: откройте воскресную газету, чтобы увидеть на одной странице открытие в микробиологии, а на другой — гороскопы на неделю. Тем не менее, мне едва ли по пути с объяснением такого рода: «Все эпохи подобны друг другу: астрология была не менее наукой тогда, чем молекулярная биология — сейчас, вот и бессмертие, которое они ищут, одно и то же, поэтому и описываться оно должно одинаково». Подобное уравн(ива)ние неоправданно щедро забывает внести в баланс все те средства, которые как биология, так и астрология в своё время инвестировали в оплату собственных различий. Я скорее доверюсь другой путев(одн)ой заметке: «Из заключённых союзов крепок тот, в котором каждый из союзников следует за всеми остальными до конца».

Эликсир бессмертия включает в себя ингредиенты, поставляемые каждым союзником — а это, в свою очередь, означает, что со сменой последних и рецепт, и даже сам способ составления рецепта больше не может оставаться прежним. Если вы отказываетесь от алхимических трансмутаций, сакрального смысла созвездий и сродства металлов с планетами в пользу ошибок репликации ДНК, фермента теломеразы и моделирования свёртывания белков в распределённых компьютерных вычислениях системы BOINC — двигайтесь за последними настолько далеко, насколько они способны вас увести.

Там, на горизонте, обретают плоть принципиальные отличия алхимии от биологии как в способах достижения бессмертия, так и в *говорении* об этих способах в целом.

Означает ли это, что дальше я собираюсь предложить очередной рецепт эликсира — или просто эликсир¹ — бессмертия? О, нет: их уже слишком много, чтобы я составлял ещё один — да и любой профессиональный геронтолог напишет нечто куда более дельное; скорее, я хочу предложить рецепт *дискурса* об эликсирах бессмертия (коль скоро в дискурсе научного иммортализма где-то непорядок). «Научный имморталист»-генетик рассказывает мне, почему необходимо «разобраться наконец с мутациями митохондриальной ДНК» — а я вместе с ним пытаюсь выяснить, получилось ли его рассказу передать то, что он имел в виду.

Сегодня эти повествования звучат с трибун: выступления и митинги за радикальное увеличение продолжительности жизни проходят в таких странах как Россия и Израиль², — но ответом общественности на подобные акции вновь оказывается публичное не(до)понимание, многогранно разворачивающееся в прессе, на форумах и конференциях. Как будто не только речь о двух разных «бессмертиях», но и самих речей оказывается две: образ «вечной жизни», который не предложит ни один здравомыслящий геронтолог, является именно тем, который парадоксально постоянен в устах «критиков научного иммортализма». «Да что же, в конец концов, не так с этим бессмертием, что за всю преамбулу не промелькнуло ни одного примера “неправильного” его понимания?»

¹ Во избежание тавтологий: «эликсир» — это *Al-ikseer*, в пер. с арабского: действенный рецепт (الإكسير).

² «Митинг за радикальное продление жизни» 24 сентября 2012 в Москве освещён в новостных блоках: http://mn.ru/newspaper_city/20110923/305159267.html и <http://www.vz.ru/news/2011/9/23/524719.html>, а в Тель-Авиве: <http://ieet.org/index.php/IEET/more/stambler20120126>; пер. <http://ru-transhuman.livejournal.com/421338.html>

снисходительный взгляд поверх очков Уж не сражаетесь ли вы с ветряными мельницами?» Напротив! Возвращая метафору — я сражаюсь за внедрение ветряных мельниц там, где даже их водяные родственницы считаются делом рук дьявола. А в столь непростых условиях прежде, чем предлагать какие бы то ни было рецепты, стоит сначала подготовить рецепторы к подобным предложениям.

Три Самоограничения рецепта

Следовать за союзниками альянса под названием «научный иммортализм» до предела означает, что вполне определён и ряд ограничений на мои перемещения. Так, например, *Terra Incognita* — это те территории, на которых не построены рельсы перево(^A/_з)а фактов или интересы, связывающие участников сети, ещё не достаточно сильны (недопереведены). Как правило, «научность» успешно разворачивается там, где чёрные ящики стабилизированных объектов способны служить узлами транспортных сетей: было бы сложно заниматься молекулярной биологией в отсутствии предшествующих ей цитологии и молекулярной физики с их отработанными инструментариями. Отсюда следует **1-е Самоограничение рецепта**: — описывать ингредиенты дискурса научного иммортализма по мере их научной (^{Раз}/_{про})работанности. Поэтому, если киборгизация органов (и, тем более, «цифровое бессмертие») исследована гораздо меньше, чем биология процессов старения, — массовая доля каждого из них в рецепте дискурса определяется объёмом сказанного. Прислушиваясь к голосам, обсуждающим бессмертие, всегда следует помнить о соблюдении пропорций.

Вслед за геометрией слово берёт геральдика: то, что на полотне союзников развеивается красный, отнюдь не означает, что всякий, поднимающий знамя алого цвета — входит в альянс. Доместикация научным иммортализмом бессмертия как привела к заметным изменениям его облика, так и провела границы его (как) вида. Ветер колышет атлас флага — на нём выведено **2-е Самоограничение рецепта**: — описывая дискурс научного иммортализма, сохранять масштаб бессмертия, оптику его «практического» фокуса. Научный иммортализм повествует о борьбе, ведущейся прежде всего — со смертью индивидуальной, со смертью конкретной человеческой личности (сколь бы концептуально неоднозначной не казалась последняя). Бессмертие вида или популяции (подход экологов) — равно как и бессмертие генетического набора индивида (Докинзовские мотивы) — крайне размыты: выбранный фокус намеренно оставляет их за кадром. Впрочем, таким же образом исключается и «культурное бессмертие» личности (в символической памяти потомков, например: бессмертие в детях) — по причине естественнонаучного фокуса на биофизическом воплощении человека.

Было бы крайне оптимистично полагать при этом, что границы — результат работы исключительно внутреннего (как силы поверхностного натяжения в капле воды). Там, где корпус лаборатории наконец-то размыкается и конкретная технология выходит в «большой мир», её контур моментально «вскипает» под испытаниями сил внешнего. Предположение доступности бессмертия тотчас же запускает проблем-триггеры с сотен разных сторон: перенаселение Земли, замыкание бессмертных элит, стагнация смены поколений, утрата смысла вечной жизни — и множество не менее пугающих перспектив атакуют того,

кто говорит о научном иммортализме без должного камуфляжа (академическими эвфемизмами). Каждый из вопросов, промелькнувших выше, безусловно, стоит отдельного рассмотрения — увы, не в моих силах заплатить эту стоимость в формате данного текста. Вместо оптовых закупок проблем я предпочту напрямую заняться их поставщиком — и это волевое решение рождает на свет **3-е Самоограничение рецепта**: описывать не проблемные перспективы бессмертия (достижимого тем или иным образом), но — бессмертие и проблему *его собственной* перспективы.

Кухаркины интуиции

Заслушавшись историй о научном иммортализме, повариха отвлеклась и бранится на почерневший пирог. Она знает: он пригорает только там, где тесто граничит с металлом — пирог не начнёт пригорать внутри себя самого. Впрочем, такие различия значимы, прежде всего, для кухарки в твёрдом фазовом состоянии — плазменная повариха отметила бы, что у чугуна и теста намного больше общего, чем кажется на первый взгляд.

«Наука» обрамляет ядро «иммортализма» формой операциональной выпечки, в то время как «иммортализм» возникает из дрожжевого сырья интуиций *преодоления смерти*. Он густеет в детских экзистенциальных вопросах (например, первый опыт мысли о смерти себя или родителей), лихорадочно-подростковых поисках ответов и всех тех поистине достойных мыслях о жизни и смерти, предшествующих любой позднейшей дисциплине ума — будь то нумерологические таблицы, ортодоксальные аргументы бессмертия души или генетические исследования. Интуиции — это формы переживания, это инфратеоретический остов (побуждающий строить теории и искать решения теоретических проблем в принципе); они составляют закваску любого теста, отличаясь крайним разнообразием.

Тем не менее, нежелание умирать не выпекается в полном произволе внутреннего кулиара — есть нечто, противящееся полновластности повара и создающее аттракторы мысли (ряд достаточно часто воспроизводящихся решений проблемы смерти). Кто-то может сказать, что допущение аттрактора мыслей — это катастрофа (к счастью, не ультрафиолетовая или митотическая), однако (даже если так) я не предлагаю вслед за Рене Томом привести их к семи фундаментальным типам (нормальным формам). Всё, чего я хочу в преамбуле, посвящённой *интуиции*, так это посмотреть на один из возможных (!) вариантов её «кристаллизации», а именно — тот, чей пакет акций в не порядке дискурса научного иммортализма является мажоритарным.

**«Перемешивайте медленно и осторожно,
избегая образования похожих друг на друга комочков»**

С одной стороны, нюансы социокультурного, исторического и антропологического толка (а число верований, вращающихся вокруг Жизни и Смерти, поистине огромно) добавляют исследованию богатства многополярности, но, вместе с тем, — уводят его от тех данностей, в которых жизнь и смерть *возникают* как вопросы, а не исчезают как контекстно-осмысленные ответы. С другой стороны, несмотря на выделение противоположности

жизни/смерти, я нахожу важность «бинарных оппозитов» структуралистской аналитики гипертрофированной: в конкретном случае (как будет показано в заключении) бинарность жизнь/смерть, как и их *стабильность* (однозначность), есть следствие определённых конфигураций сетей гибридов (актантов), в которых данная пара существует.

Итак, жизнь (^{воспри}/по)нимается как событийность, продолжительность, интервал; смерть — как последнее событие событийности, разрыв, точка окончания (возможно, трансмутации) — выступая в этом свете достаточно контрастным оппозитом. В то же время человеческой жизни в этой связке всегда *существенно*, что она — конечна: своего рода «необходимый и достаточный витальный финитизм» (Хайдеггеровское «бытие-к-смерти», *opus mortalis* Камю как гарант абсурдности мира). Более того, предел смерти претендует на определение *через себя* жизни — как именно человеческой: поэтому боги, духи или сущности природы (камни, звёзды, животные) не способны умереть ровно в той степени, в какой они дистанцированы от человека¹. Подобная вне-человечность бессмертия в отношении к повседневной жизни (в которой никто не наблюдает вживую примеров «бессмертия», даже будучи уверенным в них) указывает на первую концептуальную проблему, возникающую, как только о бессмертии начинают говорить люди.

Бес-смертие разворачивается в горизонте смерти как *победа над*, но в процессе развёртки перенимает многие черты облика своего врага. Не имея собственной очевидности (как очевидна старость или болезнь), она сближается с очевидностью смерти (или, точ(еч)нее, представления последней), превращаясь в точечное, *однократное* событие: как локализовано в пространстве и времени событие смерти, так же оказывается локализованным и её преодоление². Некогда — эликсир, артефакт, заклинание; сегодня — таблетка, «сыворотка омоложения» или генетическая процедура: при первом приближении, все эти средства достижения бессмертия выглядят одноактовыми и неповторимыми. Однако, дойдя до материала, в котором интуиция бессмертия ищет своего воплощения, необходимо двигаться дальше — глядя на то, как дорога меняется прямо под ногами *щёлк*

«Начав перемешивать, не останавливайтесь до окончания процесса готовки»

Аналитика того, как протоформой представления о бессмертии оказывается смерть, возможно, имеет право на жизнь, — но лишь до тех пор, пока подобное описание не заходит слишком далеко и не начинает приписывать всю силу альянса одному-единственному союзнику. Дело в том, что даже проблема одноактовости достижения бессмертия про-

¹ Древнегреческий пантеон служит хорошим примером: боги Олимпа пьют Амброзию, «нектар богов», дарующий им вечные молодость, силу и красоту, недоступные простым смертным — но с людьми их связывает не столько антропоморфность облика (который они, к тому же, способны менять), сколько — мойры, богини Судьбы: **Клотó** (Κλωθώ) прядёт нить, **Лáхесис** (Λάχεσις) определяет длину нити (жизни), а **Áтросос** (Ἄτροπος) перерезает её. Этой предопределённости не способны избежать ни люди, ни боги, ни сам Зевс [по источникам: Hesiod, *Theogony* 221-225; Aeschylus, *Prometheus Bound*, 510-518; Herodotus, *Histories* I 91; Diels-Kranz. Fr. 420].

² Хо! Следующий интуитивный ход в этой партии подключает ресурсы семантики: если «бес-смертие» уже «бес-», если оно осуществилось в теле и языке (теле языка?), то о какой регулярности его поддержания может идти речь? Впрочем, стоит заметить, что в общем случае этот ход не является распространённым.

блематизируется, возникает как нечто проблемное — исключительно в рамках новых сетей, сетей научного производства (не смущая собой разум того же Цинь Шихуан-ди). «Научный иммортализм» научен, а это означает операционализацию бессмертия как желания/интуиции/намерения геронтологами, генетиками и молекулярными биологами; те же слова разыгрываются иначе — проблема лишь в том, что различия остаются неартикулированными. Различия эти очевидны учёным внутри лаборатории, но снаружи от их имени не говорят, и, в отсутствие делегатов, лабораторный голос практически умолкает.

Пересадка новых органов взамен старых (регенеративная медицина) предполагает необратимость того, что когда-то состарится и это, новое сердце или трахея¹; блокировка сокращения теломер на концах ДНК делящихся клеток (после определённого числа делений теломеры «запускают» апоптоз, клеточное самоубийство) не решает вопроса свободных радикалов кислорода и их окислительного эффекта (de Grey, 2003; de Grey, Rae, 2007); молекулярные машины Дрексlera-Фрейтаса, восстанавливающие клетки от накопления ошибок при репликации, подразумевают регулярность подобных процедур (Drexler, 1986, 1992; Freitas, 1999, 2003); искусственная наноробототехническая кровь несовершенна и требует замен своих модульных элементов (Journal of Evolution and Technology, 2002; Freitas, Phoenix); киборгизированное тело теперь нуждается в ремонте своих техногенных частей так же, как и в лечении биологических. Учёные не любят одноразовых чудес, нарушающих процессы энтропии — потому что знают труд и цену, за которые протянуты сложные сети для достижения даже непостоянных результатов, «угасающих» со временем².

Можно привести ещё сотни примеров борьбы со старением и смертью силами естественных наук, но ни один из них не берёт на себя смелость утверждать полный и необратимый контроль — бессмертие, не требующее ни одного внешнего источника для поддержания своего бес-. Регулярность, повторность, опора одного на другое для противостояние третьему: научный иммортализм отказывает в правах бессмертию *раз-и-навсегда* — по крайней мере, там, где на сцену не выходят «загрузка сознания в компьютер» или «коллективный сетевой разум»: далёкие от биологического носителя, они ставят новые, причудливые вопросы... Но, памятуя о 1-м Самоограничении рецепта, я начну более основательную экскурсию в дискурс бессмертия через его биологические двери.

¹ См. беседу с профессором регенеративной медицины (отделение регенеративной хирургии и биотрансплантологии) Паоло Маккиарини (Клеточная трансплантология и тканевая инженерия, 2010).

² Для примера: достижения Людвика Флека (1896-1961) в качестве вирусолога остались далеко в прошлом, их уникальность растворилось в современном микробиологическом знании, часть из них даже невозможно повторить на сегодняшнем оборудовании (стабилизация факта перестала поддерживаться) — в то время как его заметки о методологии науки сегодня котируются много выше, чем в 40-50-е года публикации, когда их практически оставили без внимания ((Cackowski, 1986; s. 17) via (Порус, 1999; С.10)).

**«Не бойтесь добавить биологии больше, чем нужно —
но обратите внимание на качество тех её компонентов,
которые добавляете в смесь»**

Поиски бессмертия в культурах прошлого, упомянутые ранее, не имели в качестве отправной точки примера уже-бессмертного человека, живущего среди прочих¹: образцами *par excellence* бессмертия выступали религиозные персонажи, боги, герои преданий и одушевлённые мировые силы. Сегодня право говорить от лица самой истины перешло от корпуса жрецов к академиям учёным, и современная биология создаёт свой, новый пантеон идеальных объектов² — недоступных практически, но обосновывающих множество практических исследований, а также общее моделирование процессов в живых системах.

Однако коль скоро научный иммортализм настойчиво ищет поддержки биологии, возникает вопрос (по старой доброй традиции его можно назвать методологическим): в чём нужно удостовериться биологу, чтобы назвать организм «бессмертным» — да и включён ли этот термин в «карманный биологический справочник» в принципе?

Незадолго до начала поисков ответа внимания к себе требует нюанс: малозначимый, например, для исследователя позвоночных, но более важный для энтомолога и, тем более, микробиолога — установление тождественности. Для оценки жизни организма нужна, как минимум, его «стабилизация» во времени: необходимо убедиться, что перед нами — один и тот же организм. Впрочем, мереологический парадокс корабля аргонатов, в котором странствие за странствием были заменены все исходные части, разрешается биологами примерно так же, как самими аргонатами — те на нём прежде всего *плавали*. Практические наблюдения помогают дельфинам и лемурам оказываться «достаточно связными» в онтогенетической преемственности этапов собственной жизни, даже если речь идёт о «фазовых переходах»: превращении гусеницы в бабочку или планктонных зоо — в крабов³. Практические! А это, в свою очередь, означает, что для некоторый исследовательских практик вопрос отождествления может быть решён иначе — и, действительно, эти цеховые секреты в скором времени дадут о себе знать.

¹ Китайский император Цинь Ши-хуан-ди [как и, впоследствии, выдающийся правитель Хань У-ди (правил 141-87 до н.э.)] трижды отправлял корабли к острову Жи Фу (Zhifu Island) (Aikman, 2006; p 91) и в море на восток к горам-островам бессмертных (*сянь шань*). В китайской даосской мифологии фигурируют **8 Бессмертных** (*ба сян*) (Духовная культура Китая: Энциклопедия, Т.2, 2007; С. 490), на поиски которых отправлялись именно потому, что их существование было не отправной точкой, но — напротив, призывающей и неопределённо удалённой.

² Боги и ангелы-посредники, например, математики и физики (а точнее, математического моделирования и биофизики), помогают ей в этом.

³ Пример с зоо и крабами может показаться тривиальным — но таковым его делает, прежде всего, успешная самокоррекция истории биологии в современных учебниках. Мало в каком из них можно найти хроники противостояния таких экзотических альянсов, как: новый тип аквариума, Джон Томпсон, живые личинки зоо в условиях морской воды и красочные иллюстрации метаморфоза с одной стороны, — но Вествуд, разгромная методологическая критика, медаль Лондонского Королевского Общества и общепринятая в биологии начала XIX в. (благодаря напечатанным текстам) систематика родов с другой. Тот факт, что первоначально Томпсон как учёный был дискредитирован, и его заслуги были признаны лишь десятилетия спустя, свидетельствует о сложности и подвижности даже такой «очевидной» практики как наблюдение. ((Coffin, 1960; pp. 1-28) *via* (Веннер, Уэллс, 2011; С.47-51))

Так, лишь только начинается разговор о бессмертии, одним из первых примеров часто всплывают одноклеточные организмы с их постоянным делением. Однако если вопрос стоит не о бессмертии как серии изоморфизмов биологической структуры, а — отсутствии смерти конкретного организма, какой из клеток после деления в итоге следует отдать предпочтение как правопреемнице исходной? Какая из них будет «той же, что и в начале»? Биохимическая интуиция подсказывает: та, чьи белки будут *старше* (функционально хуже). Неплохой вариант — но дифференцированное распределение белков (в одну клетку — «использованные», в другую — только что созданные) существовало далеко не на всех этапах эволюционного пути — в своё время они распределялись между клетками случайно (Москалёв, 2008). Более того, конструктивность идентичности всецело лежит в нуждах эксперимента: как именно следует маркировать изотопом клетку, чтобы после деления однозначно определить более «старую» или более «молодую»? В какой из них должен остаться маркер, чтобы клетка стала *той же* самой? Или можно выразиться даже так: клеточные культуры в массиве штамма предлагают столь однородный материал, что (подобно «логике муравейника») идентичность как индивидуальность не возникает в виде лабораторного вопроса. Микробиологи очень редко прибегают к установлению *отождествления* при делении единичных клеток — и, за исключением редких случаев, — полагают клетку А после деления *погибшей*, а В₁ и В₂ — *возникшими* из её материала. В каком-то смысле это сродни квантовомеханическим эффектам: человеческий язык, настаивающий на установлении тождественности организма сквозь время, самими клетками разыгран здесь иначе (как иногда ингредиенты при знакомстве с ними дают понять, что идея включить их в рецепт по стандартным правилам кулинарной книги обречена если не на ошибку, то — на неустрашимую двусмысленность). Могут быть предложены две стратегии «оправдания» каждой из клеток после деления как «той же самой», и выбор одной из них — как и выбор *выбирать* в принципе, — является переводом, трансляцией отношений, каждый раз определяемых заново. Это же касается и ряда случаев, подобных данным¹.

Обнажив пределы детализации, первое препятствие оказывается позади, и внимание пытливого биолога переключается на вопрос смерти — или, шире, на границу, разделяющую живые и неживые системы²: исследовательскую границу самой биологии. Признаки, которыми пытаются определить живые системы, весьма многочисленны: питание, движение, размножение (как сохранность и изменение наследуемой информации) и другие. Проблема такого перечня — в его составленности из широко обобщённых наблюдений, феноменологичности: как и в «классификации психиатрических заболеваний DSM-IV»³, за ним не стоит теоретической базы (необходимые инструменты для фиксации биологических фактов «поставляет» теоретическая конструкция [те же зоа, выделяемые как *подотряд* в начале XIX в.], — поэтому эта база является и сырьевой, и военной). Это значит,

¹ Отдельным приложением (Приложение I) к настоящей статье будет анализ случаев репликации простейших, линий раковых клеток, пресноводных гидр, грибов (грибниц: здесь *sub judice* связность идентичности организма (по крайней мере — организма отдельного гриба)) и т.д.

² Где событие смерти (уже развёрнутое биохимией и биофизикой) — своего рода функция, биективное отображение, переводящее систему из одного множества в другое.

³ Принципы, лежащие в её основе, также глубоко феноменологичны, поскольку этиология большинства психических заболеваний неизвестна: поэтому симптомы и *есть то*, что указывает на заболевание. Такой подход практичен, хотя и лишён весомой теоретической основы.

что в решение вопроса жизни и смерти включается теперь определение жизни из «Теоретической биологии» Эрвина Бауэра: именно этот подход срабатывает там, где молекулярная простота системы (например, вируса или приона — по сравнению с многоклеточными организмами) оказывается камнем преткновения для списка признаков выше.

«Все и только живые системы никогда не бывают в равновесии и исполняют за счёт своей свободной энергии постоянно работу против равновесия, требуемого законами физики и химии при существующих внешних условиях» (Бауэр, 1935; С.43)¹.

Из этого определения следует, что как только когерентность локальных равновесий нарушена и минимизация потенциальной энергии отдельных молекул (их «выпрямление») не приводит клетку к «связному» неустойчивому равновесию, она начинает распадаться как система. Этот эффект можно увидеть в запасе суммарной «живучести» множества отдельных нейронов мозга после установления его смерти (исследования реаниматологов (Уолкер, 1988) и криобиологов (Ettinger, 2005) показали, что полностью необратимой смерть мозга оказывается лишь через несколько часов после её диагностирования), а также росте ногтей и волос после смерти человека: и те, и другие «дорабатывают» свой относительно автономный энергетический запас. Смерть организма, исключая его из множества живых систем, означает тогда *рассинхронизацию и дерегуляцию возобновляемых перераспределений локальных энергетически устойчивых равновесий в неустойчивое глобальное.*

Подобное контроопределение бессмертия (т.к. определение будет следовать из отрицания условий смерти) производит впечатление несколько абстрактного, не правда ли? А это значит, что — как и биологи, за которыми мы проследовали — нам потребуется несколько организмов *in vivo*, чтобы проверить на них действие получившейся теоретической смеси. Благо, современные исследования продолжительности жизни (*Journal of Evolutionary Biology*, 2009; de Magalhaes, Costa) выявили список из 7 кандидатов в «организмы с пренебрежимо малым старением»² — наиболее близкой бессмертию титулатурой, одобренной сообществом биологов. Поэтому, после того, как одноклеточные (ока-

¹ Производимая конкретной структурой живого организма работа выполняется таким образом только за счёт неравновесия, — а не энергии, поступающей извне; в то же время, в машине (понятой в узком смысле) работа выполняется непосредственно от внешнего источника энергии. Организм «переводит» поступающую извне энергию не на работу, а лишь на *поддержание данных неравновесных структур*. Работа, требуемая по функции последних, выполняется автоматически, за счёт самопроизвольного выпрямления структурной деформации (направленной на минимизацию потенциальной энергии). Следовательно, организм занимается только созданием неравновесности, или неравновесных молекулярных структур, в то время как каждая данная функция выполняется за счёт их стремления к равновесию. «Таким образом, химическая энергия пищи потребляется в организме для создания свободной энергии структуры, для построения, возобновления, сохранения этой структуры, а не непосредственно превращается в работу» (там же, С.55).

Несмотря на 1935 год первой формулировки, впоследствии она была подтверждена и развита трудами бельгийской синергетической школы, в особенности после ключевой работы Ильи Пригожина (1985; см. С.130-136, раздел «Когерентные структуры в химии и биологии; экосистемы»).

² {МПЖ — Максимальная (зарегистрированная) Продолжительность Жизни}

В этот список входят: морской окунь алеутский (*Sebastes aleutianus*) [МПЖ 205 лет]; черепаха расписная (*Chrysemys picta*) [МПЖ 61 год]; пресноводная черепаха Блэндинга (*Emydoidea blandingii*) [МПЖ 77 лет]; черепаха коробчатая каролинская (*Terrapene carolina*) [МПЖ 138 лет]; морской ёж Красного моря (*Strongylocentrotus franciscanus*) [МПЖ 200 лет]; двустворчатый моллюск исландская циприна (*Arctica islandica*) [МПЖ 400 лет]; сосна долговечная (*Pinus longaeva*) [МПЖ 4731 год].

завшиися меньше «биологического \hbar ») предательски дестабилизировали свою идентичность, все надежды наконец-то раскрыть отношение биологии к бессмертию теперь возлагаются на эту «счастливую семёрку» — или отдельных её представителей.

Sancta Simplicitas — самые простые вопросы в который раз оказываются самыми лучшими: каким-то животным вменяется статус «пренебрежимо мало стареющих» — однако подобные претензии со стороны тех, чьему перу принадлежит это приписывание, требуют оплаты за проводимые операции. «Кредит или наличные»? Теория или наблюдения? В данном случае — в первую очередь наблюдения (сколь бы теоретически нагруженными их ни демонстрировала эпистемология науки XX века). «Пренебрежимо малое старение» было присвоено этим организмам в соответствии с феноменологическим списком минимальных критериев (*Experimental Gerontology*, 2001; Finch, Austad)¹, подозрительно похожим на список признаков живых систем (по способу его составления): отсутствие увеличения темпа смертности и заболеваемости с возрастом после полового созревания, снижение темпа размножения и ряд физиологических показателей. Палитра этих параметров оказывается наилучшим выбором проведения биологических водоразделов между «молодыми» и «старыми». Ею удобно пользоваться, она наглядна и ясна — как ясны, однако, оказываются и те проблемы, с которыми вскоре сталкивается подобного рода перечень.

Так, 3 из 7 попавших в список животных — это черепахи, а по мере роста тела черепахи её панцирь становится всё более тяжёлым по отношению к подъёмным силам мускулатуры. Поэтому, «при нормальных внешних условиях», несмотря на потенциал долгожительства, черепаху придавливает к земле и оставляет без пищи её собственное тело. Схожую (хотя и более тонкую) ситуацию можно наблюдать и в случае с индоокеанским малоглазым групером (*Epinephelus lanceolatus*, т.н. «каменный окунь»; МПЖ 120 лет), перерастающим свою экологическую нишу [экологическая ниша здесь может быть описана как пространство, где внешние и внутренние факторы существования живых систем конвертируются друг в друга наиболее интенсивно]. И в этом смысле оплата «чистым наблюдением», сколь бы гибридным и смешанным оно ни оказывалось в итоге², не позволяет увидеть и описать механизмы превращения признаков «пренебрежимо малого старения» в причины смерти самого организма за пределами рамок *case studies*.

Где-то из дальнего угла кухни о себе вновь напоминает Бауэр, и, в сложившихся условиях, абстрактные прежде ходы мысли начинают играть совершенно иначе. Вот — уравнения термодинамических процессов живой системы, описывающие черепаху на разных уровнях (от клетки до органов); они представлены не все, но их математический ансамбль прекрасно включает в себя всё, что необходимо для диагностики нарушения выше. Вот — поверхностный интеграл панциря (объёмное распределение mgh ↓), представляющий собой $f(t)$, — функцию, рост значения которой переводит свободную неустойчивую

¹ Основанным на том, что такие существа должны стареть так медленно, что зафиксировать какие-либо возрастные изменения было бы практически невозможно.

² Определённые теоретические экстраполяции безусловно присутствуют, т.к., например, едва ли сосна долголетняя наблюдалась кем-то все 4731 год своей жизни.

энергию подсистем данной системы на поддержание устойчиво растущего веса, лишая прочие структуры организма энергии возобновляемо поддерживать *самих себя*¹.

Феноменологичность «пренебрежимо малого старения» позволяет рассмотреть способности организмов сверхрегенерироваться (ex: гидра пресноводная (*Cnidaria vulgaris*)), жить тысячелетиями (ex: антарктическая губка (*Scolymastra joubini*); МПЖ ~ (15-23)·10³ лет (*Ver. Polarforsch. Meeresforsch*, 2002; Gatti, pp. 1-125)), возвращаться в предыдущую стадию развития и «стареть» циклически (ex: медуза *Turritopsis nutricula* (*Biol. Bull.*, 1996; Piraino et al., pp. 302-312)) и т.д. Многое из этого могло бы помочь в изучении причин человеческого старения, — но бессмертие как «сильная версия» неограниченной жизни мелькает здесь лишь в фоновом режиме. Если приглядеться внимательнее: о нём вообще никто не говорит.

И это ставит ещё один вопрос к теоретическому определению бессмертия выше: как последнее может быть определено в принципе?

«Будьте внимательны: время приготовления — чуть меньше вечности»

Окружённые пёстрой плеядой встреченных по пути живых существ², мы подходим к главному испытанию дискурса научного иммортализма на право изменить его рецепт.

Возможно, чтобы добыть ключ к постижению бессмертия, осталось сразиться с самыми сильными противниками — но здесь, кажется, никого нет. Где же они? Неужели засада?.. С другой стороны, почему всегда нужно непременно искать врагов — может, у бессмертия есть *хранители*, веками ждавшие Истинно Достойных (по/ис)следователей? Однако претенденты на звание адептов вновь стоят в одиночестве, озираясь по сторонам, — пока, наконец, внимательный взгляд не оставляет глаза смотрящего широко раскрытыми от изумления: нигде не видно не только врагов или стражей, но и самого бессмертия!

Ибо оно, о котором было уже столько сказано, ненаблюдаемо по природе, *in genere*.

Ненаблюдаемость эта — совершенно особого рода: или сразу нескольких, если точнее. Первый род — *genos*, не имеющий отношения к генетике. Это — *genos*, означающий рождение: причём здесь важен не голос клана или семьи, звучащий за плечами род(а/ов), а — само рождение, *рождение в жизнь*, её экзистенция. В первом приближении экзистенциальная слепота бессмертия по-эпикурейски прозрачна: для человека, чья жизнь обрела «бесконечную длину», различимы лишь те, кто с какого-то момента, не умирая, умиротворённо живёт вместе с наблюдателем — и все остальные, отрезки чьих жизней, внезапно или не очень, но обрываются точками смерти (выколотыми, конечно же). Даже когда процедура, на первый взгляд, «достижения бессмертия» (тот же молекулярный ремонт клеток) будет создана, ни один из воспользовавшихся ею не сможет знать *заранее*, проживёт ли вечно в собственном смысле слова: он либо будет наблюдать (пере-живать) изнутри себя жизнь с неопределённым концом, либо — в какой-то момент случится смерть и коронация *opus'a finis'ом*. В «актуальную бесконечность» (чей ∞-гарант не в силах подтвер-

¹ Случай групера сложен тем, что линейный рост его объёма не лишает его передвижения в водной среде, но — минимизирует шансы в конкурентной борьбе за еду (Использование и охрана природных ресурсов в России, 2008; Зюганов, С. 30-36), лишая энергетический вход его системы притока свободной E_{хим} пищи.

² В этом контексте можно предложить Донне Харавэй идею *нарративных видов-компаньонов*.

доть не только ни одна третья сторона, но даже первая) своей продлеваемой жизни человеку останется только *верить* — и в этой особой точке строгость науки (говорящей только *sine qua non*) совпадёт с аскезой религии. Кроме того, оставаясь в режиме *human-being*¹, мы в принципе не в силах больше поддерживать представление об «актуальной данности» бесконечной жизни (каким бы способом та ни получила своё название «бесконечной») — эта опция доступна математику, работающему с числовыми рядами, но она отключается, когда научное утверждение о продолжительности жизни погружается в пространство *самой* жизни и её форм. Такая «продлённая жизнь» может длиться тысячелетия, миллионы лет, — но даже их не хватит тому, кто захочет пробежать бесконечность времени насквозь и вернуться с точным донесением, *была ли* чья-то конкретная жизнь — вечной.

Как ни странно, однако вывод абзаца выше приводит дискурс эликсиров бессмертия к практической потере *собственного голоса*. «Бесконечная жизнь» научного иммортализма требует для своего анализа инструментов более тонких и сложных, чем те, которые нужны человеческой экзистенции в мире. Очищенная от таких мелких, вторичных нюансов как «жить миллионы лет» и «молекулярные технологии регенерации», экзистенция сводит в одну точку привычную жизнь-старение² и жизнь-самопродление, вторгающуюся глубоко в плоть *corpus hominis*. Конвергенция превращается в редукцию, полностью обесценивая всё то богатство оттенков, ради которых, к примеру, был предпринят экскурс в биологию.

«§5.621. Мир и жизнь едины. §5.63. Я есть мой мир (микрокосм). §5.632. Субъект не принадлежит миру, но он и есть граница мира. §6.431. ... при смерти мир не изменяется, но прекращается. §6.4311. Смерть — не событие жизни. Смерть не переживается. Если под вечностью понимать не бесконечную временную длительность, а безвременность, то вечно живёт тот, кто живёт в настоящем. Наша жизнь так же бесконечна, как наше поле зрения безгранично» (Витгенштейн, 2008). В этом смысле действительно становится не важно, идёт ли речь о 100 или 10 000 000 лет жизни, если она беспредельна *изнутри себя* — и, хотя мне очень близка эта самоотверженная и достойная позиция, далее я попытаюсь показать, в чём заключается *собственная важность* научного иммортализма в режиме экзистенции³.

Второй же род, которому бессмертие обязано ненаблюдаемостью — уже не *genos*, но — *genus*: литературный жанр, форма нарратива, где слово в свои руки вновь берёт дискурс науки... для которого актуальность бессмертия так же невозможна. В предельно общем виде этот запрет обретает следующую формулировку: живые организмы — открытые системы, получающие приток энергии извне для создания локальных «островков упорядоченности» (тем более — неустойчивой, и требующей энергии на поддержание этой неустойчивости). Собственная работа организмов, однако, сопряжена с накоплением ошибок, повреждений и т.п. на всех уровнях, от молекулярного до макроскопического — что является следствием внутренней энтропии системы по второму закону термодинамики (и

¹ Потому что о *post-human* (включая *trans-human*) речь пойдёт ближе к заключению.

² Знакомую ещё Эпикуру. Его «не должно бояться смерти» (в т.ч. от старости) относилось к той *смерти*, которая была включена в ойкумену греческой жизни и круговорот повседневности — как и *жизнь* была далека от сегодняшних возможностей генетического вмешательства или наномедицины.

³ Это значит, что, ненаблюдаемое никем и никогда, бессмертие выпадает из плана переживания себя человеком, — но, несмотря на такой поворот событий, мне ещё предстоит вернуться к антропологической развёртке чуть дальше.

может быть представлено как $\Delta S \uparrow$). Это означает, что к системе необходимо подвести соответствующую величину энергии ΔE_0 , требуемую для работы внешних механизмов регенерации (когда скоро внутренние являются повреждёнными: ех., «сдвиг рамки» транскрипции в РНК). Продолжение, однако, существования живой системы в качестве живой порождает необходимость $\Delta E_1, \Delta E_2$ и т.д., оплачивающих расход на регулярное техноорганическое вмешательство, как уже было отмечено раньше. Переходом к оптике «вечной жизни» здесь оказывается предположение заведомой доступности $\Delta E \uparrow$, стабилизирующей множество уравнений по параметру энтропии в любой момент времени (= неограниченно длящийся ремонт «за счёт вселенной»)¹. Актуально возможной при этом, однако, остаётся лишь теоретическая модель.

Теория (*theoria*) как «умо-зрение» в данном случае не только созерцается, но и исключается из рассмотрения бинокулярно. Один ракурс задаёт противостояние Экспериментатора и Теоретика²: «Мы всегда имеем дело с конечными значениями энергии: поправки, отрицающие это и допускающие произвольно большую её величину (в силу постоянного роста $\Delta S \uparrow$), антинаучны!» — заявляет первый. «Нет, поскольку научная модель, построенная из известных законов разрешимым образом», — возражает ему второй. Полемика здесь скользит по одним из самых неоднозначных границ «научности». С одной стороны, данные о возрасте вселенной, её линейных (пусть и неевклидовых) размерах и количестве частиц (!) в ней в научной периодике «стремятся к возможной точности»³. С другой — там, где естественнонаучное теоретическое построение начинает включать в себя чистые концепты дисциплины, возникающие модели вполне актуальны — но ровно в том котле представлений, в котором они варятся: речь больше не идёт об экспериментальном подтверждении — режим меняется, и теперь утверждение само задаёт условия проверки (пусть и самым общим образом). Здесь реальность «вечного ремонта организма» превращается в реалистичность: большую — когда мы приняли базовое допущение доступности $\Delta E \uparrow$, намного меньшую (пренебрежимо малую) — когда в сеть включается закон возрастания энтропии во вселенной (в рамках которой принято допущение о наличии ΔE), чуть большую — если добавить к обсуждению гипотезу дочерних вселенных и т.д. Ситуация, «Когда “хватит” никогда не хватит», блестяще описанная Бруно Латуром (Latour, 1987; «When enough is never enough», pp. 8-14).

Очевидно, для того, чтобы «развидеть» бессмертие, одного глаза недостаточно — поэтому вторую часть бинокулярной пары задаёт математика: чей предельный переход, как ни странно, переплетается с заявлявшей о себе выше человеческой экзистенцией. Предположение «осуществимой» бесконечной суммы $\lim[\Sigma(\Delta E_n)]$, $\Delta E_n = f(t) \Rightarrow n \rightarrow \infty$ (для «вечной жизни», пробегающей весь возможный интервал времени начиная с некоторого момента) может быть построено, но совершенно безразлично, разрешимы, истинны

¹ Ход равно тривиальный и фундаментально-абстрактный.

² Не менее стереотипное внутри естественных наук, чем каноническое внешнее деление «естественников» и «гуманитариев» на «две культуры».

³ Для Вселенной выведены из наблюдений такие параметры, как: **возраст** = $(13,75 \pm 0,11) \cdot 10^8$ лет; **число электронов** = $\sim 10^{80}$. Большие числа Дирака, описывающие отношения размеров Вселенной (мегамир) к размерам элементарных частиц (микромир) дают следующие величины: **радиус** $R_U = c/H_U = 1,235752 \cdot 10^{26}$ м, **энергия** $W_U = M_U \cdot c^2 = 1,4956 \cdot 10^{70}$ Дж, **минимальная масса** $M_{U\min} = \hbar \cdot H_U / c^2 = 2,84658 \cdot 10^{-69}$ кг (в приведённых формулах H_U — Константа Хаббла).

или подкреплены каким-либо ещё оправданием эти выводы — для того, кто остаётся в живых. Актуальная бесконечность «вечной жизни» теории всегда будет хитрым хиральным взглядом смотреть с другой стороны зеркала: это — тот самый пункт пограничного контроля, где «верификация» и «экспериментальная проверка» науки сливаются воедино с самим верификатором, так или иначе отелесненным — ровно потому, что о неспособности обозреть собственное бессмертие со стороны любого из конечных наблюдателей и идёт речь. Только сходящийся (определённым образом) ряд физико-математических преобразований, только он будет выступать для некоторого организма гарантом вечной жизни.

Это означает — впрочем, в который уже раз после древних греков, — что Пифагор парадоксально прав, и полнота бессмертия доступна исключительно *математике*, никогда — математику. Вечная жизнь исполняется на границах предельных переходов так же, как воплощённый рецепт манит нас со страниц манускрипта, улыбаясь оттуда — единственного места, где он может быть воплощён до конца.

«А теперь — мешаем против часовой стрелки»

Если эликсир бессмертия имел своей целью даровать последнее раз и навсегда, *in saecula saeculorum*, то проблема, лежащая в области рецепта дискурса, требует внести несколько изменений в намерения поваров молекулярной кухни. Если *raison d'être* научного иммортализма — это *позитивность бессмертия*, нашей дискурсивной кулинарии настало время освоить такие техники как **трансляция** (пограничная сразу аналитической геометрии, медиавещанию и теории перевода) и **инверсия** — перемешивание (способное сделать часть любому пекарю).

На любом уровне развития геронтологических технологий обещание бессмертия будет означать *неопределённую максимальность* интервала жизни; в то же время, в ближайшей перспективе термоядерный взрыв, газовая камера (да что уж скрывать — хорошо изрубленное тело) по-прежнему остаются достаточно эффективными способами убийства человека, не важно, сколь биомолекулярно «оздоровлённого». Человек будет мёртв, необратимо и безапелляционно, и ни одна техногенная комиссия не сможет подать кассационную жалобу в вышестоящую инстанцию.

Я не призываю к учащению скептических спазмов там, где нечто — *работает*: регенеративная медицина выращивает органы (трахею, кожу, хрусталик глаза, желудочки сердца), геропротекторы замедляют эффекты старения (карнозин, липоевая кислота, оливомицин и др.), а молекулярная медицина делает первые шаги (см. «Введение в молекулярную медицину» под ред. Пальцева, 2004). Подчеркнуть стоит то, что сами эти разработки (и их разработчики на публичных конференциях) подчёркивают снова и снова: отказ от одноактовости и моментальности «достижения бессмертия». Абсолютизация актуально бесконечной жизни лежит за собственно научными, эмпирически разрешимыми пределами их исследований. Позитивность бессмертия в *modus operandi* позитивизма невозможна — а это значит, что пришла пора самой позитивности быть понятой иначе.

«Вкус должен быть не только у взятых вами ингредиентов — сам их союз должен быть вкусным: добавьте антропологии, её всегда берут мало»

Кухня (лаборатория?) наполнена гулом, ингредиенты так и летают в руках; каждое па шеф-де-парти исполнено грации. Переопределение «позитивности» — как танец — и изящнее всего исполняется в самом незамысловатом ключе: позитивное настроение, позитивное отношение к работе, «живите позитивно! ;)). Кажущийся обыденным популярный критический аргумент о «бессмертии, из которого исчезнет радость, когда ты устанешь от себя и мира» — исключительно важен. Важен хотя бы потому, что, нарушая экономию ТРИЗа геронтолога или генетика, протягивает руку жизненной честности: «А зачем это всё нужно, если люди не будут счастливее?». Позитивный образ бессмертия — вот чего не хватает дискурсу научного иммортализма там, где он обращается к внешним аудиториям. В то же время, там, где диффузия проблем смерти, счастья и бесконечной жизни уже имела место, поджидает одна давняя дилемма.

С одной стороны: «Представьте, что вам осталось жить всего лишь несколько минут, может быть, час, и каким-то образом вы точно узнали, когда вам суждено умереть. Что бы вы сделали с последним драгоценным часом своего пребывания на земле?»¹ — и от взрыва чего-то действительно важного в момент этого осознания суета сует и раздражение последних недель, месяцев, лет — всё неожиданно отступает в тень, и в последний час хочется делать нечто изумительное и достойное. С другой стороны: «Человек счастливый ни о чём так мало не думает, как о смерти, и его мудрость состоит в размышлении не о смерти, а о жизни»², — и в тех ситуациях, когда счастье, увлечённость, свобода, восторг переполняют изнутри, ощущение конечности жизни растворяется, выцветает, ему просто не остаётся места. С одной стороны, «смерть оправдывает средства» (и великие порывы, и радость последних минут); с другой — момент счастья исторгает смерть за пределы мира (а вовсе не порождается ожиданием смерти). Казалось бы, у этой противоречивой пары нет точек соприкосновения или поводов быть смешанными — однако такой взгляд принадлежит топологии ограниченных рецепторов. Всё, что требуется сделать, — так это ввести дополнительное измерение³: ведь, как гласит математически-народная мудрость, «в n-мерном пространстве все палки о n-1 концах».

Отказ от претензии-фиксации на «Бесконечной Жизни 100%»TM, бесконечно отдалявшей два варианта выше друг от друга, позволяет на удивление пластично⁴ начать перемещение (и перемешивание) между ними. Лопатка движется в одну сторону, и неустранимость вероятности смерти от самых неожиданных⁵ (или даже невысказанных) причин оставляет свою часть правды за экзистенциальным переживанием «Последнего часа»; движется

¹ Гурджиев Г. И. «Последний час жизни». Из кн.: «Беседы о сокровенном» из архивов Гурджиева.

² (Спиноза, 1957) «Этика», Ч. IV, теорема 67 — в оригинале, однако, «человек свободный», но это преобразование допустимо на основании теорем 21 и 24.

³ Как это делает Джон Ло в «Объектах и пространствах» (Социология вещей, 2006; Ло, С.228-229).

⁴ В смысле Малабу (Malabou, 2008; pp. 15-32): от взрывного пластида до податливого пластилина.

⁵ От нанотехнологических террористов через извержение супервулкана и враждебный искусственный интеллект до галактического гамма-всплеска. См. в этой области на русском комплексную аналитическую работу Турчина (2011), а также переводы статей Юдковски (под ред. Прайд, Коротаева, 2008; С.182-226) и Бострома (под ред. Прайд, Коротаева, 2008; С.226-274). Впрочем, на мой взгляд, выбранный всеми тремя авторами способ постановки вопросов тяготеет к сциентистско-линейным сценариям.

в обратную — и *позитивность* наполненного счастьем бессмертия раскрывается в попытках расширить интервал жизни, сколь неопределённым ни был бы его конец¹.

Девочка с хмурым лицом сидит у окна и водит пальцем по стеклу, на которое свинцовые тучи набросили прерывистую сетку капель, и подпись гласит: «Мы мечтаем о бессмертии, но не знаем, что делать дождливым воскресным днём». И это верно — однако лишь в локации собственного означаемого! Увеличивая саму продолжительность жизни — величину того интервала, в котором и происходят её события (в котором она исполняется), — мы увеличиваем вероятность и ненастных выходных, и — залитых солнцем будней. Жизнь, длина которой точно не ограничена по крайней мере старостью, предоставляет живущему (живому?) *пространство возможностей*, флуктуации квантовой пены настроений и случаев, из которой могут быть извлечены мириады вспышек радости и присутствия здесь-и-сейчас, откуда перспектива смерти — неразличима.

Если научный иммортализм и способен добавить нечто к опыту экзистенции, отказывающемуся от количественных сравнений прожитых лет, то это — *возобновляемое усилие* (отзвук Мераба Мамардашвили). Как конструктивистская математика отказывается от союза с актуальными бесконечностями и доказательствами чистого существования, так и научный иммортализм, признавая неустранимую возможность смерти в этом сложном и загадочном мире, не устаёт настаивать на том, что нечто *может* быть сделано, и это — в наших силах. Что, снова и снова возобновляя усилие жизни и в личном, и в биологическом смыслах, мы действительно способны жить как можно дольше — каждый новый день, не переставая, сколь бы случайной и однозначной ни была смерть...

Однако — насколько однозначной? И рецепт открывается для следующего изменения.

«Истинно воплощённый рецепт меняет ваш взгляд на каждый из использованных ингредиентов»

Такой антропологический кульбит как перевод *позитивности* на язык переживаний отнюдь не завершает переписывания рецепта дискурса научного иммортализма — напротив, «½ позитивности бессмертия» была смещена, приведя в движение и 2-й компонент связки. Я говорю о том, что коль скоро *бессмертие* покинуло пьедестал собственной однозначности, та же судьба постигнет и связанную с ним по донорно-акцепторному механизму смерть.

«Хорошенько раздробите ингредиенты, если хотите, чтобы рецепт заиграл новыми оттенками»

Прежде всего, развитая геронтологическая аналитика смерти уже контринтуитивна. Она не исходит — и это весьма важный аспект — из неизбежных стадий жизни, предусмотренных всему живому (как *юность-зрелость-старость*, особенно распространённые в метафорике «организменности» в начале XX века — как если бы живое «стремилось с необходимостью умереть и воскреснуть в вечном круговороте»), а строится на том основа-

¹ Отличный от смерти стареющих людей большей дисперсией вероятностей смерти с уменьшением их удельных величин: кривая не будет расти с возрастом, но станет более чувствительна к случайным инцидентам.

нии, что в функционировании здорового (нормального) живого организма (здесь определение Бауэра вновь напоминает о себе скромным покашливанием) возникают разбалансировка систем, накопление повреждений и прочие факторы энтропийного характера. Подобный случаю с возвратным гортанным нервом жирафа (Dawkins, 2009; pp. 360-362), способным возмутить телеологические взгляды Клавдия Галена самой своей формулировкой как «ошибки эволюции»¹, инженерный взгляд на живые системы, отдавая дань уважения их запутанности и сложности, тем не менее полагает себя вправе начинать реконструкцию структуры или ремонт повреждённых её элементов (de Grey, Rae, 2007). В отличие от гериатрии, геронтология находит в себе силы действовать, сплетая альянсы актантов тем или иным образом. Одна из наиболее выдающихся работ в таком отношении — Системная Схема Старения Человека (СССЧ)², разбивающая внешнюю целостность «смерти от возраста» на несколько сотен отдельных повреждений, «заболеваний», дефектов организма, причинно связанных друг с другом во времени и различными траекториями приводящих к одинаково летальному исходу. Молекулярная кулинария знает: ультрадисперсия ингредиента радикально способна изменить его свойства: наночастицы золота — фиолетовые и куда более реакционноспособные, чем его слитковые аналоги. Аналогично, феномены старения-смерти рассеиваются через их операциональную предъявленность. Целое смерти оказывается дискретно прослеживаемым, выходясь за границы своего рода «мортидо» живого организма. Именно комплексность подобного подхода позволяет одновременно работать с проблемой старения на уровнях самого различного масштаба (от белковых сшивок до артроза всего скелета), предотвращая или блокируя повреждения организма как единственные внутренние факторы, приводящие к его смерти. Погаси огонь, и смесь вряд ли вскипит сама по себе.

Однако это — только начало.

**«Холодильник позволяет месяцами
хранить мясо пригодным к использованию,
не забывая об этом»**

Подобно тому, как вирусы и прионы поставили проблему определения жизни в своей практической определённости перед биологами, области более или менее (но, скорее, более) радикальных модификаций человека, обобщаемые инстанцией трансгуманизма, ставят вопросы о (не)чёткости границ смерти. Вызов этот, на мой взгляд, — один из самых интригующих, которые только способны предложить мировоззрение, исполненное духом научно-технической трансформации *homo sapiens* → *posthuman*.

¹ Возвратный гортанный нерв присутствует у всех млекопитающих и отходит от идущего из мозга блуждающего нерва, огибает дугу аорты или иную крупную артерию и идёт обратно к гортани. У жирафа общая длина возвратного нерва может достигать четырёх метров, так как он проходит через всю шею туда (в составе блуждающего нерва) и обратно (как самостоятельный возвратный нерв), при том что расстояние от мозга до гортани составляет всего несколько сантиметров. Такая нецелесообразная траектория хорошо согласуется с синтетической теорией эволюции: строение этого нерва млекопитающие унаследовали от рыб, у которых отсутствует шея, и гомологичная ветвь блуждающего нерва идёт по оптимальной траектории.

² Представлена на: *7th European Congress of Biogerontology* (Palermo; 14-17 oct. 2010); закрытом международном *Gordon Research Conference: The Genetic, Epigenetic, Inflammatory, and Metabolic Origins of Aging* (Ventura, CA; 12-17 feb. 2012). Доступна онлайн по адресу: <http://www.sciencevsaging.org/>

Вирус, дрейфующий в пространстве, в своей капсиде с РНК-мотором — мёртв, пока инертно перемещается, но — жив, когда внедряется в генетический аппарат клетки, перестраивая её на воспроизводство копий себя. Если представить это как модель функции переменной принадлежности множеству живых систем, то она была бы эвристически очень полезна при описании состояния крионированного организма. Допуская создание технологий бионаномолекулярной реконструкции (т.к. это не противоречит известным физическим законам (Ettinger, 2005)), «оживление» людей, чьё тело (или только голова) были помещены в жидкий азот, означало бы частичный случай обращения состояния смерти, доказательство принципиальной способности — пусть и в специфических условиях — преодолевать смерть как точку: превращая её в многоточие при -196°C ... а затем — продолжая замёрзшее предложение. Впрочем, потенциал криобиологии далеко не весь записан в условном наклонении. Так, переменная принадлежность множествам живых и мёртвых была подтверждена для криоконсервированных срезов гиппокампа крыс со 100% выживаемостью по калиево-натриевому тесту (Cryobiology, 2006; Pichugin, Fahy, Morin, pp. 228-240), криоконсервированной почки кролика, жившей 9 дней после её трансплантации (Organogenesis, 2009; Fahy et al., pp. 167-175), семян (и, тем более, простейших), пролежавших в вечной мерзлоте тысячелетия, «пришедших в себя» после вынужденного анабиоза и продолживших полноценное существование (PNAS, 2012; Yashina et al.) — при том что замороженные на ранней стадии развития эмбрионы так же регулярно возвращаются к жизни. Однако несмотря на эти достижения, прежде всего факт отменимости полноты события смерти как человеческой смерти из сегодняшней перспективы был бы одним из самых сильных ударов по её однозначности.

Научный иммортализм граничит с трансгуманизмом тем теснее, чем более жёсткому размыканию подвергается смерть. Эскизно проводя сетку контуров, по которым могут быть сделаны надрезы (пирога?), я подхожу к самому последнему из этапов рецепции. Властна ли смерть над тем, чья личность воссоздаётся на достаточно мощном компьютере?¹ Констатация органической смерти (Уолкер, 1988) в сравнении со смертью личности определённее проще, но сознание едва ли обязано быть только синаптическими связями мозга (не говоря уже о социальном и языковом его измерениях). Дискуссии о языках-посредниках приматов обратным ходом ставят новые вопросы перед исследователями человеческих языков (Зорина, Смирнова, 2006) — так же и проблески проблемного поля «отелесненной идентичности личности» мелькают в случаях парализованных людей (*locked-in syndrome*), чьё тело практически отказало, но сознание продолжает жить² (и, возможно, уже в скором времени будет выводимо через нейроинтерфейсы к внешним механизмам (J. Neural Eng., 2008; Schalk, pp. 1-15)); коматозные случаи с искусственным поддержанием жизни (и возможным возвращением в осознанное состояние), в свою очередь, предваряют криобиологический дискурс. Концептуальные дискуссии о «переносе сознания на другие носители» могли бы показаться отвлечёнными и утончёнными, как астрофи-

¹ Предположительно — квантовом, т.к. гипотеза о центральной роли квантовых процессов в цитоскелете нейронов в блоках белка тубулина для существования сознания выглядит многообещающе (Hameroff, 1987; Penrose, 1994).

² См. фильм «Скафандр и бабочка» (*Le scaphandre et le papillon*, 2007), снятый по книге, написанной человеком, «запертом» в своём теле: только подвижность его глаза поддерживала сигнальный контакт с миром.

зическая полемика Пенроуза и Хокинга о чёрных дырах, — если бы многочисленные гипотезы и проекты возможностей «загрузки» не поддерживались когнитивистами и нейроинформатиками (Grossman, Kurzweil, 2004; Kurzweil, 2005). Нейроинтерфейсы мозг-компьютер, оптогенетика, мозговые импланты (Хорост, 2011) — «мягкие» технологии киборгизации, доступные уже сегодня, подготавливают плацдарм для куда более радикальных прорывов, — и намного более значительных камней преткновения, чем споры о разумности эмбрионов и легальности эвтанази. Кроме того, пласт вопросов о статусе существования сознания человека (эвфемизм означает, что просто «о его жизни» говорить уже становится труднее), воссозданного на компьютере, тянет за собой целый шлейф нюансов: дубликация такой личности (полностью операционально обозримой), возможности её самоизменения, встраивание её элементов в алгоритмы Искусственного Интеллекта и многие другие, не менее неожиданные с сегодняшней точки зрения (Kurzweil, 1999).

Каждый из этих технопроцессов является потоком переопределения, размывающим однозначность смерти как никогда широко.

«Внимательно следите за смесью на последнем этапе приготовления»

Ставки, безусловно, высоки — но, после многочисленных дебатов (предваряющих, разворачивающих по-своему или близких аргументам статьи), слово «бессмертие» теперь звучит скомпрометировано (как «конструктивизм» для «деконструкции» (Социология вещей, 2006; Латур, С. 384-386)). Именно поэтому возникают хитрые обводные каналы эвфемизмов, канализирующие возмущение геронтологов «использованием неадекватных терминов». Вот они, перевод и трансляция в работе: прежние сети союзников, с алхимиками, знаками вещей и Философским Камнем — оставили на «бессмертии» свои отпечатки, сигнатуры, которые — как запрещающие руны — уменьшают «константу связи» бессмертия в новом альянсе. Передаваясь из рук в руки, из трактатов китайских мистиков в отчёты генетиков, бессмертие меняет свою форму и требует перевода, о-звучания себя по-новому. «Неограниченная [болезнями и старением как их результатом] продолжительность жизни», «пренебрежимо малое старение»: уто(ч↔н)ение калибровки даёт голос тем различиям, которые — произнесённые — прежде поглощались работой отождествления, представляющей бессмертие чем-то всегда одним и тем же. В «неограниченной продолжительности жизни» звучит неопределённость смерти и возобновляемое усилие самой жизни, в «пренебрежимо малом старении» проступает **dx**, отличающая его от бессмертия, — чтобы не пугать (почти) табуированным словом «широкую общественность». Вечная жизнь, ставшая иной в новой конфигурации, требует нового облачения речи, и это верно — но, в свою очередь, вечны ли сияние её дня и восход её языка?

По-настоящему радикален, как ни странно, тот технонаучный проект, который — помимо немислимых прежде перспектив, — предоставляет инструменты самоограничения. Как я, ещё в начале пути, положил нечто для «конкретизации материала», так и сам материал *пред-полагает* аналоги «предела растяжимости»¹. Дискурс научного иммортализма (самоограниченный уже этим) сегодня, в первую очередь, вращается вокруг биологии живого тела — и, при переходе к вопросам идентичности/единства/определённости лично-

¹ В этом смысле курс «Соппротивление материалов» можно было бы читать как Галилеево-Гуковский, так и — как Флекко-Латурианский («*Widerstandsaviso*» и «*strength of materials*» соответственно).

сти (во времени ли или при «копировании на другой носитель»), он начинает терять стабильность даже в лице такого своего союзника, как биолого-физический словарь. Последний и сам вынужден судорожно перестраиваться там, например, где нейросетевые ансамбли расширяют сознание человека (Хорост, 2011).

Обещания великих союзов, отправляемые из виртуального будущего в реальное прошлое (сейчас), рисуют картины подвижных, пластичных форм воплощения себя — и идентичностей, куда меньше обеспокоенных собственной стабилизированностью. В этом «волнующем(ся) новом мире» даже такие уточнения рецепта как развёрнутое данное просто не справятся с количеством и запутанностью новых актантов, многие из которых выходят на сцену рецепта впервые, изрядно запутав перед этим своих предшественников. Киборгизация, смертельная для «бессмертия» биологии (т.к. живой организм будет тем меньше живым, чем больше он киборгизирован), ещё в силах достаточно ясно (°/в)писываться как иммортальная для научного иммортализма, — но едва ли оправдано ожидать от перехода к вопросам «цифровой идентичности» и «распределённого разума», что и язык, и другие средства нашего перевода будут достаточны в привычном (и для них, и для нас) виде. В этом плане, на мой взгляд, континуальность дискурса научного иммортализма окажется куда более дорогостоящей: поддержание её при ускоряющихся темпах изменений технонаучных сетей будет всё более трудоёмким процессом. Эта потеря остатков определённости прежних способов описания тем самым задаёт горизонт и перспективу дальнейших перемешиваний и смещений, трансляций и морфизмов, а также всех тех импровизаций, которые дарят ингредиенты чуткому шеф-де-парти — полагая нечёткий предел изменениям рецепта, произведённым ранее.

«И, в завершение, — щепотку №#\$&@% по вкусу. Bon Appetit!»

То, что бессмертие теряет свою одномоментную осуществимость и абсолютность, её позитивность переопределяется, а смерть лишается однозначности, демонстрирует, что дискурс разыгрывает эти «языковые игры» иначе их внешнего употребления. Союзник-биолог, союзник-статистика или союзник-наномашина, — каждый из них заявляет свои права на изменение смысла бессмертия. Поэтому единственный способ выяснения их требований заключался в прослеживании прихотливых связей внутри этого альянса сил. В этом смысле претендующее на говорение от их имени моё описание пробует присоединиться к ним.

Так или иначе, но рецепт (дискурса) исполнен — пирог ли интуиций, тесто контекстов или всё же молекулярно-кухонный эликсир это. Приготовленность одного означает готовность к чему-то другому, а именно — всем тем действиям, которые (не?) вольны произойти, когда я отрываю ручку от бумаги или пальцы от клавиатуры.

Превратил ли я в итоге беспорядок дискурса (в данном случае — научного иммортализма) в его порядок? Не думаю. Кажется, этим занимался кто-то ещё. Если мы, возвращаясь к началу, вновь заведём разговор об эликсире бессмертия, я всего-навсего предложу говорить о его рецепте иначе: не уверен, будет ли от этого эликсир более «обессмертывающим» — но, надеюсь, что он сможет чуть ярче раскрыть свой вкус.

Библиография

1. Aikman D. (2006). *Qi: A Novel*. Qi. Publishing Group.
2. Christie A. (1983) *Chinese Mythology*. Hamlyn Publ Group Ltd.
3. Coffin H.G. The ovulation, embryology and development stages of the hermit crab *Pagurus samuelis* (Stimpson). College Place. Washington: Walla Walla College Publication, 1960.
4. Dawkins R. (2009) *History written all over us // The greatest show on Earth*. New York: Free Press.
5. de Grey A. (2003). *The Mitochondrial Free Radical Theory of Aging*. Austin, Texas: Landes Bioscience.
6. de Grey A., Rae M. (2007) *Ending Aging: The Rejuvenation Breakthroughs that Could Reverse Human Aging in Our Lifetime*. New York: St. Martin's Griffin [русский перевод доступен по адресу: <http://blog.bioaging.ru/>].
7. de Magalhaes J. P., Costa J. (2009) A database of vertebrate longevity records and their relation to other life-history traits. *Journal of Evolutionary Biology*. **22**(8): 1770-1774.
8. Drexler E. K. (1986) *Engines of Creation: the Coming Era of Nanotechnology*. New York: Anchor Books; Doubleday.
9. Drexler E. K. (1992) *Nanosystems: Molecular, Machinery, Manufacturing, and Computation*. Hoboken, NJ: John Wiley and Sons, Inc.
10. Ettinger C.W. (2005) *The Prospect of Immortality*. [new edition] Ria University Press.
11. Fahy G.M. et al. *Physical and biological aspects of renal vitrification*. *Organogenesis*. (2009) 5(3).
12. Finch C.E., Austad S.N. (2001). *History and prospects: symposium on organisms with slow aging*. *Experimental Gerontology*. **36**: 593-597.
13. Fleck L. (1986) *Powstanie i rozwój faktu naukowego*. Lublin // Cackowski Z. Wstęp do wydania polskiego.
14. Freitas Jr. R. A. (1999) *Nanomedicine, Volume I: Basic Capabilities*. Landes Bioscience [см. <http://www.nanomedicine.com/NMI.htm>].
15. Freitas Jr. R. A. (2003) *Nanomedicine, Vol. IIA: Biocompatibility*. Landes Bioscience [см. <http://www.nanomedicine.com/NMIIA.htm>].
16. Gatti S. (2002). *The role of sponges in high-Antarctic carbon and silicon cycling: a modelling approach*. *Ber. Polarforsch. Meeresforsch.* **434**: 1-125.
17. Grossman T., Kurzweil R. (2004) *Fantastic Voyage: Live Long Enough to Live Forever*. New York: A Plume Book.
18. Hameroff S.(1987) *Ultimate Computing*. Elsevier.
19. *Journal of Evolution and Technology* 2002; Vol. 11 // Freitas RA Jr., Christopher J. Phoenix. *Vasculoid: A Personal Nanomedical Appliance to Replace Human Blood*.
20. Kurzweil R. (1999) *The Age of Intelligent Machines (3rd edition)*. Cambridge, MA: the MIT Press.
21. Kurzweil R. (2005) *The Singularity Is Near: When Human Transcend Biology*. New York: Penguin Books.

22. Latour B. *Science in Action; How to Follow Scientists and Engineers through Society*. Cambridge: Harvard University Press, 1987.
23. Malabou C. (2008) *What should we do with our brain?* New York: Fordham University Press.
24. Ong S. C. (2005). *China Condensed: 5000 Years of History & Culture*. Marshall Cavendish.
25. Penrose R.(1994) *Shadows of the Mind*. Oxford University Press.
26. Pichugin Y., Fahy G.M., Morin R. *Cryopreservation of rat hippocampal slices by vitrification*. *Cryobiology*. 52 (2006).
27. Piraino S. et al. (1996). *Reversing the life cycle: medusae transforming into polyps and cell transdifferentiation in Turritopsis nutricula (Cnidaria, Hydrozoa)*. *Biol. Bull.* **190**: 302-312.
28. Ripley G. (1470-1471, 1ère éd. 1591) *The Compound of Alchemy. The Twelve Gates*. Kessinger Publishing (2005).
29. Schalk G. *Brain-computer symbiosis*. *J. Neural Eng.* **5** (2008).
30. Yashina S. et al. *Regeneration of whole fertile plants from 30,000-y-old fruit tissue buried in Siberian permafrost*. *PNAS*, (2012) February 21; (published online before print).
31. Бауэр Э. С. (1935) *Теоретическая биология*. М.-Л.: Изд. ВИЭМ.
32. Веннер А., Уэллс П. (2011) *Анатомия научного противостояния. Есть ли «язык» у пчёл?* М.: Языки славянских культур.
33. Витгенштейн Л. *Логико-философский трактат*. М., 2008.
34. *Духовная культура Китая: Энциклопедия*. М., Восточная литература. 2006-2010. // Том 2. Мифология. Религия. (2007) / Ред. Титаренко М. Л. и др.
35. Зорина З. А., Смирнова А. А. *О чём рассказали «говорящие» обезьяны*. М., 2006.
36. Зюганов В. В. (2008) *Нестареющие животные. Почему они живут долго, но не вечно? Использование и охрана природных ресурсов в России (информационно-аналитический бюллетень) № 2 (98)*.
37. *Клеточная трансплантология и тканевая инженерия (1'2010; Том V) / Ред. Деев Р.В. и др.*
38. Москалёв А.А. (2008) *Старение и гены*. СПб.: Наука.
39. *Научные тренды продления жизни. Обзор исследований в области биологии старения (2010) Группа Росток, Фонд поддержки научных исследований «Наука за продление жизни».*
40. Под ред. Пальцева М.А. (2004) *Введение в молекулярную медицину*. М.: Медицина.
41. Под ред. Прайд В., Коротаева А.В. (2008) *Новые технологии и продолжение эволюции человека? Трансгуманистический проект будущего*. М.: Издательство ЛКИ // Юджовски Е. Систематические ошибки в рассуждениях, потенциально влияющие на оценку глобальных рисков // Бостром Н. *Угрозы существованию: анализ сценариев человеческого вымирания и других подобных опасностей*.
42. Пригожин И. (1985) *От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках*. М., Наука.
43. Рабинович В. Л. (1981) *Образ в зеркале алхимии*. М.
44. *Социология вещей (2006). Сборник статей под ред. В.Вахштайна // Ло Дж. Объекты и пространства // Латур Б. Надежды конструктивизма — М.*

45. Спиноза Б. (1957) *Избранные произведения в двух томах* // Т.1, *Этика*. М. Государственное издательство политической литературы.
46. Турчин А.В. (2011) *Структура глобальной катастрофы: риски вымирания человечества в XXI веке*. М.: Издательство ЛКИ.
47. Уолкер А.Э. (1988) *Смерть мозга*. М.: Медицина.
48. *Философские науки (11'2009)* / Ред. Аршинов В.И. и др.
49. Флек Л. (1999) *Возникновение и развитие научного факта*. М.: Идея-пресс, Дом интеллектуальной книги // Порус В. *На пути к сравнительной эпистемологии (предисловие)*.
50. Хорост М. (2011) *Всемирный разум. От мировой паутины к глобальному сознанию*. М.: Эксмо.

Женя Хо: Я сожалею, что не смогу остаться на таком высоком академическом уровне, отвечая на твою работу, но поскольку ты предлагает дискурс о бессмертии, то есть, по-русски, поле для трéпа, а из него, как известно, рождаются тексты, то я хотел бы заметить тебе две вещи, которые должны были быть замечены на конференции.

Во-первых, насколько я знаю из Эвола и Юнга, «бессмертие» алхимика тоже требует продления, оно также возобновляемо, как и пренебрежимо малое старение. То есть, если ты прекратишь пользоваться философским камнем, то умрёшь, — просто не скоро и как-то иначе, чем это принято среди людей Земли. Это ничуть не обрушивает твоё построение, но корректирует его от «древняя наука — современная наука» к «обыденное сознание — научное сознание».

И второе — это крайне важное для меня замечание относительно того, что предельность смерти наследуется бессмертием. Но тут требуется пояснить: каков характер опыта, через который мы усваиваем бессмертие? Ясно, что речь идёт об опыте нашего тела — мы никогда не можем сказываться о смерти (отличимой от болезни или тревоги) через тело, но только социально. Можно провести целую серию мыслительных экспериментов, показывающих, что человеческий опыт телесности не сказывается о пределе, поэтому мыслит его как момент. Это знал уже Эпикур, ты понимаешь. Поэтому не случайно, что именно от натурализованного сознания биологов приходит идея о размывании смерти-как-момента и открытие длительности субстантивированного живого. Опыт нашего тела — частный опыт — всегда бессмертный. Я сижу сейчас на кровати в трусах со штурвалами, ноги мои скрещены и на них стоит ноутбук — в этот самый момент мне дан опыт бессмертия, бесконечности. Поэтому любой агент частного, например, биолог или алхимик, готов открыто признать бессмертие длительностью и пренебрежимо малым старением, тогда как агент всеобщего (носитель обыденного сознания, склонный к поспешной генерализации своего опыта, — если вообще ещё действуют дихотомии обыденного/научного) готов принять наследуемую от момента смерти моментальность бессмертия.

А ещё ты мне не рассказал, как ходил с этим докладом с монастырь и что из этого вышло. А я тебе могу рассказать про ОФИР и дискуссию о бессмертии там.

Трансгуманизм: теологическая и традиционалистская трактовка

В первую очередь я как представитель православной восточно-христианской теологии хочу обозначить церковное мнение относительно самой идеи бессмертия. Затем, используя некоторые модели философии традиционализма, я хотел бы показать, как можно синхронизировать идеи трансгуманизма и христианское богословие. Собственно моей целью не является какое-либо опровержение идей трансгуманизма (в том числе идеи иммортализма), несмотря на то, что существует определённое устоявшееся мнение на эту тему (мнение о том, что подобное бессмертие, научное бессмертие неэтично, неправильно или греховно). Многие в трансгуманизме мне самому весьма близко, во всяком случае, в научном контексте точно, поэтому я хотел бы сблизить какие-то идеи теологии и трансгуманизма. Однако не так, как это принято в западной теологии¹. Во многом именно для этого я использую язык традиционализма, на почве которого и постараюсь достичь цели выступления.

Для начала кратко о церковной позиции. В христианском учении существует эсхатология — раздел догматики, посвящённый концу времён и тому, что будет «после времён». В христианском вероучении существует идея бессмертия души, которая известна многим присутствующим. В христианском учении присутствует идея того, что Бог не сотворил смерти (Прем.2:24-28), вследствие чего есть представление о принципиальном бессмертии. Причём это бессмертие телесное. Телесное воскресение перед Страшным Судом и для него есть воссоединение души с телом, после которого умерших ожидает вечная посмертная участь—Небесное Царство и сопребывание с Богом или же вечное отлучение от Бога и пребывание с низшими духами (бесами, демонами, чертями и пр.)². Причём вечность в этом смысле — это окончание времени, исчезновение времени как одной из координат. Именно через призму этого учения можно обозначить христианское положение (христианскую точку зрения) на научный иммортализм, т.е. бессмертие, достигаемое путём развития технологий и расширения технических возможностей человека в сфере prolongation of life. Итак, научный иммортализм есть совершенно бестолковое занятие, так как христианская эсхатология уже включает в себе понятие о вечном телесном бессмертии, а не только о бессмертии души. Любое достижение бессмертия в этой жизни, в этой зоне, посредством научно-технического прогресса бессмысленно, так как заведомо предрассмотрено в христианской эсхатологии и, в некотором роде, ею детерминировано. Хотя необходимо сказать, что в самом христианстве исторически присутствовали разнообразные версии и представления о конце, посмертной участи, да и вообще смерти. Здесь я излагаю устоявшуюся точку зрения.

¹ Для примера можно привести зарождающиеся сейчас биоэтику и нейротеологию.

² Давыденков, О., иер. Догматическое богословие. М., 2006. С. 406-417.

Итак, теперь можно перейти к моделям философии традиционализма. И, в общем-то, нас интересует только одна — доктрина о смене парадигм, разработанная А.Г. Дугиным¹. Её суть проста: история человечества представлена в процессе постепенной смены парадигм — премодерна, модерна и постмодерна. Причём если с последними двумя более или менее всё ясно и понятно, то с премодерном дело обстоит иначе. Премодерн также разделён на две большие части: манифестационизм и креационизм. Причём последнее приходит на смену первому, как бы ломая первое. Креационизм — это редуцированная форма манифестационизма. И нам в этой модели интересен именно самый первый этап.

Корневое отличие манифестационизма и креационизма кратко можно расписать в трёх пунктах: Бог, человек, мир, т.е. теология, антропология, физика. Бог в манифестационизме познаваем, в некоторых традициях абсолютно познаваем, более того, в некоторых случаях можно стать Богом. Тем более что Бог подчас и есть ты — Атман есть Брахман, — или же Бог — это природа, или же Бог реализуем и познаваем через познание окружающего мира. Креационизм — это фактически революция, взрыв, сокращение манифестационистского сознания или же его дифференциация. Креационизм есть со знаком + и со знаком -. Первый (+) — это ислам, иудаизм, протестантизм, вообще многие версии западного христианства. Второй (-) — это буддизм и, на данный момент, некоторые формы атеизма. Главное — впредь, и это очень важно, делать различие между атеизмом и сциентизмом: они, конечно, коррелируют во многом, но это совсем разные вещи. Сциентизм допускает существование иных, может быть, более могущественных сущностей — с других планет, из иных параллельных миров, — и даже учитывает возможность существования Абсолюта, Вечного двигателя и т.д. С атеизмом дело обстоит несколько сложнее. Сциентизм не нуждается в атеизме. Мы можем поговорить об этом, но тогда далеко отойдём от обозначенной цели. Так вот, в креационизме мысль о познании Бога, приобщении Ему и даже обожении недопустима. Более того, в последовательном креационизме мир — это Ничто, иллюзия (просто потому, что мир создан из ничего, *ex nihilo*), он не имеет никакого отпечатка Бога, никакого следа Творца. В манифестационизме Бог — это Отец по отношению к миру, в креационизме — Творец. Человек, в первом случае, является сыном, наследником, по образу и подобию, во втором всего лишь очень продвинутое творение, с Творцом, кроме некоторых общих форм, ничего общего не имеющее. Мир в первом случае подчас принимает разнообразные облики (иногда природа, мир и есть Бог и т.д.), во втором случае мир — это огромный и сложный механизм.

Собственно, с позиции этой модели ясна вся эпоха Возрождения в Европе: возрождения именно манифестационистских начал — через науку в первую очередь. Вот именно поэтому на исходе Средневековья так активно развивается герметизм, астрология, поиски универсального языка, алхимия, сакральная география и т.д. Поэтому становится понятным противоборство религии и науки на этих этапах развития западного общества. Сциентизм, однако, это не манифестационизм. Можно сказать, что сциентизм — его редуцированная форма. В какой-то момент единство мира, так хорошо очерченное в манифеста-

¹ Дугин не оригинален — он основывается на трудах многих учёных социологов, писателей и пр. О почерпнутых и изложенных им идеях можно узнать в его труде: Дугин А. Г. Эволюция парадигмальных оснований науки. М., 2001.

ционистских доктринах, уходит на задний план, забывается, иногда сознательно. То, что называется «сакральными науками», уходит в эзотеризм. Во многом этому способствовала западная христианская наука и религия, особенно протестантизм, стоявший на чисто креационистских позициях. «Креационисты», так сказать, на основании изучения античного наследия весьма рано поняли, что мир можно изучать и даже использовать плоды этого исследования. В частности, изучать методично, последовательно, пошагово, а не весь сразу. Началась эпоха разделения некогда единого целого на фрагменты, части большого конструктора, и их рассмотрение по отдельности. Такая аналитика, что характерно, проявилась даже в языках — они стали анализироваться¹.

Но вот в чём вопрос: а была ли наука, были ли прикладные технологии высокого уровня в древности? Ответ: да. Однако древняя мысль обходила стороной прикладную науку в нашем понимании этого слова. Почему, несмотря на то, что прикладные технологии были на высоте, они не обрели массовости, это отдельный вопрос. Сейчас приведём несколько характерных примеров:

1) «Багдадская» батарейка². Человеческая цивилизация получила первые знания об электрическом токе и напряжении во второй половине XVIII века. Основоположителем в этой области стал итальянский физик и физиолог Луиджи Гальвани (1737-1798). Его работы подкорректировал и развил итальянский физик Александр Вольта (1745-1827). Но в 1936 году австрийский археолог Вильгельм Кёнинг обнаружил странный артефакт в предместье Багдада. Артефакт — древний сосуд светло-жёлтого цвета, высотой составляет всего 15 см. Возраст оценивается в 2000 лет. Горлышко было залито смолой, из которой выступал кончик железного стержня. Когда горловину освободили от смоляной пробки, то обнаружили внутри медную трубку — свёрнутый медный лист. Её диаметр равнялся 25 мм, а длина едва дотягивала до 9 см. Именно через эту трубку и проходил железный стержень. Он не доставал до дна сосуда. Свободного пространства оставалось ещё пара сантиметров. Само дно покрывала горная смола. То есть вся маленькая металлическая конструкция висела в воздухе. Удерживала её в таком положении смола, которой была замазана горловина. Судя по керамике, сосуд относился к периоду правления династии Сасанидов. Это период с 224 по 651 год. Т.е. с полной уверенностью можно утверждать датировку артефакта первой половиной 1-го тысячелетия н.э. Если налить в сосуд тот же лимонный, виноградный сок или уксус, то он полностью будет окружать как медный цилиндр, так и железный прут. Жидкость в этом случае будет выступать как кислотный электролит. Следовательно, между медью и железом возникнет разность потенциалов и появится электрический ток. Дело останется за малым: подсоединить к сосуду токопроводящие провода и замкнуть их на какой-то потребитель электроэнергии. Таковым может быть лампа освещения. В дальнейшем уже другие исследователи замерили напряжение, которое может выдавать данная маленькая конструкция. Вольтметр показал величину в 1,1 вольт. Совсем

¹ Аналитические языки представляют собой корни без флексий. Характеристика части речи опирается на внешние афлексивные конструкции — предлоги, артикли и т.д. Аналитическим языкам противостоят синтетические — флексивные языки. Наиболее яркий пример — английский язык — остававшийся флексивным (если читать Библию короля Якова, выпущенную в 1611 году — всего 400 лет назад, — можно обнаружить остатки окончаний, суффиксов и прочих синтетических конструкций английского языка).

² Подробнее о ней можно узнать, например, здесь:

<http://news.bbc.co.uk/2/hi/science/nature/2804257.stm>

немного. Но если взять несколько десятков или сотен таких сосудов и соединить их последовательно, то в результате можно получить и 100 вольт, и 200, и даже 380. Конечно, о трёхфазном переменном токе разговор не шёл, а вот вольтаж постоянного тока мог быть, в принципе, любым.

2) Стены неолитического Иерихона¹. Проводя раскопки в середине 60-х годов в Иерихоне, известный британский археолог Кетлин Кеньон обнаружила фортификационные сооружения невиданных масштабов. Кеньон датировала их 10-8 тысячелетием до н.э. Причём высота и ширина укреплений больше, чем у многих средневековых городов.

3) Паровая машина². Первая паровая турбина — эолипил (и вообще много чего ещё — автоматические двери, автоматический театр кукол, самозаряжающийся арбалет, таксометр) — принадлежит известному инженеру времён поздней античности Герону Александрийскому и относится к первой половине I века н.э.

4) Шумерское гранулирование³. Металлическое гранулирование представляло собой изготовление металлических украшений в виде идеальных бусин и шаров.

Итак, на этих примерах можно понять, что манифестационистская мысль всегда заключала в себе возможность познания мира и его использования. Но с одним «но» — порой познание мира происходило не через познание отдельных его явлений, отдельных предметов мира. Познание себя, медитация, психопрактика и аскетика также были познанием окружающего мира. Познание, обретение гнозиса вообще было важнейшим и ключевым для сознания древности. Дело в том, что манифестационистская эпистемология строилась на понятии *Alles in Allem*, всего во всём. Фактически через созерцание заката или травинки можно было прийти к познанию Вселенной. Причём подобное познание не было ущербно, даже наоборот. Через один элемент познавался не один элемент и не часть вселенной, как сейчас, а универсум, причём весь, сразу и одновременно.

Несмотря на то, что христианство (изначально иудео-христианство) несло в себе креационистскую закваску, оно, попав на эллинистическую почву и получив легитимность вероучения через транслирование его на язык неоплатонизма или стоицизма, вобрало в себя весь дух манифестационизма. Особенно очевидно это становится при изучении и соприкосновении с восточным, ориентальным христианством⁴. Именно поэтому начало сакральной истории христианства креационистское, а окончание — манифестационистское⁵. Итак, переходим к главной части доклада-размышления.

Довольно часто самосовершенствование лежит в основе религии (особенно в неавраамических религиях спасения). Так, если ислам (креационистская религия) предлагает рай, успешную социальную организацию, некоторые, вполне земные, наслаждения в раю, то христианство предлагает идею богочеловечества — вспоминаем Иоахима Флорского, Томаса Мора, Френсиса Бэкона, все эти идеи утопии и т.д. Это, как было сказано, лежит в

¹ Деопик Д. В. Библиейская археология и древнейшая история Святой Земли. Курс лекций. М., 1998.

² Узнать об этом можно, например, тут: Дильс Г. Античная техника. М.-Л.: ГТТИ, 1934.

³ Емельянов В. В. Древний Шумер: Очерки культуры. СПб., 2001.

⁴ Мейендорф И., протопресв. Введение в святоотеческое богословие. Нью-Йорк, 1985.

⁵ Т.е. изначально творение, именно творение мира, из ничего, а в конце обожение твари, обожение этого «ничего», этой иллюзии мира.

основе христианской эсхатологии. Атеизм нового времени неэффективен, хотя и очень заманчив, он заставляет создавать новую мифологию и новую метафизику вне религии¹.

На данный момент всё больше и чаще осознаётся необходимость выхода за пределы человеческого. Слишком много всего произошло за последнюю тысячу лет — многое открыто и многое сделано. Поэтому о будущем говорят как о сверхчеловеческом или же постчеловеческом (причём, посмотрим на современную мифологию — будущее совсем не весёлое, а очень даже страшное; оно, как правило, вписывается в христианский контекст — спасается горстка уцелевших, а большинство гибнет). Восточное христианство говорит о богочеловечестве, как, конечно же, о перспективе меньшинства, причём меньшинства качественного: качественное различие людей — это архаизм премодерна². Современные модели социального устройства чаще говорят об эгалитарности, о всеобщности, что, естественно, невозможно в перспективе грядущего будущего: Царствие Небесное, Град Божий Иерусалим — не для всех. Такое богочеловечество в христианской эсхатологии обладает бессмертием, и, как мы уже сказали, бессмертием телесным, которое исходит от Бога, Единого Блага, а не от самого человечества, и Им поддерживается.

Теперь именно об иммортализме: бессмертие вообще невозможно, здраво будет с этим согласиться, так как даже наиболее устойчивые структуры и предметы видоизменяются, подчас до неузнаваемости, что равнозначно смерти, тлеют, уничтожаются, о них забывается и т.д. Но, относительный иммортализм возможен и реализуем. И самое главное, что мы знаем это не от естественной науки, не от современной науки точно. Я вообще думаю, что бессмертие — это даже не идея, а скорее мечта человечества, некоторой его части. О бессмертии мы узнаём из традиции, религиозной и мифологической. Мифология — это те сказки, которые затем заставляли человека мечтать и реализовать свои мечты. Таких примеров слишком много, чтобы их перечислять. Заметим, что в конце XIX — начале XX века происходит перевод «сакральных наук» (термин Рене Генона) на язык наук современных, происходит обработка мифологии и подчас перевод её в практическую, прикладную область. Так появляются: геополитика (вырастает из сакральной географии и географического детерминизма); космобиология (бывшая некогда астрологией); разнообразные направления практической психологии (которые вырастают на почве изучения религиозного, мистического и аскетического опыта); очень интересный пример с археологией, изначально бывшей богословской дисциплиной. Также в своё время натурфилософия и алхимия преобразовались в физику и химию соответственно.

Если учесть, что многие науки современности вставали из тумана мифологии, то нужно посмотреть, как в рамках разных мифологических систем решается вопрос бессмертия. В христианской эсхатологии мы видим несколько важных мест, говорящих об этом. Бессмертие души — после разделения души и тела тело тлеет и исчезает, душа же переносится в некоторые иные миры, где дожидается Страшного Суда, когда снова воссоединится с телом, но телом уже изменённым. Итак, душа здесь может быть понята как некоторая

¹ Это можно видеть на примере сакрализации идеологии или же создании образов супергероев. Т.е. это некое мифотворчество вне религии. И здесь вообще ставится вопрос о религии как таковой, её статусе и т.д.

² Тут я также пользуюсь терминологией русских традиционалистов: Дугин А.Г. *Философия традиционализма*. М., 2002.

информационная матрица, которая содержит в себе всю информацию о жизни индивида, а если быть более точным, то душа — это личный эгрегор индивида. Перед Страшным Судом душа объединяется с телом: тела людей, которым предуготовлено Царство Небесное (а нам интересны именно они, так как они будут жить хорошо, а вот «козлица», которые идут «во ад», будут жить плохо), изменяются, становятся нетленны, фактически неразрушимы. Это должно наталкивать нас на некоторые размышления: качество души, эгрегора влияет на причастность к Новому веку, к нетленному телу. Т.е. иммортализм научный — искусственное продление жизни за счёт лекарств, технических устройств, вообще научно-технического прогресса едва ли будет эффективен для будущего всего человечества. Может получиться так, что относительно бессмертный индивид будет пить, курить и предаваться разврату, вместо того чтобы осваивать и покорять Вселенную и решать вопросы Бытия. А собственно, что его в этом останавливает? И это не хорошо и не плохо — это глупо. На примере христианской эсхатологии видно, что положительное бессмертие (а есть и отрицательное бессмертие) — не только дар, но и заслуга, некоторый итог христианской жизни, которая заключает в себе сразу всё — социологию, психопрактику, аскетику и т.д.

С учётом тех наработок по прикладной и фундаментальной психологии, которые были сделаны за последние 200 (а может и больше) лет, учитывая наработки по психотерапии, исследования в области психопрактик и т.д., и т.п., несложно произвести качественный скачок человека, который так хорошо описан в Апокалипсисе.

На мой взгляд, в поисках бессмертия, научного иммортализма, недостаточно использовать плоды естественной науки, технологии, необходимо обращаться к мифологическому контексту бессмертия, коли сама идея о нём возникает именно в мифологии и религиозных учениях. Также необходим качественный, внутренний, импловзивный скачок в развитии человечества, который невозможен без внутреннего изменения, без которого невозможно, в свою очередь, новое, совершенное, эффективное богочеловеческое общество. Богочеловечество нуждается в чистоте, опять же, это совершенно традиционная мысль — чистота, табу, — что наводит на шальные мысли о том, что люди не только различаются качественно, но есть нужные и ненужные. Возникают сразу же вопросы о выработке критериев селекции рода человеческого, о селекции вообще, наконец, о том, кто эту селекцию будет проводить. Мысль можно продолжать, но в этом нет необходимости. Очевидно, что самому трансгуманизму необходимы элементы теологии, верования — своя ексхесиология, своя эсхатология, которая будет предусматривать то, чем могут закончиться опыты по поиску бессмертия, — и чем они должны закончиться.

Женя Хо: Мне хотелось бы столкнуться как-нибудь Диму и Женю Интера, который после конференции заметил, что она прошла по Витгенштейну: наука и философия говорили, а религия молчала, — и посмотреть, что будет. Мне кажется, что теологический доклад первого подвешивает кое-что из рассуждений последнего.

Три момента отмечу сам, остальное оставлю, собственно, Жене. Во-первых, как я уже много раз говорил, и в той памятной встрече в «Му-Му» тоже, сама традиционалистская идея трёх эпох, кроме того, что она достала меня чрезмерным тиражированием себя во всех концепциях этой школы, ещё и не очень состоятельна: она исходит из довольно слабой теории времени, предполагающей его единство и линейность. Более того, даже

если принять, что человечество производит в своём развитии какие-то фиксируемые эпохи, то эта фиксация может быть произведена только из мира твёрдых форм и прозрачного взгляда субъекта, кои встречаются только в модерне. Истина же такого деления сейчас, в постмодерне (а мы живём в нём, по Дугину), не может быть установлена ввиду смерти Бога и конца великих нарративов. То есть, даже если такое деление было истинным в модерне, то сейчас (так как истина привязана ко времени) потеряло всякий смысл.

Во-вторых, по поводу батареек. Это очень интересный пример и захватывающая тема, которая предполагает очень внимательное отношение к теории языка, точнее, к теории значения и референции. Опуская в этой приписке технические моменты, скажу, что наиболее точной тут мне кажется точка зрения новой теории референции Патнэма-Крипке-Доннеллана, которая зовёт обратить большее внимание на экспертное сообщество, устанавливающее основное значение слова и соотносящее его с вещью. То есть, вполне возможно, мы читаем эту вещь как батарейку именно потому, что сами знакомы с такой практикой в нашем обществе. Возможно, что древние даже и не думали получать из неё электричество.

В-третьих, мне очень близка идея того, что современная мифология является не постхристианской, не квазихристианской, а самой подлинной христианской, от «научного» мировоззрения до голливудских сценариев конца мира. Об этом подробнее: Женя Хо. Два на три. Апокриф, № 41. Жизнь 4. Вып. 5.

По письменному тексту хочу заметить, что мне очень понравилась запятая после «но» («Но, относительный иммортализм возможен и реализуем»).

Лида Ким: Касательно аналитизации языков. Мне кажется, в нём отсутствует доказательное звено — автор, утверждая связь между осознанием возможности изучения мира и «аналитизацией» языков, забывает о необходимости оправдать данное положение. Разумеется, тот факт, что изменения в сознании людей влияют на их язык, является (почти) очевидным. Пусть даже именно аналитизация мышления толкнула языки к изменениям, обратным к флективности, — но доказательства того, что подобное движение языка под воздействием стиля мышления должно проистекать именно в эту сторону, не были представлены. Возможно, автор лишь красиво «сыграл» однокоренными словами? Или же это слова своим одинаковым происхождением ввели его в заблуждение?

Евгений Интер: Прежде всего, я рад самой интенции попытаться сравнить друг с другом позиции и дать им высказаться — религия, повернувшаяся лицом к технологиям, это уже то, с чем можно разговаривать.

Тем не менее, выбранный Димой догматический стиль традиционализма является, пожалуй, ключевой проблемой налаживания точек коммуникации: вечное телесное бессмертие, включающее в себя иммортализм, по сути говорит о каких-то принципиально других телах (или телах в других мирах) — в них нет того отношения включённости, на котором могла бы настаивать теология. Именно поэтому из оптики последней и трансгуманизм, и многие течения мысли прочитываются как «мифология христианства», с чем я не могу согласиться принципиально — это вынуждает рассматривать базовые религиозные архетипы, которые якобы торчат отовсюду (как структуры структуралистов) как неотступ-

но-вездесущие, наподобие априористских аргументов «невозможности понять Другого». Я скорее соглашусь, что некоторые общие формы верований имеют схожие выражения в жизни — но не то, что в христианстве есть нечто фундаментально-фундирующее (перепроизводство отсылок). В этом, пожалуй, и будет заключаться моя основная контрапозиция: относительный иммортализм-то как раз возможен и реализуем не через мифы и сказки (те дают скорее некую интуицию, общий настрой возможности, нежели подступы к ней: в этом-то и заключается то отличие, которое структурирует эти дискурсы различным образом) — научный иммортализм, признавая собственные границы, не исходит из божественных амброзий, бессмертных богов и т.п., его контуры определены теми технологиями и моделями, которые, конечны, реализуемы и ограничены (поэтому, в особенности, являясь реальными).

Я согласен, о, да, я всегда буду согласен с этой фразой про недостаток внешнего и необходимость внутреннего развития (сколько бы веков и контекстов она ни кочевала), однако — и это ещё одна ошибка выбора оптики догматического традиционализма — если вслед за «предвечным» обнаружением того же самого христианства в трансгуманизме предлагать последнему создавать собственную эсхатологию, здесь я буду принципиально против. В принципе, и Сингулярность, и Искусственный Интеллект, и много чего ещё из ТГ-концепций обвиняли в «типической религиозной структуре нарратива», — но все эти критики совершенно упускают из виду немислимое, просто сводящее с ума многообразие и вспенивание наслаивающихся друг на друга технологий и порождаемых ими человек-нечеловеческих гибридов. Эта техноонтология мира, вообще говоря, никому не должна изобретать заново системы, которыми человечество утешалось тысячи лет в других своих конфигурациях — квазирелигиозность здесь будет лопаться пузырями на витке каждого следующего открытия (здесь мы видим различие в механиках производства представлений о мире и несчастного Папу Римского, борющегося со стволовыми клетками и клонированием): наоборот, лейтмотив внутреннего развития собственных возможностей (а в его важности я нисколько не сомневаюсь), помимо чисто технических, не может быть фундирован никакой тотальной системой — более того, в определённом отношении эту критическую проверку на тотальность не выдерживает даже сам сциентизм, и это, пожалуй, наиболее интригующий сюжет из тех, которых можно было бы здесь вскользь коснуться.

Мне, кстати, тоже интересен вопрос о «неудобных артефактах» — не уверен, насколько развёрнуто его рассматривает новая теория значений: скорее, вопрос о сетях и альянсах, в которых некоторая технология оказывается мобилизована и стабилизирована как таковая (как с автомобилем на пару, изобретённом за 200 лет до известного нам, даже раньше паровоза) — как массовая технология, как технология в некоей эпистеме и т.д. Также, кстати, согласен с первым комментарием — по поводу того, что Дугин слишком затаскан и модерново оформлен для собственных претензий.

Ну и ещё просто не мог не придраться: космобиология — или астробиология (в каком-то смысле даже ксенобиология) — это совершенно точно никакая не астрология, связи практически нет.

Женя Хо

Бессмертие сейчас: диалектический взгляд

Бог мой Локи,
на кой мне сдались
эти чёртовы ноты! —
Я ведь даже Свободу
сумею услышать
не так.

Элиас Отис

Оккультизм является попыткой
завоевать Царство Небесное
материальными средствами.

Э.Р. Доддс, «Греки и иррациональное», глава «Страх свободы»

Коль скоро я выступаю третьим, начну с благодарности другим участникам за интересные и содержательные выступления. И сразу хочу извиниться — моё вряд ли будет столь же информативно. И это понятно: отстёгивая технические украшения, снимая с себя терминологию, смывая макияж пафоса, оставаясь голой, философия часто представляет собой лишь экстравагантно поданные суждения здравого смысла. Истина случается с философом, как весенний асфальт, поутру покрытый тонким слоем льда в несколько миллиметров. Не зная его толщины, ты, наступив, ждёшь воды и холода, а получаешь блаженное ощущение проламывания наста, слышишь хруст, как от свежей булочки, и тут же встаёшь на твёрдую землю. Поэтому хорошо бы — при философской работе — сосредоточиться именно на этих двух моментах: кинестетическом удовольствии и твёрдой почве здравого смысла под ногами.

Первое моё касание философского осмысления бессмертия прошло задолго до знакомства с трансгуманизмом или геронтологией. Я читал Камю, который предлагает вывести все следствия из факта человеческой смертности. Мне тогда показалось, что это не лучшее основание для теории — а вдруг человека сделают бессмертным? Тогда вся философия Камю, все его литературные исследования — к чёрту. Или другой вариант, чтобы это не выглядело критикой нашего философа, а скорее, подтверждением его мыслей. То, что описывает Камю, то есть смертный, абсурдно живущий без смысла, — это человек, а всё, что отклоняется от его описания — не человек, в том числе и я, человек, принимая таблетки и становясь бессмертным, перестаю быть человеком. Насколько я знаю, многие думали так, читая экзистенциалистов и примкнувшим к ним товарищей. Критике (в смысле, разбору) этого моего первого впечатления и посвящено моё выступление.

Позиция: если я достигаю бессмертия в той или иной форме, то я перестаю быть человеком (1).

Все люди, без исключения, когда-нибудь умрут.
Цугуми Оба

Это всеобщее утверждение, которое можно переформулировать так: все действия человека разворачиваются в перспективе смерти (1.1).

Со всей осторожностью любownika и с трусоватостью аналитика, следует производить предложения, содержащие в себе квантор общности. Всегда следует помнить касательного них две вещи: они устанавливаются не индуктивным путём и они всегда связаны с парменидовской онтологией. То есть, мы имеем дело с предложением, дедуцированным из какого-то другого (или вообще неправомерном) и не способным учитывать изменения длительности.

Я утверждаю, что один из путей дедукции этого предложения таков:

Человек есть в том числе социально-экономическое существо. Социально-экономическая сфера капиталистического общества устроена так, словно человек смертен (наследственное право, семейное право, пенсионная система). Следовательно, человек учитывается в экономических отношениях как обладающий предикатом смертности.

Т.е. структура общества служит оправданием всеобщности предложения (1.1). Это та самая «эпоха, схваченная в мысли», капиталистическая эпоха, схваченная буржуазным писателем Камю¹.

Эпоха — это то, что хватает философов за что придётся.
Грустная шутка московских студентов

И в этом плане важно заметить общее между взглядами Камю и христианством. Смерть — самый важный момент в жизни христианина. Подготовка к нему — вся жизнь, полная радостного лишения. Христианские институты, как и капиталистические, выстраивают жизнь в перспективе смерти, и тоже — благодаря универсалистским жестам их основателей — служат оправданием всеобщности предложения (1.1).

Коль скоро так, то человек (единство тела и души, физического лица и счёта в банке) лишается первого компонента этой конъюнкции, он перестаёт быть человеком. Не важно, как это происходит: то ли переносом сознания на виртуальные носители, то ли заменой тела на искусственное, не данное Богом от рождения, то ли просто физической смертью и существованием в виде одной только души.

Уместность этих рассуждений можно почувствовать, обратившись к действительной практике, к самой жизни простых людей. Правда, разве не говорим мы о своей жизни так, словно знаем, что умрём около семидесяти лет? Что должен сделать мужчина? Посадить дерево, вырастить сына, построить дом. Ну, занять квартиру в престижном районе, жениться на красотке, разжиться товарами Веблена.

Итак, мы установили справедливость квантора всеобщности предложения (1.1) для всех тех, кто включён в капиталистически-христианские отношения.

¹ Связь парменидовой онтологии и капитала кажется мне важной, но не касающейся напрямую нашей темы. Потому мы её опустим.

Ещё раз. Структура нашего общества такова, что предложение (1.1) является истинным (2).

Структура общества здесь — это отношения по поводу технологий: церковных и производственных.

Что может противостоять такой тотальности конечности?

Всеобщим высказыванием противостоят частные. То есть, всё, что за пределами всего, — это не-всё. Это ясно: отрицание квантора общности есть квантор существования. Отрицание квантора общности ведёт к отрицанию консеквента и замены импликации конъюнкцией, то есть:

Существует человек, который человек, и который бессмертен (3).

Или так:

Быть человеком и быть бессмертным возможно (3.1), где возможно есть модальный оператор, задаваемый через отрицание необходимости утверждаемой ситуации.

Но что может обосновать (3.1), как (2) обосновало (1.1)?

Посмотрим внимательно на (3.1). Вспомним, что термин «человек» мы определили через незакрытый ряд конъюнктов, одним из которых был «быть смертным». Налицо явное противоречие внутри (3.1).

Что может сделать предложение истинным, если в нём содержится формальное противоречие и не ясна природа отрицания, его породившая?

Проверим инстанцию, благодаря которой мы устанавливали истину до сих пор. Как мы сказали, (2) показывает, что (1.1) является истинным. То есть мы сказали, что истина высказывания устанавливается через соотнесения его с другими высказываниями о мире, которые мы считаем истинными. Истину последних мы устанавливаем, опираясь на собственную интуицию, здравый смысл и опыт жизни в сообществе. Обратимся к ним.

*Здравомыслие можно было бы определить как синтез безумий...
Тот, кто хочет сохранить здравомыслие...
должен собрать в себе целый парламент всевозможных страхов,
из которых каждый признавался бы безумным всеми остальными.
Бертран Рассел*

*Мишель Фуко выходит из тумана,
Постмодернизм свой тихо теребя.
А я не забуду Рассела Бертрана,
И в рабство философское я не продам тебя.
Леонид Корнилаев, «Bertrand Arthur William Russell»*

Я утверждаю, что в противоположность опыта конечности, обретаемого из перспективы всей жизни, опыт бессмертия мы обретаем в её частностях. Да, как только мы попадаем в систему обращения, мы сразу начинаем думать в терминах скорости, конечности, быстроты. В этом проявляется магичность нашего отношения к технологии¹. Но в редкие минуты выключения из неё, тогда, когда наша экономическая составляющая дремлет или работает без нашего прямого участия (деньги в банке, инвестиции в дело и т.д.), — разве

¹ Подробнее см. «Наука, технология и магия», Умберто Эко, «Экология и жизнь» №4, 2008.

мы чувствуем собственное бессмертие? Это дано, например, в опыте лени, когда чувствуешь, что вечно будешь в блаженной апатичности и неподвижности созерцать потолок? Или в опыте любви, когда ласки длятся вечность, вечность, которая вдруг заканчивается? Даже Церковь иногда работает с моментом смерти: разбойник Дисмас (имя, сообщённое нам Ев. от Никодима) был спасён предсмертным деянием.

Именно частное даёт нам опыт бессмертия, включает в наше мышление это понятие. В этой перспективе вовсе не кажется случайным, что наука, заботящаяся о частном более, чем о всеобщем (то, что не редуцируется до частного, она оставляет, как известно, философии, оккультизму, религии, протестному движению и квазинаукам). И в этом частном ныне ощущается тотальность: фашизм факта, монизм феномена, как самодовольство ребёнка, знающего Истину, через себя дают нам новое всеобщее, содержащее в себе старое как отрицание.

*Мы лёгких путей не искали,
Тяжёлыми тоже не шли,
Всё в жизни бывало, сказала Катькан,
И дальше в поход мы пошли.
Детский стишок*

То есть, наука, как раньше и Церковь через институты исповеди и причастия, предлагает кропотливую работу с телом, чтобы перевести себя в новое состояние: для религии это будет спасаемая душа, для науки — по-новому организованная телесность. И там, и там реальный, расширенный опыт бессмертия предлагается через телесную практику отрицания тела и духовную практику отрицания человечности (в смысле полуживотного для Церкви и субъекта для науки¹).

То есть, структура общества (отношения людей по поводу технологий: научных и церковных) показывает нам истинность (3.1) (4).

Здравый смысл, наблюдение и выбранная нами логика показывают странные вещи: (2) подтверждает (1.1), а (4) — (3.1), притом (2) и (4) упоминают одно и то же: отношения по поводу технологий.

При этом ясно, что данный в перспективе конечности человек, для которого верно (1.1), скажем, средневековый монах, включён в сети распределения своей личности так же, как проповедуемый трансгуманистами асексуальный² человек будущего, исповедующий (4). То есть, как первому нужен орден и Церковь, так второму — лекарства, процедуры, клиники, врачи.

При этом важно, что речь не идёт о каком-то новом средневековье. О подлинном прогрессе, ради которого нужно отказаться от мнимого прогресса научного иммортализма. Развитые наукой технологии подставят под сомнение константу нашего рассуждения — отношения по поводу них, что мы и обнаружили в возникающем противоречии (1.1) и (3.1). Разрешение этого конфликта ведёт к открытию новых горизонтов для человека.

¹ Речь идёт о зафиксированной «смерти человека». Подробнее см. М. Фуко «Герменевтика субъекта».

² Монах не оставляет потомства, трансгуманист часто чайлдфри или за искусственное выращивание в пробирке. Сексуальное удовольствие монах получает в религиозном экстазе и насилии над своей плотью, а трансгуманист — в виртуальных и наркотических «борделях».

Моё «бессмертие»

Прошла конференция «Определённое бессмертие» в университете «Дубна».

Буквально пару слов. Сначала философия в моём лице явила недееспособность во взаимодействии с кофейно-стаканчиковой техникой, потом облажалась, забыв приобрести посуду для гостей, и показала пришедшим подлинную диалектичность выступления: то ли провал, то ли нет. Я всех запутал (даже великого путаника Женю Интера) и сам запутался, хотя ирония, знание курса физики за 10 класс и тотальность вбирания в себя любого контрутверждения как частной истины позволили сохранить лицо. Приглашённый профессор слился в Штаты, теологам отменили электричку.

С другой стороны, мы дотащили из Москвы целый мешок раздаточных материалов (отечественный и буржуазный научпоп высокого качества) и успешно раздали его присутствующим (я знаю, что материалы пошли по рукам и продолжают обсуждаться и после конференции). Мы собрали большое количество людей, никогда про ФК не слышавших и после развернувших бурное обсуждение темы в курилке и на остановке. Мы, кажется, общими усилиями определили две важные вещи:

(1) Качественное отличие научного иммортализма от ненаучного в том, что первый претендует лишь на достижения пренебрежимо малого старения через различные постоянные операции.

(2) Наше мышление имеет опыт бессмертия в частных переживаниях лени, боли, любви и т.д., а моментность смерти сообщает бессмертию иллюзию его мгновенной достижимости и размывается сейчас как оппозиция живой-неживой.

Наверное, это мало. Но было интересно и весело: весело и интересно сквозь серьёзность.

Расшифровка бессмертия

26 марта в Международном университете «Дубна» прошла ФК-конференция «Определённое бессмертие: религия и наука за чашкой кофе».

Ниже вы найдёте расшифровку без всякой редакции и попытки адаптировать устную речь к письменной. Нам кажется важным показать, что косноязычие имеет свою логику, как живая речь, свободная от письма, кажется в его оковах убогой, что, возможно поможет нам понять разницу между породившей философию оральной культурой и привычной там культурой письменного знака.

По техническим причинам мы приводим только первые 50 минут конференции, потому что на перерыве Женя зачем-то отключил диктофон и забыл включить его, когда перерыв закончился.

Евгений Интер: ...в философской перспективе и научной эта тема, послужившая основой сегодняшней встречи, преломляет себя в таком научном пространстве, которое называет себя научный иммортализм. Ну, возможно, о нём кто-то слышал, кто-то не очень. Если немного конкретизировать эту тему, то окажется, что это совокупность теоретических моделей и практических технологий, которые настаивают на возможности некоторым способом достижения бессмертия — внимание!.. Как только выходят геронтологи, молекулярные биологи, возможно, нейроинженеры, прочие представители высоких технологий, и начинают что-то говорить, и там проскальзывает это слово «научный иммортализм», и когда они начинают говорить о бессмертии в том контексте, в котором это встречается у них, также встречается «пренебрежимо малое старение», «неограниченная продолжительность жизни» и тому подобные такие эвфемизмы. Сразу возникает такой, я бы сказал, срез, границы недопонимания, ну, неадекватного понимания. Оно происходит систематически. Вот сколько я ни читаю реакций на выступления, на митинг «За генеративную медицину» в сентябре прошлого года, в других странах, ну, в принципе, то есть, можно смотреть блоги, новостные ленты, всегда реакция заключается в том, что возражения, которые возникают в адрес этих программ, они как будто говорят о разных вещах, они не улавливают нюансы, подразумеваемые этими исследователями. Исследователи их не объясняют, они подразумевают их как очевидные. Но при этом, так сказать, проигрывают и те, и другие, потому что, с одной стороны, очень интересные и свежие концепции оказываются понятыми странно, а с другой стороны, те, кто должны рекламировать свои исследования и говорить о том, чего они достигли, обвиняются чуть ли не в новом оккультизме, ну вот в таком плохом смысле, в котором это является ярлыком.

Собственно, именно поэтому в данном случае я предлагаю не нечто вроде эликсира бессмертия, а скорее, рецепта дискурса об эликсирах бессмертия, о том, как строится понимание тех контекстов, в которых суждения о нём строятся сегодня. Можно было бы, конечно, процитировать длинную историческую справку: вот китайский лунный заяц — эликсир бессмертия, вот нумерология в Китае — эликсир бессмертия, вот алхимия в Средневековье и философский камень — эликсир бессмертия, эпос о Гильгамеше и прочее, прочее. В течение исторического существования человечества тема достижения не-

ограниченной жизни поднималась неоднократно. Сегодня инстанция, которая производит истинные суждения, которые чаще всего оказываются таковыми, перешла к науке. Поэтому неудивительно, что сейчас то, что называет себя иммортализмом, относится к научной области. Во всяком случае, оно претендует на это отнесение.

Перейдём к границе непонимания. В чём она заключается? Когда научные построения пытаются быть переданными публике, широкой в самом общем смысле. Начать я предлагаю несколько не с предметных разработок (конкретные техники, конкретные нюансы), а с определённой концептуальной интуиции. Что под этим подразумевается, отвлекаясь от контекстов конкретных религий или конкретных историко-культурных верований? Можно рассмотреть жизнь как интервал, в котором происходят события, а смерть — как граничную точку, как разрыв событийности и окончание интервала.

Интересно здесь следующее. Когда в этой точке нечто продолжающееся заканчивается и когда мышление человека оказывается погружённым в процессе переживания: как же так, как же так что-то умер. И появляется некоторая интуиция достижения бессмертия **щёлкает пальцами**. Чтобы возникнуть — берём пока общий пласт, не конкретизируясь на способах возникновения этой интуиции... она не имеет конкретных воплощений. И поэтому она перехватывает много черт своего врага на пути этого противостояния. Например, она оказывается также... оказывается некоторым образом нечеловеческой. Бессмертие приписывается, как правило (не считая бродящих среди людей неограниченное время героев), богам, духам или некоторым ключевым, символическим элементам природы. Оно не вписано в человеческий контекст, как, например: это мой сосед Иванов, он живёт бесконечное количество времени, его жизнь вечна. А в отсутствие примеров эта интуиция приводит к следующему такому аспекту симбиоза со смертью, от которой она, казалось бы, отталкивается в противоположную сторону. Это вообще свойственно для таких вот парных расхождений. Она оказывается понятой настолько же одномоментно, поскольку событие смерти — этого мы коснёмся позже — распадается на достаточно сложные группы связей, но она происходит. Человек, живой организм, ну вот такого рода, живёт, а потом происходит смерть, час или какой-то момент, уничтожение за короткие секунды во взрыве, и вот смерть совершилась. И вот она исполнена. И, руководствуясь именно таким непосредственным восприятием, интуиция бессмертия переворачивает всё это в другую сторону. Она предполагает, что и бессмертие, которое является победой над, достижимо ТОЧНО ТАКИМ ЖЕ образом. Поэтому оно прорастает как какой-то артефакт, некоторое заклинание, дар от духов в один момент, как пилюля, как генетическая процедура сегодня, и вот.

И вот тут время остановиться с работой интуитивного материала. Потому что когда мы говорим, что он начинает концентрироваться в каких-то образах и представлениях, артефакт или там древний цветок для древних преданий, а сегодня предполагается для всех этих сторон контрапозиция: вот когда изобретут пилюлю и все станут бессмертными, когда изобретут генетическую процедуру и все станут бессмертными, — дальше строиться некоторая контрапозиция, почему это неправильно, почему этого не должно быть, происходит некоторое недопонимание. Предметность материала, с которым работают современные теоретики продления жизни, там, каких-то там регенеративных процедур, они постоянно работают с тем, что является возобновляемым, с тем, что необходимо повторять

снова и снова, то, что изнутри практических научных областей, ну, скажем, для любого геронтолога очевидно, что некоторая процедура, скажем, омоложения новых органов будет требовать новых органов, потому что старые будут устаревать, молекулярная клеточная инженерия, которая требует, то есть она настаивает, что может исправить даже какие-то функциональные нарушения в молекулах, которые вызывают апоптоз (смерть клеток, запрограммированная в их ДНК), они работают с этим, и ясно, что клеточные нарушения всё равно будут накаливаться, нечто вроде лабораторной энтропии, это очевидно для тех, кто работает с этими технологиями, стремится представить их общественности. А здесь концентрация идёт на том, что возобновляемость бессмертия является его составляющей частью, она не является такой одноактовой, какой это представлялось предыдущими верованиями. Вот этот момент, с которого нужно начать движение дальше.

Ну, хорошо, оно такое повторяемое, но каким образом? Если иммортализм позиционирует себя как научный, то он представляет соответствующие модели конкретных областей. В данном случае, я не буду касаться таких сложных тем как загрузка сознания и прочее, потому что они как раз таки научно мало рассмотрены, поэтому я перейду к биологии и к тем классам теоретических технологий, которые она строит для рассмотрения бессмертия тем или иным образом: узким, широким. Для начала нужно задаться таким нюансом — быстро его проскочить, но всё же, — для того, чтобы говорить об организме как вечно молодом, бессмертном, пренебрежимо мало стареющем и т.д., нужно стабилизировать организм в наблюдении, доказать, что это был один и тот же организм, ну, это относительно просто для дельфина или землеройки, а в случае метаморфоз гусеницы в бабочку тут возникает некоторая концептуальная тонкость, но биология серией поспешных и кропотливых наблюдений устраняет и её, поскольку информация наблюдается на одном и том же организме, а это может показаться отвлечением, но то, что части зоопланктона превращаются в раков, что тоже можно было зафиксировать, было спором несколько десятков лет в XIX веке. И это тоже было неочевидно, как неочевиден был бы процесс наблюдения. Ну, что ещё? Ну, микробиология, которая рассматривает развитие клеток, она не может позволить себе поставить этот вопрос без необходимых для этого условий. Только исключительное, небольшое число экспериментов исходит из рассмотрения конкретных клеток. Сама единственность организма она в данном случае оказывается не необходимой, как и в случае с исследованием грибов, грибница со множеством проявлений и связей.

Так, хорошо, некоторые организмы ускользнули, но большая часть, в том числе и человек, осталась. Мы подходим к границе в самой биологии между живыми и неживыми системами, она встречается чаще так, через признаки: сохранение и адаптация к среде, передача информации, размножение. Но, по сути, она страдает такой же болезнью, как классификации болезней в психиатрии в американках справочниках: она просто перечисляет то, что видит, не предлагая ничего общего для этих признаков. Теоретически может быть более полезна такая синергетическая, назовём её так, модель, которую предложил Эрвин Бауэр ещё в 35 году, о том, что для живых и только живых систем следует, что они существуют вопреки условиям физического и химического равновесия, а сами находясь в состоянии неустойчивого равновесия. Причём возобновляемого, причём каждая из подсистем этой живой системы сама стремится к своему локальному энергетическому равно-

весию, что вполне оправданно: выпрямление молекул и прочее. Однако координация выпрямлений и подобных уменьшений потенциальностей переводит всю систему в состоянии живой. Чтобы проиллюстрировать это абстрактное определение на обратном примере: когда происходит раскоординация этих систем. Человек, который органически умирает: довольно большая часть нейронов мозга живёт ещё несколько часов. Почему у покойников растут ногти и волосы? Потому что они обладают автономным энергетическим запасом, то есть они продолжают жить, когда система уже распадается как целостность.

Ну, хорошо. Однако в данном случае это определение, провёрнутое для имморализма, носит довольно абстрактный характер. Ну, проведено исследование, лет 30 оно длилось и до сих пор идёт, по поводу среднестатистических сроков жизни. Они выделили, например, организмы пренебрежимо малого старения, но ни один из них не укладывается в эту термодинамическую концептуальную сетку. Они оказываются совершенно другими. Например, они не приносят потомства, например, потому, что панцирь оказался слишком большим, что они не смогли двигаться. Это как раз является проблемой раскоординации систем, и в этом смысле они не являются бессмертными.

И тут мы подходим в этой самой точке, об описании которой идёт речь. Бессмертность, понимаемая в таком контексте, никогда не является актуально данной, она всегда наблюдается только как определённая продолжительность интервала. Если мы предположим исследователя, относительно которого сделана процедура, которая настаивает на его бессмертии, то он из своего горизонта наблюдения будет видеть либо других существ, живущих неограниченно долго (предположительно), либо тех, чьи жизни заканчиваются точками смерти. Но ни из какой перспективы науки нельзя сделать истинного суждения о возможности достижения вечного бессмертия, на которой настаивают те, кто спорит с её достижимостью. Ну конечно нет! Ни один исследователь с теми интуициями, которые вменяют естественные науки, не будет настаивать, что она реализована полностью. В данном случае, она подразумевает расширение интервала с возможностью смерти, но не от причин биологического старения или там каких-то других. Потому что даже существо, обновляемое клеточно и там трансплантантно, оно может умереть от термоядерного взрыва или от удара большим камнем. Эти варианты смерти не закрываются никаким бессмертием. Достаточно спорным является то утверждение, что можно уничтожить смерть как всеобщую проблему в любой будущей перспективе и во всех возможных формах. Это и является контраргументом для всех тех учёных, которые настаивают на возможных процедурах бессмертия.

И ещё два небольших момента. Если мы отказались такого понимания, то как выглядели элементы, входившие в его состав? Например, позитивность бессмертия, она концентрируется не как позитивность научного типа, допустим, это представлено, это зафиксировано, это измерено, нет, — позитивность здесь следует рассматривать как рамку подачи информации, некоторый настрой, переживание, как тот критический аргумент, что зачем человеку вечная жизнь, ему станет скучно, надоест, и он перестанет испытывать счастье. И вот как раз здесь введение того обстоятельства, что на введении актуального бессмертия никто и не настаивает, позволяет рассмотреть как одновременно и его возможность смерти в один момент от внешних причин, никогда заведомо не могущих быть предсказанными, и одновременно отказ от смерти с необходимостью, на которой настаивают

вают те... ну, то есть, что она неизбежна полностью по биологическим срокам, что, в данном случае, является камнем преткновения для геронтологов и молекулярных биологов.

И второй момент, что если бессмертие в своей одномоментности, однозначности, всеобщей абсолютности такого свершения выпадает из сферы нашего внимания, то следом за ним и смерть тоже оказывается более расшатанной. Ну, например, почему? Потому что геронтологические модели рассматривают её как систему отклонения от нормы, которая может быть рассмотрена... Ну вот есть такая работа-дерево, схема старения, состоящая из 600 пунктов, которые ведут к смерти и являются систематическим накоплением ошибок. И, соответственно, перекрытие каждой из них в своём участке блокирует эту причину старения. Здесь смерть перестаёт рассматриваться как однократный, единственный момент. Да, конечно, сам организм и его системы распадаются и его системы расщепляются, но ведёт к нему огромная компонентная система.

Ну, также переменной функцией принадлежности ко множеству живых-неживых систем можно рассматривать процедуры крионики и некоторой перезагрузки организмов. Ну, она в частности была поставлена, когда спорили о вирусах, принадлежат ли они к живым или неживым, к какому из царств, а в данном случае, если организм заморожен и не подаёт никаких признаков, свойственных живым системам даже в связи с вышеназванным определением Бауэра, тогда возникает вопрос, насколько эта функция переводит с необходимостью в одну сторону. И, соответственно, ну, были заморожены, например, нейроны крысы, которые потом при разморозке в определённых условиях выдавали активность вполне живых, а пересадка органов, которые подвергаются таким процедурам, тоже известный факт.

Немного касаясь тех технологий, которые входят в иммортализм, но не обсуждались нами сегодня развёрнуто, как киборгизация комплексного типа, как, например, мозг — компьютерный интерфейс, который переносит сознание на другие носители. Я не говорю о том, что мы рассматриваем их сейчас как данные, потому что это не так, хотя бы по тем научным разработкам, которые сделаны. Но, входя в сферу нашего рассмотрения, ставя под вопрос нечто, они оказываются даже более радикальны, чем пресловутые споры об эвтаназии эмбрионов, по сути, они предлагают нечто более вызывающее относительно той стабильности, которая в то время как о бессмертии уже выкинули эту стабильность, в той перспективе уничтожает всё те, что мы называем смертью. Думаю, на этом можно закончить.

Иван Фомин: Всё.

Евгений Интер: Конечно.

Иван Фомин: Спасибо, Женя, да. *Аплодисменты* Мы переходим к вопросам и обсуждениям. Кто бы хотел начать? Такой, мне кажется, провокационный...

Евгений Интер: Естественно!

Иван Фомин: ...доклад.

Человек из зала №1: Вопрос такой: в вашем докладе вы отстаивали мысль, что наука не настаивает на актуальном бессмертии, на достижении актуального бессмертия, но, с другой стороны, сами попытки бесконечно отодвинуть вот эту границу смерти...

Евгений Интер: Угу.

Человек из зала №1: ...не являются ли они свидетельством, что наука всё же мечтает достичь этой бесконечной границы, которая сейчас кажется мечтой? Те же самые, например, трансгуманисты, которые сейчас прямо так восторженно говорят о соединении механики и биологии, они как раз пытаются перешагнуть через естественные границы.

Жена Интер: Ну, тогда я сейчас попытаюсь коротко ответить, разделив ответ на два вопроса. Интуиция, чисто человеческое желание не умереть, расширить свою жизнь как можно далеко, как это окажется возможным, вот это присутствует как стимул, желание, поиск научный и не только научный. Это то, на чём много базируется. Но, кроме того, это не означает, что желание жить бесконечно обязательно реализуется именно так, потому что создание лекарств, которые побеждают болезнь, оно руководствуется теми же причинами, потому что люди не хотят болеть и умирать, как-то это им не очень нравится. И в этом плане, в этом случае, смерть, понятая как болезнь — а она вполне сознательно начинает переводиться именно в этот регистр, чтобы от неё рассматривались лекарства, как название той книги в раздаточных материалах, — она разрешима частично. Максимальными претензиями были бы «не умереть ни от чего», были бы спорными, но то, что руководствуется конкретными практическими рецептами, способами, технологиями, я просто оцениваю вероятность больше, в том числе как расширение нашего собственного горизонта вероятностей. Если ты можешь умереть от кучи разных причин, как гамма-всплеск в другой Галактике, который уничтожит нас всех, но не умереть от старения твоих органов, то почему бы и нет? Это неплохо. А второй пункт относительно трансгуманистов и технологий, которые они рассматривают, этот пункт интеграции определённых машинных элементов, эта как раз там самая точка, где размывается смерть. И определение человека размывается, как смерть и бессмертие. Это кажется мне такой неопределённой и многообещающей траекторией одновременно. Поэтому я просто их с интересом изучаю, хотя не настаиваю на радикальных изменениях прямо сейчас.

** Нам кажется, что эти слова Жены могут служить вектором к ответу на вопрос, заданный после конференции участником из ОИЯИ: стоит ли достигать бессмертия, когда уровень жизни очень низкий?*

Кристина Бурмина

Бессмертный день

Понедельник. Сегодня у нас бессмертие. Университет остался без нашего внимания, зато солнце пригревало кровати. Теологи непонятно где и в Дубну не поедут, геронтолог приболел и укатил болеть в Америку. Ну и ладно. Собираемся и едем.

Дорогу опустим: мы уже на месте и едим булочки и едем к университету. Конференц-зал заполняется людьми. По большей части людьми незнакомыми. Все получают раздаточный материал, который в гигантском бауле притащил Интер. Ну как Интер? Все понемногу тащили. «Наука против старения» — имеет приятный запах свежей типографской краски. Пора и начинать.

Хо, как положено: пару слов о ФК, — и вот уже Женя Интер — надежда советской философии с докладом. Хм. Женя Интер — надежда советской философии? Сам Интер, улыбаясь, протестует и начинает говорить.

Интер говорит о бессмертии.

«Научный иммортализм» — теоретические модели практических технологий, описывающих достижение бессмертия. Недопонимания. Серьёзные такие недопонимания. Ну не понимают тех ребят, которые о бессмертии говорят. Вот, мол, новый оккультизм. Но Женя, например, против. Нет эпосу о Гильгамеше и философским камням! Наука-наука. Интуиция достижения бессмертия как-то не приписывается человеку: «сосед Иван живёт бесконечно» — не принято так говорить. Видимо, нужно что-то менять.

Паша серьёзен и даже постоял за кафедрой. Всё-таки кофе — это не пустяк. Да и бессмертие тоже.

Представилось, что видео вот с этой конференции будут смотреть студенты лет через двадцать и восхищаться Интером, и копировать жесты, и скидывать друг другу на стену в контакте.

Ага, а тем временем переходим к биологии.

Нужно стабилизировать организм в наблюдении. Неочевидно, что куколка — это бабочка.

О, почему у покойников растут ногти?

Организмы пренебрежимого старения.

Такая вот бессмертность — как продолжительность интервала, а не как бесконечность. Вариантности смерти бессмертием не отменяются: кирпич на голову никто не отменял. Бессмертие расшатывает и смерть, между прочим.

Жесты у Жени что надо. И галстук.

Ваня напряжён и вообще в галифе и с фуражкой. Видимо, время Жени не бесконечно. И разговор не бессмертен.

Аплодисменты ☺

Вопросы к Интеру всякие: о старении, бессмертии и даже о трении.

Затем коллективно решается, что Женя Интер в руках лучше, чем геронтолог в Америке, но прочитать тезисы Артюхова будет не лишним.

Геронтолог что-то всё предлагает и предлагает. Какой-то фермент, например, разлагающий шивки. Какие шивки вообще? Ну ладно, главное, что предлагает и кто-то точно знает о шивках. О, заменить кровь автоматами. Суперхрусталик в глазу. Ну и если вам интересно, то читайте гигантские тексты Артюхова и узнаете, почему и как это всё возможно.

А в Японии в это время молекулярные ножницы и бессмертные мышцы. Бессмертные мышцы, по-моему, это интересно.

Ваня массирует челюсть, а мы с Пашей обсуждаем, в каком порядке угощать всех кофе, и я внезапно узнаю, что Женя-то, оказывается, с терминами лажает, иногда.

Дальше перерыв и дым.

Хо говорит.

Он будет не информативен. Ну и как всегда, сначала про философию немного. И прикольно хрустит лёд, как и философия. Твёрдое состояние на ногах Жене не свойственно. (Ага-ага, это особенно если после бара, вспоминаю я пару историй с Женей.)

Камю: Человек смертен. Завтра Интер принесёт бессмертие вместе с наукой, и Камю уйдёт. Вот разочарование.

Женя рисует.

Ваня снова массирует челюсть.

Под Женей даже доска гнётся.

Человек — социально-экономическое существо. И ещё и смертен.

Вся жизнь выстраивается в перспективе смерти, так-то. Женя должен вырастить сына, дерево и дом.

А Женя снова рисует. Логика ему в помощь.

Паша первый раз видит такого брата.

Опыт бесконечности дан в негации всеобщего в частном. Как во влюблённости. По-моему, Женя запутался. И я. И Ваня. 5 минут, надо успеть понять хотя бы что-то. Хотя бы кому-то.

Средневековый монах и трансгуманист-асексуал. Ну, есть что-то общее. Например, продолжение рода человеческого.

Федя: что ты пляшешь от части истины?

«Наука против старения» имеет приятный запах цветной типографской краски.

Фокус-покус, внимание-понимание:

- тезис 1 — конечность
- тезис 2 — бесконечность

Противоречие?

Позитивное решение — практика. Актуализированная бесконечность — делает истинным оба термина. Монах и трансгуманист-асексуал снова вместе. Высказывания оправдаются другими высказываниями: когерентная теория истинности.

Вуаля.

Мужчина. Был в очках — стал без. И он против противоречия изначального между трансгуманистом и монахом.

Паша: А может, оба тезиса не верны?

Женя: Можно и сказать, что неверные. Но и всё одно и то же.

Логика за Женю.

Женя разгорячился и даёт дефиницию человеку: если смертен, то человек.

Технаря Женя попросил помолчать светом, который волна или частица, так что диалектика — это не нафантазированная гуманитариями глупость.

Вот и всё. После вопросов, предложений, возражений, споров и разговор в конференц-зале в Дубнинском университете во понедельник вечером остаются одни печенки.

Кафе «Хижина», пиво, разговоры и пицца.

Потом, дрелью открытое вино и спальные, и клеёнки на полу.

Федя: был бы повод не пить. Русская народная поговорка, кстати.

О диалектике

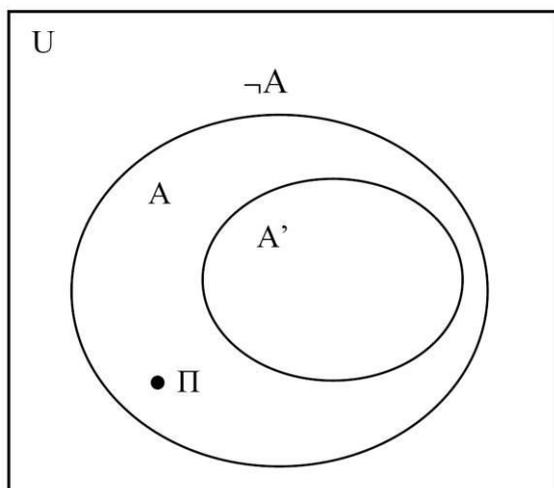

О диалектике

Доклад прочитан на январском ФК в клубе «Наутилуз».

Начну с того, что есть такая наука: философия. У неё много отраслей: логика, методология науки, история философии, этика и т.д. Все они, естественно, тесно переплетены, взаимопроницающи, но при этом, как мне кажется, среди них можно выделить центральное направление философии: этакий *mainstream*, задающий тон другим отраслям. Им — не в обиду коллегам будет сказано — является онтология (и, по совместительству, гносеология).

Как и любая иная область науки, онтология имеет свои объект и предмет исследования, систему законов и знаний об этом предмете и — в том числе — богатую методологическую основу. Методов этих тьма (начиная с древнейшей: наблюдения, эксперимента, метода «проб и ошибок»; заканчивая современными структуралистскими и постструктуралистскими методами); но при этом особое место в их ряду занимают, в первую очередь, логика, и, во-вторых, диалектика. Логика, понятно, на сегодняшний день есть вообще центральный метод всякой науки, её оплот, и, вероятно, можно утверждать, что во всякой науке ровно столько науки, сколько в ней логики. Диалектика, однако, по своей сути не менее фундаментальна. Она не может быть «заменена» логикой, но должна служить весомым дополнением к ней, без которого сама логика порой оказывается в тупике. В целом этот метод можно охарактеризовать как метод работы с противоречиями и противоположностями. Суть его проста до тривиальности и сводится к тому, что если у нас есть некое A , то с необходимостью имеется и $\neg A$.

Такой тривиальный метод основывается на (по крайней мере) двух чуть менее простых положениях. Первое гласит, что всякое определение суть отрицание. [Очевидность этого положения можно продемонстрировать на примере определения любого понятия. Так, например, можно определить понятие «человек» как «двуногое существо без перьев» (A). Всё, что не подходит под это определение — **не** человек ($\neg A$). Таким образом, мы задаём границы области значения термина. Конечно, под выбранное нами определение подходит и оципанный петух (Π). Но нам ничего не стоит исключить его из области значения, введя дополнительное ограничение на область значения: «и с плоскими ногтями» (A'). Граница станет уже, петух выскочит. Как видим, задавая границы области значения понятия «человек», мы задаём границы и его отрицания: понятия «не человек». Само определение, в сущности, и есть не что иное, как полагание этой границы, разделяющей A и $\neg A$. И такова форма всякого определения (будь это определение через род и видовое отличие, или остенсивное определение, etc.) любо-

любо- (по крайней мере) двух чуть менее простых положениях. Первое гласит, что всякое определение суть отрицание. [Очевидность этого положения можно продемонстрировать на примере определения любого понятия. Так, например, можно определить понятие «человек» как «двуногое существо без перьев» (A). Всё, что не подходит под это определение — **не** человек ($\neg A$). Таким образом, мы задаём границы области значения термина. Конечно, под выбранное нами определение подходит и оципанный петух (Π). Но нам ничего не стоит исключить его из области значения, введя дополнительное ограничение на область значения: «и с плоскими ногтями» (A'). Граница станет уже, петух выскочит. Как видим, задавая границы области значения понятия «человек», мы задаём границы и его отрицания: понятия «не человек». Само определение, в сущности, и есть не что иное, как полагание этой границы, разделяющей A и $\neg A$. И такова форма всякого определения (будь это определение через род и видовое отличие, или остенсивное определение, etc.) любо-

го понятия: оно всегда определяется через отрицание. Где нет границы, задающей отрицание, там нет и самого понятия.]

Второе положение, на котором основывается диалектика, можно сформулировать так: всё, что существует, существует определённым образом и суть определённая. [Это положение, возможно, не так очевидно, как предыдущее, и требует своего основания. Основанием этим является признание воздействия как единственного способа существования. {Не буду сейчас останавливаться на этом положении подробнее. Отмечу только, что воздействие с необходимостью предполагает наличие того, что воздействует, и обратно: то, что существует, с необходимостью воздействует (здесь будет полезно вспомнить и Беркли с его *esse est percipi*, и др.). В философии это обычно рассматривается как отношение сущности и явления: сущность всегда является, а явление всегда есть явление сущности. Надо сказать, это положение лежит в основе всякой естественной науки. Так, например, мы знаем о существовании элементарных частиц постольку, поскольку они создают наблюдаемые эффекты; не создавали бы — не было бы оснований допускать их существования. При этом от характера явлений мы судим о характере самой сущности. Ну, понятно: то, что бегают, как собака, лает, как собака, и виляет хвостом, как собака — собака. Т.е. то, что воздействует на нас определённым образом, и задаёт для нас определение данного нечто. Но надо сказать, что зачастую на этом «на нас» «философы» и останавливаются, не ведая, как будто, что объекты могут воздействовать друг на друга и, соответственно, существовать друг для друга. Вообще, объектов, которые на нас никогда не воздействовали непосредственным образом, но в существовании которых мы убеждены вследствие их воздействия на другие объекты, превеликое множество. Мы, например, не чувствуем действия магнитного поля, а гвоздь — «чувствует»; мы, слава богу, никогда непосредственно не взаимодействовали с чёрными дырами, но видели, какое действие эти объекты оказывают, например, на луч света, и т.д. Взаимодействие объектов и есть их существование друг для друга. И существование здесь оказывается транзитивным: если некоторый объект А существует для В, а В существует для нас, то А существует для нас.

То, как воздействует нечто, определяет само это нечто}. Но спросим себя: может ли воздействие быть неопределённым? Может ли, скажем, воздействие силы быть одновременно равным и 20 Н, и 20000 Н, и любому иному значению? Может ли стул, например, одновременно воздействовать и как гвоздь или пьяный сантехник? Очевидно, нет. Мы обнаруживаем, что воздействие всегда совершается только лишь определённым образом: либо это воздействие в 20 Н, либо в 20000 Н, либо вы сидите на стуле, либо на гвоздях. Но коль скоро воздействие совершается всегда определённым образом, существование, стало быть, тоже возможно не иначе, как определённым образом. То, что существует определённым образом, назовём определённой. Всё, что существует, суть определённая.

Об этом, конечно, ещё можно долго говорить и пытаться спорить, вспоминать Гейзенберговскую неопределённость и показывать, что она на самом деле вполне определена — но отложим это на другой раз].

Возвращаясь теперь к нашей схеме определений понятий, мы видим, что она так же работает и за пределами одного лишь «мира идей», применима также и к «миру вещей». Только теперь вместо абстрактных понятий у нас будут стоять конкретные вещи. У нас, допустим, имеется синяя ручка с массой 5 г, с температурой 20°C, с определённой плотно-

стью, зарядом, потенциальной и кинетической энергией, теплоёмкостью, химическим составом, и т.д. Всё это составляет определённую ручку как отличной от всех прочих вещей. Если вместо ручки у нас будет живое существо, его определённую будут составлять также и биологические свойства, такие как скорость метаболизма, сила иммунитета (т.е. способности предотвращать проникновение чужеродных молекул в клетки организмов, узнавать их, разрушать и выводить из организма), регенеративная и репродуктивная способности, и т.д. Все эти определённости и будут задавать границу определённого существования данной вещи в отличие от других. Можно ли задать эту определённую безотносительно этих других? Нет, нельзя.

Предположим, у нас есть А. Что это? Да это чёрт-те что: ни рыба, ни мясо. Можем ли мы определить его значения массы, температуры и т.д.? Нет, не можем: для этого нам, во-первых, сперва вообще необходимо узнать, есть ли у него температура, но этого невозможно сделать без какого-либо (прямого или косвенного) воздействия. Но воздействие уже и будет отношением этого А к чему-то иному, к ¬А. Хорошо, предположим, мы постановили, что у А есть температура. Но чему она равна? Это невозможно узнать без измерения (т.е. опять-таки воздействия). Но, хорошо, пускай мы опять заведомо постановили, что она чему-то равна: скажем, единице; или Х. Но что это нам даёт? Мы ведь не знаем, сколько это: много, или мало. Нам нужно какое-то соотношение этого А с каким-либо ¬А — иначе этот Х так и останется вовсе не определён. В отсутствие ¬А мы вообще ничего не можем сказать об А. В отсутствие ¬А — А просто и не существует как такового. И чем больше ¬А мы обнаружим, чем больше отношений мы построим, тем определённое будет наш предмет.

Итак, как видим, чтобы понять природу А, необходимо в той же степени иметь представление и о природе ¬А, и о соотношении А и ¬А. Это соотношение, в сущности, всегда сводится к одной форме: противоположности.

Среди основных противоположностей, известных философии испокон веков, можно выделить такие как Бытие и Небытие, Движение и Покой, Единичное и Множество, Конкретное и Абстрактное, и т.д. Они устоялись, и их бинарное отношение уже ни у кого не вызывает сомнений (чего, например, нельзя сказать о соотношениях, скажем, Вещей и Процессов, Качества и Количества, и т.п.). С ними удобно работать, ибо они определяются только лишь друг через друга. Т.е. определяя одну из них, мы определяем и другую. При этом в отсутствие другой они не существуют так же, как не существует А без ¬А: если есть одна из них, то тут же должна существовать и другая. Если у нас нет одной из них, то нет и другой. Наглядно это можно представить с помощью банальной противоположности правое-левое.

Грубо говоря, к этому, в сущности, и сводится вся диалектика.

Какая от этого польза другим наукам? Ну, первое, что бросается в глаза — это «настрой мышления». Диалектика в первую очередь учит не зацикливаться на чём-то одном в ущерб другому, не бросаться из одной крайности в другую, но рассматривать их как рядоположенные. Так, например, уже с одной только этой позиции спор биологов вековой давности о главенстве преемственности либо изменчивости кажется несостоятельным: обе эти противоположности с необходимостью должны были быть теснейшим, неразрыв-

нейшим образом связаны, что, в конечном итоге, и продемонстрировала нам генетика. Диалектика как настрой мысли, в частности, призвана предупреждать подобные замешательства, зачастую откровенно мешающие развитию научного знания. Но на этом её польза, как мне кажется, далеко не кончается. В конце я ещё обращаю внимание на соотношение диалектики и науки и на ту роль, которую первая может сыграть во второй.

Но прежде стоит ещё сделать пару замечаний касательно отношения диалектики и логики. Принято считать, что они во многом несовместимы, исключают применение друг друга и противоречат друг другу во многих основополагающих положениях. Чаще всего в качестве иллюстрации их несовместимости приводят логический закон непротиворечия (иначе он называется закон исключённого третьего). При этом бытует два стандартных типа рассуждений. Так, если рассуждать берутся так называемые «диалектики», их ход мысли сводится к тому, что логика не терпит никаких противоречий; чуть только в рассуждении появляются A и $\neg A$, как логика сразу же спешит избавиться от одной из частей противоречия или даже от всего рассуждения разом. Она, дескать, не понимает их истинного «единства», не умеет с ними работать и преодолевать их, что умеет только лишь диалектика. Если же рассуждать начинают логики, то их речь сводится к тому, что закон непротиворечия — основа всякого рационального познания. Диалектика, коль скоро она пренебрегает этим законом, не является рациональным способом мышления и не может служить целям познания. Диалектика путается в противоречиях, из которых, как известно из логики, следует всё, что угодно, и как таковая она очень напоминает лженауку, с которой следует бороться.

Давайте на время оставим эти пыльные и, по существу, бессодержательные и поверхностные разглагольствования и попытаемся самостоятельно разобраться в соотношении диалектики и логики. Сперва давайте сформулируем закон непротиворечия; он гласит: **высказывание и его отрицание не могут быть вместе истинными** (формально это записывается как $\neg(A \ \& \ \neg A)$). При этом необходимо указать и два принципиальных **условия**: высказывание и его отрицание должны говорить **1)** об одном и том же предмете, **2)** в одном и том же отношении. Т.е., по сути, эти два высказывания должны совпадать во всём, кроме одной единственной вещи: то, что утверждается в одном, отрицается в другом. Теперь давайте посмотрим, совместим ли данный закон с основанием диалектики, а именно: для всякого A существует $\neg A$; если существует A , то с необходимостью должно существовать и $\neg A$; и каждое из них существует лишь потому и постольку, поскольку существует противоположное. Обычно, не вдаваясь в подробности или не зная логической или диалектической грамоты, это положение формализуется в виде $(A \ \& \ \neg A)$. Конечно, в таком виде мы имеем прямое противоречие логики и диалектики. Легко, однако, увидеть, что данная формула крайне неаккуратно выражает положенную в основание диалектики мысль. Дело в том, что в нём мы имеем два вхождения « A » — оба раза по отношению к одному и тому же предмету, рассматриваемому в одном и том же отношении. Всякая интерпретация покажет нам, насколько бессмысленна данная формула: один и тот же объект в одном и том же смысле будет как обладать определённым признаком, так и не обладать им; как принадлежать к какому-либо классу, так и не принадлежать ему. Скажем, одна и та же кошка будет одновременно как живым существом, так и не живым; и, заметьте, это будет ка-

саться не только Кошки Шрёдингера (с ней, кстати, довольно хорошо справляются многие неклассические логики), но всякой кошки и при любых обстоятельствах.

Но ведь выделенное нами положение говорит вовсе не о том. Оно гласит, что для всякого A существует $\neg A$. Если корректно формализовать данное высказывание, мы получим: $\forall x \exists y (A(x) \& \neg A(y))$; или: $A(x) \& \neg A(y)$. Сравним теперь данное положение с одним из логических принципов. Всем, пожалуй, известно, что в логике существует такая дедуктивная теория как силлогистика. Её основы заложил ещё Аристотель, и позже в неё были внесены некоторые изменения, в результате которых сложилась «традиционная силлогистика». «Её особенностью является наложение на термины $\langle \dots \rangle$ ограничивающих условий: \langle термины \rangle обязательно должны оказаться знаками таких свойств (классов), которые являются непустыми и неуниверсальными. Это означает, например, для свойства, обозначенного термином P , что в универсуме должен найтись хотя бы один предмет a , который обладает этим свойством, и для него верно утверждать, что « a есть P » (класс P не пуст), и найдётся хотя бы один предмет b такой, что он не обладает этим свойством, то есть для него верно будет утверждать, что « b не есть P » (класс P не является универсальным)». Формально принцип неуниверсальности обозначается в виде конъюнкции вида $\exists x \neg \alpha_1(x) \& \exists x \neg \alpha_2(x) \& \dots \& \exists x \neg \alpha_n(x)$; где $\alpha_1, \alpha_2, \dots, \alpha_n$ — список всех различных элементарных терминов, входящих в A . При этом требование непустоты формулируется в виде $\exists x \alpha_1(x) \& \exists x \alpha_2(x) \& \dots \& \exists x \alpha_n(x)$, и обе эти формулы связываются конъюнкцией.

Надо заметить, что указанное требование неуниверсальности, вводящееся в традиционной силлогистике, распространяется и на многие другие логические теории, системы и исчисления. Как видим, логика и диалектика отнюдь не исключают друг друга, но оказываются во многом совместимы. Эта совместимость устанавливает параллелизм между логикой и диалектикой; меж тем, как параллельные, они не пересекаются, не взаимозаменяют, но взаимодополняют друг друга. Важно подчеркнуть существенные отличия между логикой и диалектикой. Так, если объектом применения логики являются высказывания, то диалектика, помимо высказываний, как мы видели, применима также к объектам и процессам реального, вещественного мира; так называемой «внеязыковой» действительности. Если логика нацелена на выявление законов корректного мышления, то диалектика по самому своему существу призвана (как бы пафосно это ни звучало) отыскивать фундаментальные законы Бытия.

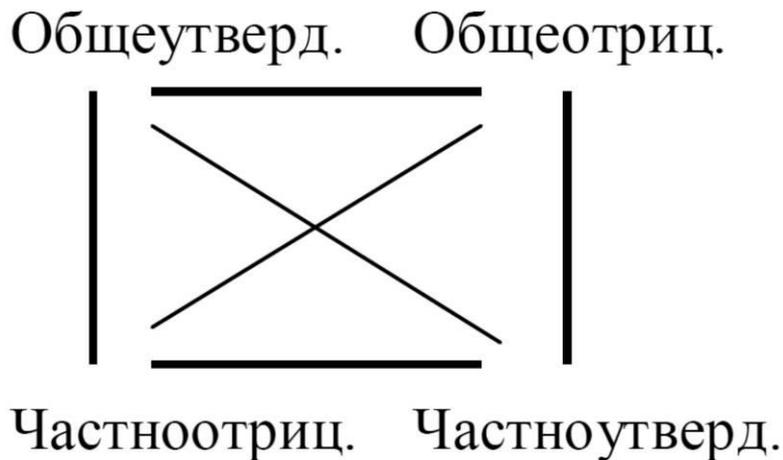
Вместе с тем, существенное различие логики и диалектики заключается ещё и в том, что логика (и как наука, и как метод) на сегодняшний день является прочным сооружением, зарекомендовавшим себя во всех отраслях научного знания. Диалектика же, в сущности, не зарекомендовала себя ничем, кроме как напыщенными замысловатыми выражениями и попытками быть в каждой жопе затычкой, напоминая тем самым скорее блудную девку, нежели «фундаментальный философский метод». Тоталитарный дух и различные идеологические соображения, якобы вытекающие из последовательной диалектики, но по факту насильственно в неё привнесённые, дискредитировали её ещё больше и вызвали отторжение у многих учёных, которое ещё не у всех отлегло и по сей день.

Что ж выходит: я тут перед вами распинался, пытался представить диалектику во всей её строгости, а на деле она является чёрт-те чем! Как это объяснить? Единственное объяснение, которое я тут обнаруживаю, заключается даже не в том, что люди, пытавшие-

ся ею заниматься и развивать её, были такими глупыми (хотя, конечно, и не без этого), но, скорее, просто в том объективном обстоятельстве, что диалектика — метод ещё совсем юный, неокрепший, а потому подверженный порой самым немислимым и сумасбродным влияниям.

Действительно, есть ли хотя бы один фундаментальный метод, который с самого момента своего возникновения твёрдо стоял на ногах? Дедукция и индукция, наблюдение и эксперимент, метод проб и ошибок — все они развивались примерно так же долго, как развивалась человеческая раса. Истоки их идут ещё от наших гоминоидоподобных предков, если не зарыты в животное царство. Этим методам пришлось ждать несколько миллионов лет, прежде чем в Новое время они, наконец, получили свою огранку, став незамечными инструментами во всякой науке. Логика, впервые более-менее ясно оформленная лишь во времена Аристотеля, более полутора тысяч лет практически не выходила в своём применении за рамки смутных теологических доказательств и, получив развитие вместе с прогрессом науки, начала по-настоящему себя раскрывать только лишь с конца XIX века и до сих пор имеет большие перспективы в своём развёртывании. Что же говорить о диалектике, впервые хоть более-менее начинающей приблизительно очерчиваться лишь в конце первой четверти XIX века! Сегодня она находится ещё в полузачаточном состоянии, но, как мне кажется, имеет большое будущее.

Что даёт основания мне так утверждать? Главным образом — тот потенциал, который, как мне кажется, уже сейчас можно обнаружить. Для сравнения, возьмём всё ту же логику; что мы видим? Наличие чётких определений и разграничений между понятиями; строго сформулированные законы; ясно выявленные отношения между элементами логической теории, и т.д. Возьмём хотя бы самое простенькое — отношения между высказываниями. В классической логике их существует 3 фундаментальных типа, и ещё 6 производных от них, строго определённых и разграниченных в соответствии с чётко сформулированными и не допускающими двусмысленности критериями (в неклассических логиках, понятное дело, и того больше). В сумме они исчерпывают всё множество возможных отношений между высказываниями. Наглядно их иллюстрирует так называемый логический квадрат (и то, тут представлены лишь 4 типа возможных отношений):

Что же у нас с диалектикой? В ней на сегодняшний день существует только лишь одно фундаментальное отношение: отрицание, — и производное от него, толком ещё и вовсе не осмысленное, отрицание отрицания. Графически их можно проиллюстрировать так:

$$A \text{ ————— } \neg A$$

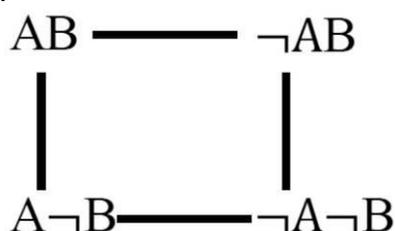
Притом до сих пор остаётся неясным, чем именно являются стороны этого отношения: в диалектике до сих пор не существует чётко проведённой границы между противоречием и противоположностью (не говоря уже об аналогах логической подпротивоположности и т.п.). В диалектику не получается просто взять и перенести логические отношения; ибо в логике они во многом вытекают из условий употребления высказываний и их отрицаний всегда об одном и том же предмете и в одном и том же отношении, что, как мы видели, нарушается в диалектике: вместо одного объекта мы включаем в рассмотрение и второй; вместо одного отношения — два. Но такое увеличение рассматриваемых объектов и отношений говорит нам о том, что диалектика — теория, содержательно более богатая, нежели логика.

Богаче она оказывается ещё и в том отношении, что логика — по большей части формальная теория, тогда как диалектика (помимо того, что она может быть формализована не хуже) не может обойтись без содержания противоположащих сторон и в первую очередь нацелена именно на это содержание, призвана его раскрыть.

Но пойдём чуть дальше. Только что мы рассматривали пару противоположностей, но можно ли в рамках диалектики одновременно рассматривать более одной пары и тем самым обогатить себя описательными возможностями, возможностями соотнесения нескольких противоположностей? Разумеется, можно. Если здесь наша исходная пара делит Универсум пополам, мы можем разделить каждую половину ещё надвое и получить следующие комбинации:

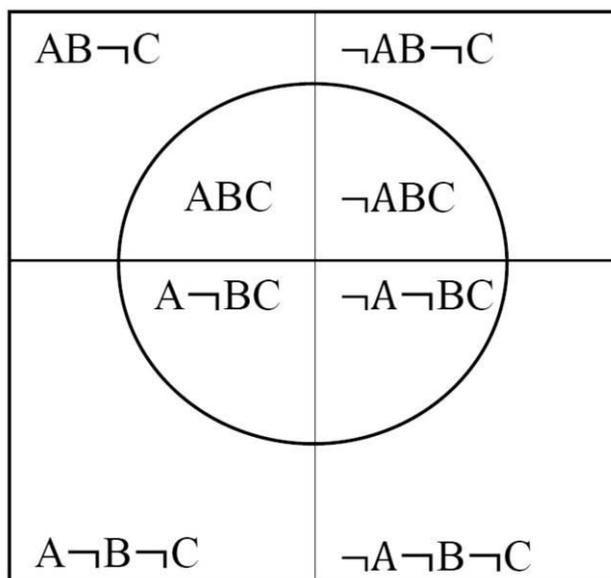
AB	$\neg AB$
$A \neg B$	$\neg A \neg B$

Графически мы также можем изобразить это соотношение в виде фигуры — своеобразного «диалектического квадрата»:

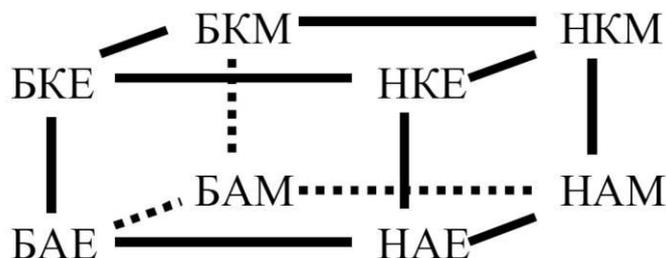

Здесь каждый «угол» является отрицанием двух соседних «углов». Вместе с тем, помимо отношения отрицания, мы можем обнаружить также и новое отношение — по диагонали. Из рисунка видно, что оно является отрицанием отрицания противоположащих по диагонали углов. Меж тем, что представляет собой это отрицание отрицания? Гегелевская диалектика рисует нам его в виде «восхождения к различённому единству противоположных». Однако подобная интерпретация представляется крайне затруднительной. Марксистская диалектика говорит нам о схожем: о «спиралевидном» развитии, где на «ступени» отрицания отрицания предыдущие две частично сохраняются, частично же отрицаются и ничтожатся. Мы же видим, однако, что никакого «восхождения» здесь не прослеживается: обе противоположности (А и $\neg A$) и (В и $\neg B$) существуют одновременно, на одном и том же уровне, и у нас нет никаких оснований предпочитать одну сторону (или угол) другой (другим). Логика же учит нас, что отрицание отрицания (т.е. двойное отрицание) тождественно дважды отрицаемому суждению. И такое отношение во многих случаях подтверждается. В самом деле, мы можем проинтерпретировать данный квадрат, взяв две пары противоречий (Бытие-Небытие) и (Конкретное-Абстрактное) или (Левое-Правое) или (Истина-Ложь) или (Единичное-Множественное) и т.д. — и увидим, что противоположащие по диагонали углы действительно оказываются тождественными. Меж тем, мы обнаруживаем, что такое тождество выявляется далеко не всегда. Возьмём, например, пару (Конкретное-Абстрактное) и (Единичное-Множественное). Тогда противоположащими у нас будут (КЕ-АМ) и (КМ-АЕ). Как интерпретировать такое отношение? Так ли, что единичная конкретная сигарета тождественна абстрактному множеству вещей? Получается чушь. Как описать отношение конкретного единичного к абстрактному множеству? Вот тут и открывается нетождественность логических и диалектических отношений.

Но уж коль мы построили отношения двух попарно противоположащих, почему бы нам не построить отношения трёх? Тогда у нас уже получится квадрат, разбитый на восемь частей:

или, в ином построении, трёхмерная фигура — «диалектический куб» (с отношениями Б-Н, К-А, Е-М):

Здесь перед нами рождается новое отношение, помимо уже имеющих «отрицания» и «отрицания отрицания» — отношение по диагонали куба (БКЕ-НАМ и т.п.). Что представляет собой это отношение?

Мы можем продолжать и далее. У нас будет получаться всё большее разбиение Универсума и всё увеличивающаяся (численно равная «местности» угла) размерность фигуры. Конечно, изобразить графически четырёхмерную модель будет уже гораздо сложнее; но мы сможем просто выписать соотношения углов в столбик.

Очевидно, далее, что смешивать друг с другом всякую противоположность с любой другой будет содержательно бессмысленно. Почему некоторые противоположности получается синтезировать, а другие нет? Вероятно, в связи с отсутствием пересечений областей значений этих несочетаемых — и эти отношения также необходимо будет вскрыть и найти удобный алгоритм их быстрого выявления.

Итак, покуда мы не знаем ни соотношений кортежей противоположностей, ни правил их сочетаний, все эти рисунки — не более чем мазня и мараение бумаги, и практически ничего не дают ни в практическом, ни в теоретическом ключе. Можно предположить также, что одними выявленными здесь отношениями сама совокупность возможных отношений не исчерпывается, но имеются и другие — возможно, производные, а возможно, и более фундаментальные. Они, быть может, впоследствии обнаружат себя, как обнаружат себя, быть может, и многие другие сюрпризы. Меж тем, на сегодняшний день принципиальным является признание лишь одного факта: просматривающиеся здесь отношения и правила **ЕСТЬ**; мы их ещё вовсе не знаем и не понимаем, но их наличие уже кажется безусловным.

Почему? Я хочу напомнить, с чего мы начали: с утверждения о том, что для всякого А существует $\neg A$, — с утверждения, базирующего на двух основаниях: на том, что всякое определение суть отрицание и что всякое сущее суть определённое. Если эти основания неверны, то на этом сразу можно ставить точку. Но если они корректны, представленное здесь суть прямое из них следствие, и это следствие также необходимо будет принять.

Я не исключаю, что выбранные мною иллюстрации плохо отражают суть отношений противоположностей. Возможно, существует более показательный способ их отражения — и тогда его следует ещё поискать. Но уже в данной иллюстрации взаимозависимости — эти ласточки закономерностей — проглядывают отчётливейшим образом. Для любого из вас не составит труда убедиться, что, с какого бы кортежа мы не начали строить эти фигу-

ры, в какой бы угол изначально мы этот произвольно выбранный кортеж ни поместили, отношения (отрицания, противоположные углы и т.п.) останутся неизменными.

Я сказал, что, пока мы не выясним правила построения кортежей и суть их отношений, польза от всего этого *практически* равна нулю. *Практически* — но не совсем. Практически равна нулю — по сравнению с тем, что в действительности можно будет извлечь из данной системы, если она будет приведена в рабочее состояние. Пожалуйста, например, физики: быть может, удастся разместить сюда гравитацию и антигравитацию как противоположности? Быть может, сюда влезут все 4 взаимодействия? Одно их соотношение уже поможет пролить свет на их природу. Или, быть может, если они не влезут, но если мы будем знать правила, какие именно противоположности сюда попадают, а какие — нет, это также поможет нам кое-что узнать? Биологи: почему бы не попробовать вместить сюда, скажем, живое и неживое? Потребность и удовлетворение? Быть может, это поможет пролить свет на данные понятия? Кто знает? Но для начала нам необходимо знать правила построения и правила выделения противоположностей. Но уже и без них, уже и сейчас мы достигли кое-какого результата: уже теперь становится ясно, что, если верно наше начальное положение о том, что для всякого А существует $\neg A$, то, если мы имеем хотя бы один угол из этого квадрата или куба, должны существовать и все остальные. И теперь уже очевидно, что в отсутствие рассмотрения иных «углов» данный «угол» останется не определённым. Таким образом, данные построения уже сейчас помогают нам очертить исследуемый горизонт, имея на руках лишь одну его частичку.

Отыскание выявляемых здесь взаимозависимостей противоположностей я назвал бы сейчас главными задачами диалектики. Я убеждён, что задача эта, несмотря на все свои трудности, принципиально решается. Что, грамотно формализовав язык, чётко определив отношения и правила построения «кортежей»; задав области значений и области определений данных формальных схем; возможно, добавив аксиоматики — словом, построив корректное исчисление, можно создать *диалектическую логику*, которая будет способна стать одним из мощнейших теоретических инструментов, когда-либо имевшихся на руках у человечества.

Женя Хо: «Во всякой науке ровно столько науки, сколько в ней логики».

Это положение кажется мне столь же истинным, сколь и буржуазным. Аналогичным образом можно сказать и о постулировании всякого бытия как определённости. Полицейский поиск точной характеристики с одной стороны, метафизическое рассмотрение чего-то как самодовлеюще существующего в другой (будь то общество, природа или человек), а также исключение из горизонта рассмотрения всего, что плохо формализуется — есть характерные черты науки, несущей в себе проекцию капиталистического способа производства (время наиболее полного расцвета) и идею эквивалентного обмена (закон тождества). Поэтому я полностью согласен с тем, что говорит Андрей, — но до тех пор, пока мы ограничены рамками нашего времени. Скажем, строгое мышление предшествующих эпох (например, Николай Кузанский) знало методы работы с неопределённым. Вот вопрос, который всегда следует ставить: как сильно зависит та или иная истина от духа времени? будет ли истина тождественности и непротиворечивости также могущественна с крахом рынка?

Диалектика просвещения сегодня

Действующий Бог

О (пан)теизме Б. Спинозы и Д. Толанда

Прежде, чем обратиться к своему предмету, скажу пару слов — в дань новоевропейской моде¹ — о методе. Оказываясь перед двумя текстами, принуждёнными к параллельности, мы также оказываемся обладателями чудовищно разнообразного количества способов читать, понимать и сравнивать². Между двумя бесконечностями — граней текста и механизмов их уразумения — постигается в тотальности весь ужас, слабость и никчёмность мышления. Не метафизический, не высший ужас, — но самый тривиальный, банальный, обыденный: ужас школьника перед огромным уравнением, которое нужно решить за десять минут, отведённых на контрольную работу³. Нужно найти ответ, полагаясь на естественный свет разума, успев порисовать на полях, свериться с соседом и поглазеть в окно. Поэтому мы расположим тексты Д. Толанда («Христианство без тайн», «Письма к Сирене», «Пантеистикон») напротив других⁴, чтобы те, часто убранные в сноски, отразили наш предмет, показывая его со всех сторон.

Но для начала: нужен тезис. Какая-то первая интуиция⁵, идея, от которой мы могли бы оттолкнуться. Наблюдая за интеллектуальным дрейфом нашего автора, сравнивая его и анализируя, в какой-то момент мы — наш нюх историка — нашли дрожащий нерв, ценность и важность которого для нас превышает всю народно-хозяйственную значимость мыслей Толанда о мозге как машине мысли⁶ или о разлагающемся и вредоносном духовенстве⁷: *развитие теологической позиции Толанда повторяет в миниатюре историческое развитие этой позиции во всей классической философии*^{8,9}. Чтобы понять это, нам придётся отвлечься от конкретных содержаний философий и обратить своё внимание на структуру мысли.

Драматизм европейской мысли разворачивается между категориями тождественного и иного, — дуальными оппозициями, к ним сводящимися¹⁰. Если не так, то так, а есть так, то нет так. Всё, что может быть помысленно строго, существует в пределах между законом тождества и законом исключённого третьего. Одно не может мыслиться без друго-

¹ А интеллектуальная мода именно этого периода нами сейчас изучается. Видимо, историю философию вообще перспективно изучать как историю моды. См. Ларс Свендесен «Философия моды».

² См. хотя бы Поля де Мана «Слепота и прозрение», К. О. Апеля «Трансформация философии».

³ Или, точнее, ужас студента-философа перед кипой книг, каждую из которых можно изучать всю жизнь, а нужно — за две ночи: экзамен.

⁴ «Тексты читаются только текстами». М.К. Мамардашвили «Феноменология как необходимый элемент всякой философии».

⁵ «Не думай, смотри», Л. Витгенштейн «Философские исследования».

⁶ В конце концов, это отмечал его Гален.

⁷ Словно и не было св. Бернара и клюнийского движения, словно не знала Европа 95 тезисов.

⁸ Считаю пределом оной линию Фуко: «Ницше, Фрейд, Маркс».

⁹ Онтогенез повторяет филогенез.

¹⁰ «Если бы пришлось давать определение трагического искусства в одной фразе, то можно было бы назвать всего одну черту: оппозиция симметрических элементов». Рене Жижар «Насилие и Священное».

го, — это тот фундамент философии, который был заложен ещё близнецами¹ Парменидом и Гераклитом: бытие-небытие. Так, частным случаем этой идеи является оппозиция человек-Б-г. Но²: человек, смотрит вне себя, — и видит разные предметы, которые то собираются в мир³, то обращаются в мыр⁴.

Тут делается уместным мышление внешнего как иного, а Иное — это либо проклятое (например, гонение инакомыслящих, инакочувствующих, инаковыглядающих), либо священное (Р.Отто). И беспорядочные предметы вокруг оживают — рождается первобытный магизм и анимизм⁵. Его социальной основой становится маг, а существование толкуется эмпирически — есть то, что я вижу. Но это «вижу» тут (стоит отметить) — совсем не «вижу» эмпиризма Нового Времени. Это «вижу» очарованного мира.

Этот эмпиризм оказывается несовместимым с тотальной священностью/проклятостью, — не всегда и не всюду работают мои заклинания. Где-то, значит, есть особые области, иные в ином, — и картина усложняется: тождественное (Я)⁶, иное и иное в ином. Ситуация переворачивается, чтобы не создавать усложнение: тождественное, обычное и иное. Возникает класс удерживающих иное — жрецы. Существование начинает мыслиться как всё, о чём можно слышать: от тех же жрецов. Т.е. есть то, что мне сказали, что есть: сам я Б-гов не вижу. Рудиментом⁷ тут остаётся всё тот же магизм, но уже лишённый своей тотальности.

Рационализация мистического опыта жрецами⁸ вступает с конфликтом с множественностью: если Б-гов много, то что делает их Б-гами? И тут — как кстати — явилось Откровение. И это пустое место, сверху Б-гов, занял Единый. И опять — знакомая нам инверсия: Б-ги становятся демонами/ангелами как раз в силу своей неполной причастности к Единому. И — это будет очень важно для Толанда, с этого он начнёт своё мышление⁹, — политеизм дарует своему противнику касту жрецов, тех, кто поддерживают Иное, которое уже само по себе не нуждается в каком-либо удержании¹⁰.

Что нового привносит теизм в европейскую жизнь? Он открывает миру абсурд. До этого — никто и не знал, что Небытие, максимально очищенное Небытие¹¹, о котором нельзя говорить, — оно может случиться как бытие, как То, что обладает Таковостью, — и

¹ Бибихин «Чтение философии».

² «Человек не может мыслиться без Б-га». Ф.И. Гиренок, устная беседа.

³ Бибихин «Мир».

⁴ Д. Хармс «Мыр».

⁵ Тонкости различия одного от второго, а их от зоолатрии и тотемизма, не составляют сейчас нашего интереса.

⁶ Тут нас могут упрекнуть в модернизации первобытных представлений, — но мне кажется, что какое-то самосознание, пусть не превращённое в субъект, существовало на протяжении всего времени существования человечества: к этому зывают сами структуры языка.

⁷ Стоит, мне кажется, говорить не о смене форм Б-го-человеческих отношений как о смене одежды, а лишь о частичной замене одних элементов другими.

⁸ «...назначение которых не просвещать остальных людей, а удерживать их в заблуждении». Д. Толанд.

⁹ Известно, что Толанд был воспитан как католик, но в 16 лет перешёл в протестантизм.

¹⁰ Критика священства — нормальное явление для теистического сознания, ощущающего его как рудимент. Своего апогея она достигает в исламе и беспоповцах.

¹¹ Мне кажется, можно говорить, что различие между теизмом и атеизмом идёт через личную способность чувствовать Другого как Такого же. Поэтому совсем неудивительна концепция философского зомби у атеиста Д. Деннета.

это не несмыслящей толпы о двух головах мнение¹, — это абсурд, абсурд есть то, что добавляет христианство к Пармениду. За счёт этого расширяется трактовка существования, включая в себя — со всеми оговорками и во всех кавычках — небытие. Этим включением христианство радикально расколдовывает мир, снимая с него всё волшебное: разве могут при свете Б-га-Солнца оставаться тени?

Сложно уживался расколдованный разум античных жрецов с абсурдом. Искали способ его рационализировать. Но как можно — разум и абсурд соединить? Можно либо разум закрыть, уменьшить, чтобы он абсурд принял, либо абсурд Божественного существования сгладить, сделать ставку на естественный свет разума. Деизм выбирает второе: «всё противоречащее разуму не может быть чудом, ибо противоречие есть лишь другое слово для обозначения невозможного или ничего», заявляет Толанд в «Христианстве без тайн». Такая трактовка существования позволяет кастрировать абсурд, свести Б-га до первотолчка. Ещё Лейбниц, возражая на 13 параграф декартовых начал пишет, что автор упоминает Б-га «как бы для некоторой пышности и *ex machina*»².

Трактовка существования как непротиворечивого для разума факта приводит Толанда к критике чудес и самого факта Откровения. В первом с ним солидарен и Спиноза, в Б-гословско-политическом трактате обронивший: «далеко не верно, что чудеса, поскольку под этим разумеется нечто, противоречащее порядку природы, показывают нам существование Б-га, так как, наоборот, они заставляют нас сомневаться в нём, между тем как без них мы абсолютно могли бы быть уверены в нём». Сам факт чуда свидетельствовал бы об ущербности законов Б-га, — что является самопротиворечивым. Однако у Спинозы нет такого отвращения к священству (возможно, просто из осторожности), да и сам факт Откровения Б-га человеку он прямо не отрицает, но толкует его как этический и государственный. Кроме того, историческому христианству, испорченному жрецами («церковники поставили христианство в один ряд с мистериями Цереры и оргиями Вакха», «нет ничего более противоположного по духу, чем обряд и христианство»), Толанд противопоставляет истинную веру первых веков. Такая идеализация раннего христианства была бы, как мне кажется, странной для Спинозы, проповедовавшего веротерпимость и равенство всех религий.

Деизм³ имеет две проблемы:

- 1) Если Б-г трансцендентен миру и является лишь для запуска мирового часового механизма, то как быть с моей личной нравственностью и личной связи с Ним?⁴
- 2) Как объединить механицизм с Б-гом, когда первый всё больше объясняет (особенно если принять, как Толанд, активность материи) и второму всё меньше остаётся места?

В попытке ответить на первый вопрос рождается пантеизм Спинозы, который, с одной стороны, заявляет в «Этике», что разум Б-га и человека соотносятся как пёс и созвез-

¹ Парменид.

² Цит. по: Н.Н. Сретенский «Лейбниц и Декарт».

³ Деизм начинается там, где можно услышать: в вере есть что-то важное и что-то не важное. Поэтому можно говорить о деизме св. Фомы, но нельзя — о деизме св. Бернарда.

⁴ Эту шизофреническую двойственность европейского теизма хорошо почувствовал Паскаль, выражая его в доктрине различия личного Б-га и Б-га учёных. И именно этого второго, «технического», Б-га похоронил Ницше.

дие Пса, а с другой — открывая нам, жалким модусам, путь к бессмертию через интеллектуальную любовь к Нему, имманентному миру. Второй вопрос заставляет Толанда перейти на позиции пантеизма в «Пантеистиконе» от деизма «Писем». Он и сам чувствует эту проблему: «Вы говорите, что раз допущена активность материи, то, по-видимому, исчезает необходимость в верховном разуме».

Пантеизм представляет собой ощущение пустоты трансцендентальной инаковости. Фактически, это возвращение анимизма на новом уровне. Таковость пустоты проявляется в теизме и деизме через действие. Это достигает своего апогея в пантеизме: действую — значит, существую¹. Чтобы утвердиться, пантеизму нужно уничтожить всё, что поддерживается теизмом — факт Откровения и касту жрецов заменить на касту учёных. Нужна новая религия, религия разума. Поэтому Марсель Геру² определяет спинозизм как «мистику без тайн» — очевидна переключка с толондовским трудом.

Изменяя свою позицию (от первых «Писем» к 4-ому и 5-ому и «Пантеистикону»), Толанд встречается со Спинозой. Он становится гилозоистом («В недрах земли нет ничего неорганического») и, собственно, пантеистом³ («Частями мира является всё то, что в нём заключено и объемлется чувствующей природой, обладающей совершенным разумом. Эту живую силу они считают душой мира, умом и совершенной мудростью, которую называют так же Б-гом»). Однако со Спинозой у них имеются явные расхождения.

У Толанда религия имеет институциональные формы (сократическое сообщество), а у Спинозы — нет. Толанд требует религии учёных, простой, ясной, без тайн. Спиноза такой религии не требует. Для Толанда это борьба за кресло местоблюстителя Б-га: священник или философ. Эта борьба и показывает переходный характер его позиции: пантеист Спиноза, уже утвердивший за собой право говорить от имени вечности, борется не со священством вообще, а (разве что) с конкретными людьми от религии, например, с Маймонидом.

Спиноза получает поощрение ирландского философа за то, что он уничтожил внешнего Б-га, но Толанд указывает, что, если не признать движение атрибутом субстанции («материя по необходимости столь же активна, сколько и протяжённа»), Спиноза не сможет построить физику. Тут автор «Писем» спорит и с платоником Кэнвордом, уподобившим материю грубой глыбе, и с Ньютоном, чьи идеи абсолютного пространства и абсолютного времени он критиковал, и с Локком («материя не обладает способностью произвести в себе движение»). Это делает его систему Спинозы «в целом неверной».

Конечно, Толанд попадает в большую точку спинозизма: вопрос Чирнгауса. Используя теорему 16 первой части, мы должны уметь априори из протяжения вывести все законы физики, — но как это сделать? Не обсуждая этот вопрос подробно, отметим, что, по Спинозе, движения является бесконечным модусом атрибута протяжения, что никак не помогает ему при решении проблемы Чирнгауса. При этом ясно, почему движение не может

¹ Хэрод Хэллет, статья в сборнике «Спиноза и современность».

² К слову сказать, не могу согласиться с Геру, что Спиноза исходит из абсолютной понятности мира, как и Декарт. Уменьшая важность Б-га, деизм оставляет за собой свет разума, и, следовательно, мир сразу начинает зачаровываться непонятными разуму местами. Пантеизм, приравнивая природу, субстанцию и Б-га, обрекает исследователя на изучение принципиально непознаваемого объекта. Так, Николай Кузанский пишет, что познавать непознаваемое нужно с его непознаваемостью, а Спиноза, отмечая бесконечность атрибутов субстанции, указывает, что мы можем знать только два.

³ Симптоматично, что он автор этого термина.

быть атрибутом: «Следует заметить, что под атрибутом я разумею всё то, что мыслится через себя и в себе и понятие чего, таким образом, не заключает в себе понятия о чём-либо другом. Так, например, протяжение мыслится через себя и в себе. Иначе обстоит дело с движением; ибо движение мыслится в другом, и понятие движения заключает в себе протяжение» (Б. Спиноза, письмо Генриху Ольденбургу Рейнсбург, сентябрь 1661 г.). Функция это модуса — различать тела («Тела различаются между собой по своему движению»). От себя могу добавить, что, если Толанду был так важен именно атрибутивный характер движения, — стоило бы обратить внимание на атрибут мышления, ведь, с одной стороны, ещё Вергилию было ясно, что «мысль есть движение бытия», а с другой, по Спинозе, события мышления сразу отражаются в протяжении: ведь это одно и то же.

Вводя атрибут движения, Толанд показывает, что движение создаёт всё из себя, как человеческий язык создаётся из алфавита. Несмотря на это, мир ирландца остаётся так же неисторичен, как и мир Спинозы, — ведь сумма движений всего равна самой себе, всегда одна и та же, и в целом мир не изменяется.

Ещё одно различие такого же характера можно указать, обратившись к проблеме *mind-body*. Если, для Толанда, «мы мыслим при помощи мозга, и только его одного» и «как язык есть орган вкуса, так мозг — орган мышления», а само «мышление есть особенное движение мозга, специального органа это способности; вернее сказать, оно — некая часть мозга, переходящая в спинной мозг и нервы с их разветвлениями», а механика мышления объясняется эфиром, то для Спинозы, как уже было сказано, решение состоит в атрибутивном дуализме: т.е. сам вопрос даже не может быть поставлен, ведь тело и душа, протяжение и мышление, это буквально одно и то же.

Всего пару слов нужно ещё сказать о пантеизме и атеизме. Кто только не сравнивал спинозизм и марксизм: Луппол, Майданский, Ильенков, Альтюссер, Плеханов, Энгельс, Деборин. Действительно, атеизм представляет собой радикализированный пантеизм, полностью заколдованный и неэтичный: Маркс как бородатый Спиноза, а марксизм — это спинозизм без морали. Применительно к Толанду, вектор к атеизму, присущий пантеистам, показывает себя в различении эзотерической и экзотерической философии, призванной скрывать истинную религию от толпы. Советские учёные, например, В.Н. Кузнецов, видели в этом страх просветителя-атеиста перед христианским обществом.

Наше рассмотрение позволит нам скорректировать изначальный тезис: развитие/переход Толанда от деизма к пантеизму и его тенденция к атеизму характерны для того времени.

Дмитрий Давыдов: Это очень даже не смешно — попахивает Радикальным Субъектом и очень интересными выводами о прошлом тов. Дугина. Всё ты правильно подметил — христианство оно такое — оно рациональное очень — вообще всё. Просто есть какие-то направления неортодоксальные, которые делают всё с точностью до наоборот, а Тертуллиан — это признанный апологет ранней Церкви, ортодоксальная ветвь (вполне) — и несмотря на то, что он предлагал «верую, ибо абсурдно», он всё же воевал не с иными религиями, а со знанием, гнозисом... Короче без опоры на текст я навряд ли сейчас что-то

скажу весомое. Это вообще отдельный разговор, можно как-нибудь встретиться, побеседовать.

Женя Хо: Дугин?..

Александр Басов: Толкового сказать не могу, очень неуловим кажешься, расплывчат. За чередой литературных аллюзий, будто Фуко, прячешься, а я не в теме этих аллюзий, не мой материал, не владею толком... заценить могу только плавность течения и какую-то определённую — ощущаемую, но мне недоступную (а тебе?). Кольнуло про христианство, Господа и чудеса. Отчего не позволяет??? Позиция-то ясна, но не отчётлива, хотя это, конечно, не основная интрига, и всё же колет. Ну и про мистика я не в теме, о ком речь? Итог: художественность, литературность размыла мысль и поглотила её.

Женя Хо: Позицию понял, лучше бы обсудить лично. Господь не позволяет твориться чуду — это прерогатива дьявола. Это можно показать по текстам, ну и просто логично, как подметил Спиноза: либо Бог дурак, который не может придумать нормальных законов, либо чудес не бывает. Но это тонкий вопрос, я не до конца в нём уверен. А по правде совсем таки и не уверен. Мистик — это, например, швабские еретики, Дионисий, Иоанн Скотт, Дамаский, например. Тут, мне кажется, я как раз хватаю кота за яйца, и тут, мне кажется, я довольно чётко выражаю то, о чём думаю: нет какого различия между теизмом и атеизмом в перспективе божественного бытия, однако теизм умеет оперировать несуществующим, а атеизм — нет. То есть разница между ними — как между способным и неспособным братьями-близнецами.

Александр Басов: Тезисно:

— Спиноза был бы прав, если бы не грехопадение.

— «Бог есть ничто» не равно «Бога нет».

Т.е. Надо просто разобраться — о чём речь, или, точнее — текст увидеть. Я об этом спрашивал...

Просвещение у М. Фуко и И. Канта

Просвещение навеки изменило мир. Поэтому нам, наследникам этого времени, стоит внимательно разобраться в его природе. Этому вопросу посвящены эссе И. Канта и М. Фуко. Остановимся на основных их идеях.

Кант определяет Просвещение как взросление: выход из состояния своего несовершеннолетия, ситуации неспособности пользоваться своим рассудком. Девиз просвещения — мужайся и думай своим умом. Враги наши в этом предприятии есть нелепость и трусость¹. Удобно иметь шаблоны и формулы, удобно иметь кого-то, кто мыслит за тебя: книгу, пастыря, врача и т.д. Кант отмечает порок такого состояния: «мне нет необходимости мыслить, если я в состоянии платить» тому, кто мыслит. Исторически Просвещение соотносится им с эпохой абсолютистского правления Фридриха Великого, чья максима выражается как: думай, что хочешь, только повинуйся. Фуко трактует это так: частный разум должен быть скован, публичный разум — свободен. Мне кажется, тут есть некоторые параллели с фукианской же теорией микрофашизма. Умение жить в таких условиях вместе с умением отличать то, что должно быть в послушании, от того, что не должно, и составляют основные свойства взрослого состояния.

Следует заметить, что тут Кант несколько, как мне кажется, тривиализирует традиционное общество и общество премодерна. Следовать за учителем, следовать за наставниками, чьи слова часто с топологической выразительностью выражены в медицинских образах, познавать себя на его пути, — это вовсе не значит идти за ним, держась за край одежды. Нет, это значит пройти самому по его пути, значит самому выбрать именно его среди всех прочих, отказаться от других, отказаться от себя, — только тогда можно встать на ноги и идти самому, идя следом: эту диалектику своего и чужого, как мне кажется, Кант упустил вследствие буржуазной ангажированности его мышления. Впрочем, давно известно, что от своих предшественников Новое время отличается в том числе и невниманием к своим корням — чего стоит миф о сотворение Картезия *ex nihilo*.

Анализируя Канта, Фуко фиксирует, что это первый текст в европейской философской традиции, когда философская мысль обращается к своему собственному настоящему. Настоящее и только настоящее, чистая актуальность интересует его. Это эссе есть рефлексия Канта о смысле собственной работы. Это относится французским историком к важной характеристике модерна: современность мыслится как разрыв с прошлым при условии иронической героизации настоящего. Моменты истории уже не составляют нарратива, но мыслятся как лоскутный ковёр впечатлений.

¹ И лень.

Фуко обращает наше внимание на то, что вопрос о сущности Просвещения является философским вопросом, вопросом о самоопределении и рефлексией над настоящим. Думаю, что это очень важное замечание. Его бы — т.е. тот неожиданный демарш, что вопрос философа может быть философским — перенести на массив рефлексии о судьбе России в творчестве Бердяева и прочих, и осознать, наконец, его нулевую политологическую ценность перед серьёзными проблемами места, присутствия и генезиса, осуществить, наконец, перевод с архаичного славянофильского языка на феноменологический или язык археологии знания, который, по мысли Фуко, может избавить нас от ценностных оценок и указать путь к настоящему знанию.

Просвещение:

Путь джедая, или Как становятся ситхами

Считайте, что это не-коан.

1596

Джедай — это фигура позднего Просвещения. Его жизнью руководят два принципа: самоконтроль и открытость Силе. Всегда и всюду. Первый раскрывается как покой, гармония, равновесие, середина, умеренность. Второй — как отсутствие страха смерти, готовность к помощи, любовь к знанию.

Но вот ты решил исповедовать этот Путь. Решил, что теперь будешь служить Общему делу, медитировать и заниматься фехтованием. Тебе не нравишься прежний ты — книжный, малообщительный, забытый. Умный, но за свой ум мало ценимый. Теперь всё будет иначе. Тебя ждёт Сила, личная Сила. Причём для того, чтобы покорять других, — чтобы покорять себя, свою Тьму, лень, зависть, агрессию, неуспешность.

И вот ты проявляешь волю, закрывает глаза и начинаешь одну за одной выкидывать мысли. Остаётся только одна мысль — ею ты и пользовался как метлой. Декарт не смог устранить себя и сомнение, — этого не можешь и ты: устранить себя и желание ни о чём не думать. Это самая большая тайна Ордена: как перестать думать о белых обезьянах? как перестать думать о себе, недумаящем о белой обезьяне?

Это самая первая, самая простая задача для первого этапа обучения восточной медитации. Все знают, как она решается: мы просто забываем о проблеме, вводя сознание в транс через какие-то манипуляции с телом. Особое дыхание, сосредоточение на пульсе, мантры, вещества. Мало думали над этой проблемой, мало делали её предметом мышления. Ещё бы. Думать вообще свойственно духу Просвещения: неважно, явленному через Одиссея, Декарта или Гаутаму.

Дальше — ты выходишь на улицу и честно стараешься быть хорошим. Ты делаешь всё то, что делают хорошие люди. И внимательно *следишь* за тем, делаешь ли ты хорошее или не очень. Хорошо ли *следишь*? И это джедаи тоже мало делали предметом своей мысли: насколько проще с головой уйти в сладкое лоно Силы?

Чтобы контролировать что-то, нужно быть от этого чего-то отчуждённым. Научное познание и полицейский контроль возможны только при разрыве наблюдателя и объекта наблюдения. Отрицая свои мысли — ты сохраняешь их в отрицании, в той мысли, которая отваживается репрессировать все прочие. Желая быть добродетельным, ты теряешь добродетельность непринуждения по отношению к самому себе. Желая избавиться от власти, ты проявляешь власть над самим собой.

Это порочный круг. Только ослабь хватку, — и ты уже не джедай, так как нет самоконтроля. Только начни себя контролировать, — и ты не узнаешь Силу во всей её ленивой открытости для детей, пьяных, счастливых.

Тут становятся ситхами. 1933.

Используемая литература

- Адорно Т., Хоркхаймер М. «Диалектика просвещения».

Андрей Поваров

Притча

Весна. Только прошёл дождь. Природа благоухает, прекрасное время выйти на улицу.

И вот, на пересечении, в парке случайно встречаются Гегель и Бэкон. Как уважаемые джентльмены, по всем канонам, они здороваются, узнают друг у друга о здоровье домашних и обоюдно желают им и далее здравствовать.

Тут один из них замечает червяка, который ползёт, как ему и приписано.

— Смотрите, уважаемый друг, какой отменный экземпляр! — восклицает Бэкон. — Наверное, все два дюйма!

— Позвольте, Френсис, но мне кажется, что он не меньше пяти сантиметров.

— Отнюдь, два дюйма — и точка!

— Смею не согласиться. Конечно, я могу быть неточен, но погрешность совершенно незначительная — он близок к пяти.

Господа продолжали свой спор, когда мимо них лёгкой походкой проплыла дочь Фрейда. Услышав разговор двух мужчин, девушка смущённо захихикала и продолжила своё движение.

О проватологии

Паша курил в окно и крутил в руках пустую пластиковую бутылку. Андрей смотрел на полуголый гобан на не первой свежести полу комнаты.

Та была маленькая, с книгами и доской-колотушкой «Брио». Я лежал на кровати, остальные — где-то на верхней полке:

— Марксиэнгельс был младогегельянцем. Спал себе в гробу и в ус не дул. Но однажды пришёл Деннет и открыл ему глаза на жизнь: религия и идеализм описывает мир неправильно. И задумался Марксиэнгельс: что же будет описывать его правильно? И, так как он был зомби, породил он материалистическое понимание истории. С тех пор многое изменилось, и, хотя ещё есть верные подданные бородатого короля зомби, мир стоит на пороге нового «-изма».

— А что изменилось? — у Паши в углу было холодно и грязно, хотелось ясности.

— Раньше философия была наукой о самых общих законах развития природы, общества и человека. А теперь это дырка, вокруг которой вращается лось.

После этого вердикта все как-то сгнили и приняли из пашиных рук чашки с кофе.

— Откуда у тебя комната? — спросил Андрей, дав сигарету.

— Нашлась. Мне, — говорю, — сегодня снились овцы. А вместо ног у них — лезвия.

— С рукоятями?

— Нет, без. Они ходят — и кровь льётся каждый раз.

— Здорово. Кажется, если взять n детей до 5 лет и всем показать такую овцу — хоть на картинке, — сможем зафиксировать непроизвольное калоизвержение в ста процентах случаев, — сказал Паша, ставя камень и завершая фусэки.

— Тогда, видимо, это какой-то всем присущий комплекс.

— Комплекс чего?

— Комплекс овцы.

— Тогда ясно, — поднялся и сел на подушку, — почему в «Маленьком принце» баран в коробке. Чтобы не выпустить. Ящик Пандоры же. И замысел Мураками теперь мне ясен. Это же ИО.

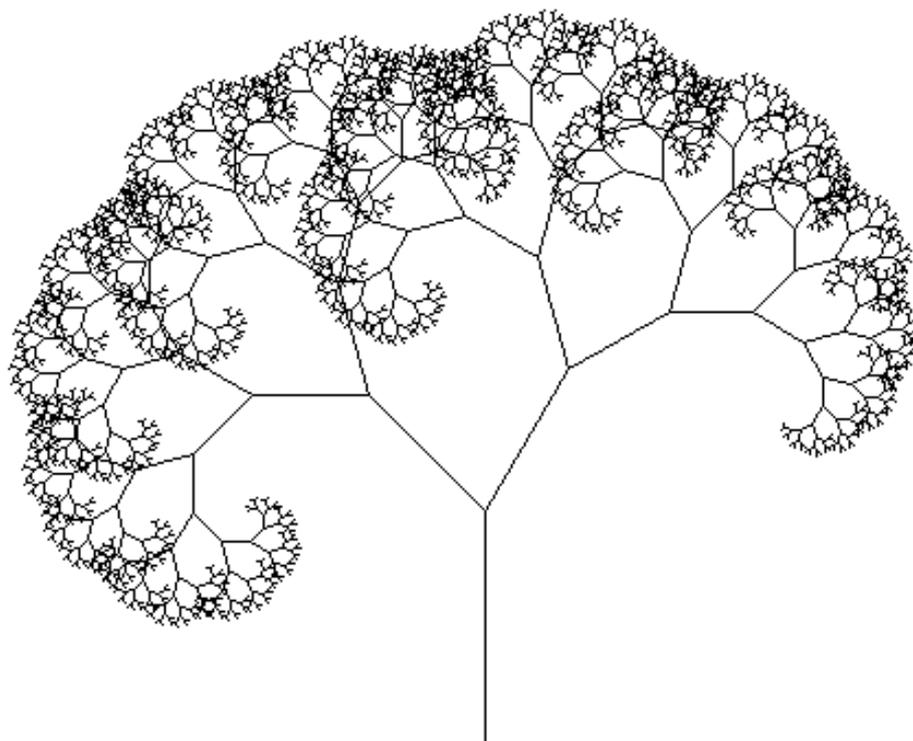
— Что?

— Избегание овцы. Если все боятся овец на лезвиях, то наша культура, наше искусство, наша наука и философия — всё это способы подавления страха перед овцой. И капитализм, восходящий на шерсти, потому только стал столь успешен в репрессии человека, что овечью природу имеет, их кровью вскормлен.

— Проватология.

Паша разлил по чашкам новую порцию кофе.

Со-бытие

О ложках и событии

В кафе только и пить, что снег, растаявший в пластиковом стаканчике. Подают ли ещё где такое? Помню, учили не есть мелкие кристаллики льда: в позитивистском духе учили. Набрали кофейную банку, поставили под батарею: и на тебе, сынуля, грязная вода. Эффектно.

Есть я его не перестал, правда.

Остальные пьют кофе, которое я варю без остановки: только успеваю менять воду и кофе в турке. Кофе хороший — ценители, говорят:

— ...а фильмы с Сашей Грей — это искусство?

— Конечно. Всё, что ты делаешь в чёрном джемпере с высоким горлом — искусство.

Давайте к делу, что ли: разливаю кофе по чашкам. Чашки не кофейные, а вообще не пойми какие: человеческое, природное, идеальное. И принципом нам — со-бытие нас с кофе. Химическая свадьба. Невеликое наше делание.

Со-бытие — это первая фундаментальная потребность, даже жить не надо, нужно событийствовать. Это вам не метод, это другое. Событийствовать нужно. А у нас —

— Кризис у нас, — будем решать.

— Какой кризис?

— Да много какой. Экологический, например.

— Мы экологию сдаём? Или экологам работать негде?

— Да хадить не надо, вот и весь кризис.

Думаю о природе. За спиной грохочет трамвай номер 0.

— А как решать?

— А разве есть кризис?

— Учёные говорят.

— Какие?

Со-бытие — это не анархо-примитивизм. Нет в со-бытии любви. Илюша вон бил себя рукой по голове от огорчения — и часы сломал: какая уж тут любовь.

Можно выделить человека из природы. Нужно как-то выйти за пределы.

— Да куда нам, вон, вишь, что с ложкой.

И правда, — пластиковая ложка вместе с кофе сварилась.

— Доверия нет. Или есть. А какая анархия с доверием.

— Анархия — это договоры между бомжами и со старыми кошатницами. Есть анархия. Остальное — к чёрту.

— Государство есть? Эт тебе Платон сказал? После краха больших нарративов при анализе нужен эмпиризм историка. А где в истории — государства?

В конце концов, лысый очкарик считает так же, как и хвостатый.

Проявление принципа со-бытия в различных формах человеческого бытия и его роль в процессе социальной модернизации

Не секрет, что начало двадцать первого века ознаменовано кризисными обострениями во многих сферах общественной жизни. Это обострение с каждым годом принимает всё более острый и более глобальный характер. В ближайшей перспективе оно может достичь своего апогея, с вытекающим отсюда вопросом о возможности существования человечества на Земле вообще. В состоянии ли человечество преодолеть эти кризисы? И если да, то что может явиться основой, платформой, базисом для их преодоления? Не претендуя на исчерпывающий и всесторонний анализ всех этих платформ, базисов, на основе которых может быть найден выход из современных кризисов, сосредоточим своё внимание на философском принципе со-бытия, который выступает, на наш взгляд, методологическим фундаментом модернизации всех сфер человеческой жизни, как в масштабах индивида, отдельного (конкретного) общества, так и человечества в целом. Непременно следует отметить, что сам принцип со-бытия, а также и философская категория со-бытия осмыслены недостаточно, и пока рефлексия данных понятий делает только свои первые шаги. Исходя из всего вышесказанного, в данном материале мы поставили перед собой две цели: во-первых, показать специфические проявления со-бытия в различных формах бытия; во-вторых, отрефлексировать со-бытие как методологический принцип модернизации всех сфер человеческой жизни.

Для достижения поставленных целей нами были выдвинуты следующие задачи:

- 1) Соотнести понятия бытия и со-бытия.
- 2) Выделить и осмыслить различные формы бытия.
- 3) Обозначить проявления со-бытия в различных формах бытия: в бытии процессов, вещей и состояний природы; в специфически человеческом бытии; в бытии духовного (идеального); в социальном бытии.
- 4) Обосновать принцип со-бытия как необходимый и перспективный принцип модернизации социального бытия (на примере политической социализации).

Итак, перейдём непосредственно к раскрытию содержания понятия со-бытия. Очевидно, что это нечто связанное с бытием. Но каков характер этой связи: является ли со-бытие внутренней частью, одним из «органов» бытия, причём есть ли оно нечто неотторжимое от бытия, без чего бытие перестаёт существовать, или оно является «свободным элементом» структуры бытия и может входить и выходить из его состава по мере необходимости (причём тогда встаёт вопрос о причинах этого входа и выхода); или же со-бытие является самостоятельным объектом, лишь сопровождающим, сопутствующим бытию, а также взаимодействующим с ним, но никак не входящим во внутреннее содержание понятия бытия? Именно ответы на данные вопросы высвечивают место и роль со-бытия как принципа, на базе которого возможна модернизация человеческой жизни, обеспечивающая будущее человеческому существованию.

Чтобы предложить какой-то вариант решения вопроса о сосуществования бытия и со-бытия, стоит, прежде всего, определить содержание понятия бытия. В довольно узком смысле, бытие можно обозначить как центральную философскую категорию, фиксирующую всеобщность существования реальности в единстве и многообразии, конечности и бесконечности, вечности и временности. Стоит подчеркнуть, что на самом деле однозначного определения этого понятия на данный момент не существует, вследствие широчайшего охвата исследуемого феномена.

Что касается того, что понимать под со-бытием, то здесь ситуация видится ещё более размытой и неопределённой. Т.к. если понимать бытие как определённую функцию, зависящую и связанную с трактовкой таких понятий как человек, сознание, творчество (и многих других философских понятий), то со-бытие, в данном контексте, следует рассматривать как функцию от функции, что значительно расширяет многовариантность интерпретации понятия со-бытия. Не возникает сомнения, что категория со-бытия возникает гораздо позже, чем категория бытия, причём именно философская категория бытия выступает основой для формирования со-бытия. На наш взгляд, возникновение категории со-бытия, а отсюда и рефлексия принципа со-бытия, начали оформляться, во-первых, вследствие дифференциации различных форм бытия, а во-вторых, в связи с осмыслением места, роли и степени активности человеческого Разума и созидательной деятельности. Знакомство с имеющимися немногочисленными точками зрения по данному вопросу позволяет нам представить бытие в следующих основных формах:

- Во-первых, бытие процессов, вещей и состояний природы, причём описанная форма должна быть подразделена на две подформы: бытие «первой природы» (естественно-природное бытие), которая существовала до человека, и бытие «второй (вторичной) природы», сотворённой человеком, то есть искусственной среды.

- Во-вторых, специфически человеческое бытие, которое, в свою очередь, целесообразно подразделить на бытие человека в мире вещей и бытие человеческое в человеке (антропологическое бытие). Имманентное свойство, присущее именно человеческому бытию, характеризуется триадой, гласящей, что человек есть био-, социо-, культурное существо. Взятые в единстве эти три составляющих являются исходными характеристиками человеческого бытия.

- В-третьих, это бытие духовного (идеального), которое подразделяется на индивидуальное духовное и надиндивидуальное (объективированное) духовное. Видом индивидуального духовного бытия является, неоспоримо, личностное сознание. Что касается объективированного духовного бытия, то его специфика характеризуется тем, что различные нормы, идеалы, идеи могут быть сохранены и переданы в пространстве и времени.

- Наконец, в-четвёртых, необходимо включить в данную систему форм бытия — бытие социальное, которое также можно подразделить на бытие отдельного индивида и бытие общества в целом.

На наш взгляд, именно осмысление места и роли человеческого сознания и человеческой деятельностной активности во всех этих формах бытия инициировало оформление принципа со-бытия. В самом общем виде, со-бытие можно определить как совместное существование человеческого разума со всеми формами бытия, при котором формируются такие семантические и смысловые проблемные поля, которые высвечиваются, раскры-

ваются, обнаруживают себя только при совместности их существовании, и вне совместности они не могут быть обнаружены. Таким образом, отвечая на сформулированный выше вопрос о соотношении бытия и со-бытия, мы склонны считать, что со-бытие является системно-интегративным свойством сосуществования объективной реальности и человеческой субъективности, представляющим собою неразрывную совместность, сопричастность их друг с другом. И, возвращаясь к идее о формах бытия, выделяемых в современной философии, есть основания выделить и формы со-бытия. Стоит отметить, что со-бытие в каждой из этих форм приобретает свою специфику. Так, со-бытие в природном бытии проявляет себя как совместное сосуществование бытия вещей и состояний естественной природы и искусственно-созданной человеком среды (техномиром и новыми технологиями), которая является реализацией человеческого сознания, разума — то есть мира человеческой субъективности (идеалов, потребностей, ценностей, воли и т.д.). Именно эта проблема такого соотношения, со-бытия естественной природы и искусственной среды нашла своё воплощение, реализовалась в актуальнейшей экологической ситуации, требующей немедленного разрешения. Таким образом, акцент сместился с проблемы бытия на проблему со-бытия, выразившейся в нарушении равновесия между естественной природой и хищнически-агрессивными деяниями человека, создавшими конфликтную ситуацию.

Со-бытие проявляется и в проблеме взаимодействия биосферы и ноосферы, проблемы, поставленной В.И. Вернадским как единства мыслящей материи, духа, искусственно созданной человеческим разумом среды и естественной природы. Таким образом, учёный, определяя ноосферу как сферу Разума, как духовный пласт, надстраивающийся над биосферой, сводил её к росту и расширению научного знания. А Разум, в свою очередь, имеет важнейшие субстанциальные координаты: Истина, Добро, Красота, Польза. Причём, на наш взгляд, они с необходимостью должны существовать в со-бытии друг с другом. Но Разум, открывший путь в ноосферу научно-техническим развитием, принял в XXI веке в качестве ориентира координату Пользы, доведя её до экономической выгоды, а координаты Добра, Истины и Красоты были оттеснены на задний план и поставлены в зависимость от неё. В результате, нарушая принцип со-бытия, реализуя себя не полно, Разум порождает иллюзию абсолютной независимости ноосферы от биосферы. Иллюзорность такого понимания независимости ноосферы и биосферы как раз и подтверждается экологическим кризисом современной эпохи. Следовательно, сохранение и продолжение жизни человека на Земле с необходимостью требует переосмысления взаимоотношений между искусственно созданной и природной средой и обязательного формирования и выстраивания взаимоотношений между ними на основе совместности, сопричастности — то есть на основе со-бытия. Что же касается формы специфически человеческого бытия, то и здесь сместился акцент с проблем бытия соматики человека, его биофизиологической данности (естественно-природной антологии, заданной генетикой) на проблему специфически ценностного (аксиологического) содержания человеческого в человеке.

И в этой связи проблемы антропологии наполнились новым философским содержанием, где со-бытие характеризуется измерением меры человеческого во всём, во всех формах бытия и становится сущностью собственно человеческого бытия, проявляющегося в саморефлексии, в самосознании и в самотворчестве. Не случайно в наше время ан-

тичный принцип «Человек — мера всех вещей», осмысленный как человекомерность, должен стать главным критерием всех результатов человеческой деятельности и составить суть принципа со-бытия. Что касается проявления принципа со-бытия в духовном бытии, то он проявляет себя в индивидуальном, личностном бытии через систему человеческих ценностей, мотивов, ориентаций и т.д., формирующих смыслы жизни и составляющих основу стратегий жизни. А со-бытие в надындивидуальном духовном (объективированном) бытии выражается в господстве, доминировании социально-значимых определённых идеалов, ценностей, норм, соответствующих вызовам времени. Стоит отметить, что проявление со-бытия в специфически человеческом бытии и духовном бытии нами только лишь обозначено и требуют более глубокого рассмотрения.

Наконец, в социальном бытии со-бытие проявляется, на наш взгляд, прежде всего в степени социализированности индивида, личности и в степени гражданско-политической зрелости общества в целом. Здесь принцип со-бытия обнаруживает себя как принцип сопричастности индивида ко всем социальным, политическим процессам, вне которых он себя не мыслит. В этом смысле принцип со-бытия является выражением заинтересованности в общественных и политических делах, в ориентированности на социально значимые ценности и в деятельностной активности. Проявление принципа со-бытия в политической социализации.

Если политическое бытие трактовать как политическое пространство конкретного общества (политическую сферу жизнедеятельности), то политическое со-бытие можно определить как такое совместное существование индивида и государства (политической власти), при котором бытие политической жизни и её модернизация высвечивается, обнаруживается и реализуется только при их сосуществовании, со-вместности и сопричастности. Таким образом, политическое со-бытие предполагает осознание индивидом невозможности собственного существования вне контекста политической жизни государства. При этом представляется, что без такого осознания невозможна ни политическая социализация индивида, ни политическая модернизация общества.

Если принять, что принцип со-бытия — основа политической социализации, то он реализуется через процессы политической интериоризации и политической экстериоризации. Согласно концепции Ж. Т. Тощенко, под интериоризацией понимается «переход внешних по своей форме процессов во внутренние процессы сознания, при котором они обобщаются, вербализуются и становятся способными к дальнейшему развитию». А это значит, что без осознания индивидом того, что его существование невозможно без осознанной включённости в политическую жизнь, без понимания того, что он — часть политической жизни, без сопричастности, совместности с нею (то есть без со-бытия) — его индивидуальное бытие как единицы сообщества не может осуществляться. Следовательно, политическая социализация индивида без акта со-бытийности протекать не может. А в русле экстериоризации как «объективации внутреннего мира индивида в ходе практической деятельности» принцип со-бытия представляет собой превращение интериоризированных объективных политических ценностей в убеждения, принципы, регулятивы политического поведения индивида. Результатом этого процесса становится такое поведение индивида, например, в государстве, когда он не отчуждает себя от государства, а воспринимает себя как его часть, осознаёт, что «он в государстве, а государство в нём». Таким образом, прин-

цип со-бытия в этом процессе реализует себя как принцип доверия к государству. А это, в свою очередь, обуславливает в политическом поведении и реализацию принципа со-бытия как уважительного отношения к законодательной системе, превращая человека в законопослушного гражданина. Таким образом, без этих двух сторон политической социализации индивида невозможна и политическая модернизация общества. Так понятый принцип со-бытия, с одной стороны, становится критерием гражданской зрелости в политической социализации индивида. С другой стороны, принцип со-бытия в политической деятельности общества и государственной власти в целом характеризуется политической социализацией, реализуемой, по справедливому замечанию Н. В. Андреевской, в системе «комплекса прав и свобод, существенных для определения правового статуса личности».

В этом плане принцип со-бытия политической системы общества, совместный с индивидуальной политической социализацией, который выражается в реальном осуществлении этого комплекса, выступает критерием уровня демократичности и политической развитости общества. Таким образом, принцип со-бытия, реализуемый в политической социализации, является методологической основой и политической модернизации общества.

В заключение, возвращаясь к идее о месте и роли принципа со-бытия в переосмыслении всех форм человеческого бытия, можно сделать вывод, что без включённости принципа со-бытия во внутреннюю мыслительную структуру сознания индивида, без опоры на него социального познания и социальной практики модернизации общества, преследующей сохранение и развитие человечества, невозможно. Практическое значение реализации принципа со-бытия должно быть положено в основу формирования стратегии и тактики, обеспечивающей человечеству дальнейшее существование.

Список использованной литературы

1. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. — М.: Наука, 2007.
2. Ерёменко А.М. Событие бытия, событие сознания, событие текста // Человек. — 1995.
3. Нанси Ж.-Л. О бытии единичном множественном / Ж.-Л. Нанси // Бытие единичное множественное / пер. с фр. В. В. Фурс; под ред. Т. В. Щитцовой. — Минск: Логвинов, 2004.
4. Тощенко Ж.Т. Социология: учебник для студентов вузов. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007.
5. Андреевская Н.В. Проблемы социализации личности. Социальные исследования. — М., 1970.

Женя Хо: Я очень сожалею, что обсуждение твоей работы свелось к кризисам и анализу политического, причём только последний можно было назвать философской практикой. Сейчас я хотел бы повторить свою критику того, что ты начинаешь с негативного: есть в мире плохое, его нужно решать. Это провоцирует фармакологическое понимание со-бытия, то есть применение власти средства к лечению. Мне кажется, что подлинные изменения возможны лишь при хотя бы методологической проблематизации необходимости всякой власти. Поэтому я бы внёс позитивный базис во введение этой категории: не за волосы-из-болота, а ещё одна ступень к Небу.

Анализ повседневности

Who watches the watchers?

Комиксы, появившись однажды в газетах, достаточно быстро выделились в отдельный род развлекательного чтения. Едва ли стоит описывать, как именно это происходило, однако в этом процессе следовало бы обратить внимание на взаимоотношения стремительно развивавшихся комиксов и кинематографа: последний осваивал жанр за жанром, постепенно вытесняя комикс из вестерна, детектива и других типовых сюжетов. Это, в свою очередь, привело к тому, что за комиксом закрепились сугубо специфические темы, одной из которых стали истории о герое в маске. Сейчас можно с уверенностью сказать, что комиксы — это в первую очередь супергерои, и вполне очевидным кажется, что существует определённый набор черт, неизменно присущих этому жанру. Более того, можно выделить систему внутренней логики и жанрообразующих правил, достаточно самобытных, чтобы привлечь внимание любопытного читателя. Возможно, рассмотрение законов, по которым живут супергерои, могло бы придать некоторую свежесть нового взгляда на читателя как агента общественного сознания: комикс как жанр массовой популярной культуры отражает скорее позицию реципиента, чем автора.

Итак, начать рассмотрение особенностей комикса, наверное, стоит с черты, присущей далеко не только комиксам, а среди них — не обязательно комиксам о супергероях, однако именно она, в преломлении интересующего нас жанра, приводит к любопытным результатам. Имеется в виду способность и стремление комикса о супергерое соответствовать повестке дня. На поверхностном уровне это легко отследить по особенностям сюжета и персонажей, участвующих в нём. В 1941 году США вступают в войну, и в том же году выходит первый выпуск «Капитана Америки» об идеальном солдате в борьбе с фашизмом. По мере усиления феминистического движения в комиксах появляется всё больше женских супергероев: Чудо-Женщина, Женщина-Кошка, женские персонажи, дублирующие уже известных героев. Ту же ситуацию можно проследить и в случае с героями из разнообразных этнических групп, и с персонажами нетрадиционной сексуальной ориентации (например, Силуэт из «Хранителей»).

Однако причины молниеносной реакции комикса на изменения в социальной действительности видятся очевидными: неактуальный продукт массовой культуры не привлекает публику. Куда больший интерес вызывает тема возникновения уникальных возможностей героя, которые и делают возможным факт его реализации в таком качестве, рассмотренная в этом свете. Каждый супергерой обладает возможностями, превышающими возможности обычного человека. Как правило, это некая суперсила, реже — технические средства и особые навыки. В чём источник суперспособностей? Несколько упрощая общую картину, можно свести их к нескольким типам. Во-первых, это мистические силы: такие герои, как Тор или Чудо-Женщина предлагаются читателю как адаптированные версии персонажей мифологического рода, соответственно, и сила их имеет сходный характер. Во-вторых, это технические средства: Железный Человек и Бэтмен не обладают суперсилами, но имеют в распоряжении технические средства, недоступные обычному человеку, подчас совершенно фантастические, и именно это снаряжение делает возможным их дея-

тельность в качестве супергероя. В-третьих, способности, которые определяют героя, могут иметь инопланетное происхождение. Примеров такого рода персонажей много: Супермен, Зелёный Фонарь, Серебряный Сёрфер... И последний (по порядку, но не по важности) источник суперсил — модификация организма персонажа в результате мутации или генного преобразования, причём такая модификация может быть как результатом осознанного вмешательства, как, скажем, в случае Капитана Америки, или неудачного эксперимента (Халк), так и стечения обстоятельств (Человек-Паук). Эта классификация не претендует на полноту, однако даже в таком виде демонстрирует основную черту поля явлений, дающих начало суперспособностям: это поле характеризуется, в первую очередь, непроницаемостью для обыденного познания. Все явления, продуктом которых может стать супергерой, являются по большей части загадкой для человека, не занимавшегося специально их изучением, причём, за исключением традиционно таинственных мифологических и космических, эти явления так или иначе связаны с последними достижениями науки и техники. Но если актуальность по отношению, например, к деятельности меньшинств имела целью показать включённость в социальный контекст и, возможно, до некоторой степени способствовать соответствующим движениям, то в чём назначение использованных суперсовременных и традиционно таинственных мотивов? Ответ на этот вопрос кроется в способе интерпретации этих самых мотивов: загадочные и, вероятно, опасные явления перерабатываются в культурный образ так, что конечный результат действий этих сил не только не приносит вреда обществу или личности, но действует им на благо, защищая и помогая преодолевать критические ситуации.

Ещё одна важная черта интерпретационной манеры, которая отчётливо просматривается в комиксах — искажённое изображение описываемых явлений, доведённое порой до абсурда: мутация персонажа, произошедшая в результате укуса радиоактивного паука, видится абсолютно лишённой реалистичности, если смотреть на неё с позиции науки. Однако с точки зрения читателя шестьдесят второго года подобная история оказывается вполне приемлемой в силу того, что основана она не на научных воззрениях, а на связанных с ними предрассудках и страхах. Таким образом, комикс приобретает особенный род реалистичности, основанный на представлениях о реальности, и в результате выполняет функцию адаптации объектов почти суеверного страха, таких как всё ускоряющийся технический и научный прогресс, угроза из космоса и сверхъестественные силы. При этом ключевой особенностью адаптации через комикс является то, что она не предпринимает попыток опровергнуть представления об объекте страха как об опасном, а показывает его вместе со связанными с ним предрассудками как дружественное явление, опасное, напротив, для врагов общества.

Выполняя роль агента сверхъестественных сил, действующих в интересах человека и общества, герой берёт на себя обязанности борьбы с возможными угрозами, которые условно можно разделить на внутренние и внешние. Внутренние включают в себя разного рода преступность, и борьба с нею должна соотнести непосредственным образом героя и человека, спасённого, например, от уличных грабителей, то есть — человека, оказавшегося в ситуации, имеющей шанс произойти с каждым. Подобная деятельность супергероев рассматривается с критических позиций уже внутри самого комикса: в «Хранителях» поднимается вопрос о незначительности защиты общества от таких угроз, в свете действи-

тельно серьёзной опасности (в «Хранителях» — ядерная угроза). Тем не менее, борьба с уличной преступностью именно как основная задача представляется необходимым условием для выполнения героем своей функции, а также делает намёк на возможный источник его легитимности, которая является весьма проблемной темой: герой не подчиняется законам, верша в каком-то смысле самосуд.

Другой род угроз, внешних по отношению к нормальному обществу, в комиксах широко представлен особенным типом персонажа — суперзлодеем. На фигуре злодея стоит задержаться в силу того, что она является ключом к пониманию некоторых существенных качеств супергероев и, возможно, даже служит источником образа героя в том виде, в котором тот существует в настоящее время. Итак, важнейшая черта суперзлодея — его способность до некоторого предела эффективно противостоять герою, порой даже одерживая промежуточные победы. Эту способность могут гарантировать суперсилы, адекватные тем, которыми располагает герой. Этими суперсилами злодей традиционно наделяется, притом часто даже имея первоначальное преимущество. Важно заметить, что возможные источники суперспособностей у героев и злодеев полностью совпадают, вплоть до того, что противостоящие стороны могут быть даже братьями, как Росомаха и Саблезубый или Тор и Локи. Зеркальное соответствие герою просматривается и в других определяющих качествах злодея, например, стремлении причинять вред обществу и индивиду. Любопытно отметить, что читателю всегда предлагается версия мотивации злодея, раскрывается его личность и причины, по которым он действует в качестве злодея, однако определяющая его характеристика — именно зло, в то время как обстоятельства, побудившие к нему, воспринимаются скорее как декорации. Из подобного соответствия можно сделать вывод, что причина появления злодея кроется в самом герое. В результате получается, что герой, включаясь в противостояние с собственным двойником, выпадает из пространства реальной жизни общества и полностью перемещается в мир борьбы с врагом, оторванным от повседневной жизни общества, таким образом, теряя непосредственный контакт с человеком, которого защищает.

Что же представляет собой суперзлодей в качестве угрозы обществу? Он, будучи высшим злом в контексте комикса, является угрозой самому существованию общества как системы, в отличие от опасности в виде преступности для индивида. Как пишет в своей статье «Полезная тавтология и чёрный флаг анархизма» Алексей Цветков, «Бэтмен и есть обобщённая персона системы...». То есть, герой реализует себя именно через действия в интересах системы, и она же даёт ему легитимность: как только он покидает рамки её интересов, он теряет статус героя и переходит в ряд неоднозначных персонажей, таких как Дэдпул или Роршах. Однако внешне легитимация супергероя происходит сложнее, выражаясь в общественном признании справедливости его действий, взаимодействии с официальными властями (например, использование бэт-сигнала). Тем не менее, легитимность, приобретаемая таким путём, жёстко ограничивает героя, в том числе подчинение его воли воле системы делает невозможной попытку рассмотрения героя в качестве сверхчеловека, которая, однако, мне неоднократно встречалась.

Женя Хо: Короткая заметка о Халке.

Я прочёл тебя ночью, когда возвращался с премьеры «Мстителей». Не могу сказать, что мне понравился фильм, но не могу сказать, что уверен во всех его политических и психологических референциях (например, то, что сознание американского народа всё ещё полно веры в то, что война может быть окончена атомной бомбой и маленькой группой храбрых солдат), которые я установил. Но он обратил моё внимание не суперчеловека, который раньше казался мне неинтересным.

Халк

Халк есть противоположность Бэтмену (или Капитану Америке). Если последний есть агент Всеобщего, автор логик сохраняющей трансгрессии, то Халк есть персонаж укрывающийся, индивидуальное сознание, стремящееся ускользнуть от этих логик. Халк есть проводник частного. И в этом своём качестве он сталкивается с противоречащим ему Всеобщим всюду: агенты полиции, супергерои, которые его ловят (например, Росомаха), иллюминаты, а также зверь внутри него самого. Этот зверь — тени репрессированного Просвещением магического (неслучайно в одном из комиксов на него как на великого Зверя обращают внимание Боги), посаженный в него через властные структуры. То есть, он является объектом репрессии изнутри и снаружи. Точка взаимодействия полей магического (прошлого), властного (настоящее) и индивидуального (будущее).

Поэтому мне кажется, что самый *революционный* персонаж — это не суперзлодей (как думает Цветков), а именно учёный Брюс Баннер, *Невероятный Халк*. А то, что Цветков так думает, — хороший пример того, что Ричард Рорти называл «готизацией левого сознания».

Витгенштейн, играющий в шар'ады, или из каких Форм Жизни растут ноги у семейных сходств

Я всегда не любил, когда философские системы извлекают из воздуха/пальца/других подозрительных субстанций¹.

Нет, речь не о глубине внутреннего содержания (или, точнее, отсутствии такового), а о развёртывании построений отдельных философов как чистых, самозамкнутых, неизменных — одним словом, никаким из корней не растущих из нашего брэнного мира; такой формат подачи, увы, не редок.

Традиция элиминации персональности, если взглянуть исторически, пронизывает практически весь корпус философских текстов: это сыграло свою роль в легитимации претензии на общезначимость получаемых выводов², института интертекстуальности³ и т.д. В то же самое время, всякая значимая работа в философии отмечена печатью личности, будучи выполненной на бумаге её жизненного мира. Более того, уровень Пребывания, в силу своей неотменимой выделенности, так иллюстративно пресыщен, что на его материале заведомо может быть прояснена механика функционирования любой философской концепции — даже если она кажется крайне абстрактной. Собственно, как достоверно показывает возглавляющий название этого эссе, не следствия следуют из выбранных аксиом, но аксиомы — самоподдерживаются ими⁴, поэтому особенно интересно бывает увидеть мышление философа вскрытым, активным, когда становится отчётливо ясно, буквально на кончиках пальцев, как он сам применял свои концепции в действии, обосновывая их.

Тот, кто читал «Логико-философский трактат», а потом — «Тайные дневники 1914-1916»⁵, думаю, ощутил, сколь сильно различие в герметичности, непрозрачности этого текста до погружения в Форму Жизни автора на полях Первой мировой — и после. Также, несмотря на черновой характер его опубликованных посмертно записей, последний хоть и раскрывает многие моменты кристаллизации его идей, но зачастую оставляет ощущение недоступности. Поэтому я предлагаю проследить траекторию употребления (коль скоро значение задаётся именно им) понятия семейных сходств, чтобы затем погрузить его в такую — нашу — языковую игру, которой порадовался бы сам Витгенштейн.

¹ По словам Витгенштейна, лучше читать детективы, нежели кембриджский философский журнал «Mind». Сам он, разумеется, так и поступал.

² Бикбов А. Философское достоинство как объект исследования // Логос, № 3-4, 2004; С.36-37.

³ Пожалуй, подходы позднего Барта и Кристевой к текстам обретают в философии особенную актуальность.

⁴ Витгенштейн Л. О достоверности // Вопросы философии, №2, 1991; С.78 — §141-142.

⁵ Витгенштейн Л. Тайные дневники 1914-1916 гг. / Предисловие и перевод В. А. Суровцева и И. А. Эннс // Логос, № 3-4, 2004; С. 279-322.

В свой промежуточный период («Голубая и коричневая книги»), когда языковые игры только начинают «разыгрываться» как концепт, а имена, «сами дотягивающиеся до вещей», явили свою недостаточность, Витгенштейн переходит, образно говоря, к мышлению в нечётких множествах — а для последних неизбежно должен быть выбран новый способ связывания элементов. Вслушайтесь в голос, описывающий: «Существует тенденция искать нечто общее во всех сущностях, которые мы обычно подводим под общий термин. — Мы склонны считать, что должно быть нечто общее, например, во всех играх, и что это общее свойство является оправданием для применения общего термина “игра” к различным играм; тогда как игры образуют семью, члены которой имеют семейное сходство. Некоторые из них имеют одинаковые носы, другие — одинаковые брови, третьи — похожую походку; и эти сходства часто совпадают»¹. Да, это — вполне погружённое в повседневную Форму Жизни определение, но в нём звучит статичность, как если бы оно было наброском... **Хей!** Да ведь оно им и было!²

Несмотря на то, что автор обращает на этот концепт внимание и в «Философских исследованиях», посмотрим лучше, что он чёркал на полях «Золотой ветви» Фрэзера по его поводу: «В старых ритуалах мы находим чрезвычайно разработанный язык жестов. И когда я читаю Фрэзера, я хочу сказать: все эти процессы, эти изменения значения происходят и со словами нашего языка. Когда то, что прячется в последнем снопе, называют “хлебным волком” и так же называют этот сноп, а затем и человека, который его убирает, то в этом мы узнаём хорошо знакомый нам языковой процесс»³. Совсем другое впечатление, не правда ли? Газель аналогии замечена у воды, и гепард Витгенштейновской мысли⁴ скачками несётся за ней, чтобы насытиться живым, ещё трепещущим мясом... И философия как средство прояснения употребления слов, и систематические ошибки языковых игр (вся остальная философия) — все они должны питаться фактами восприятия или мышления, чтобы быть жизнеспособными.

Однако пару недель назад я нашёл не менее интересный пример, насыщающий семейные сходства Формой Жизни, которую сложно упрекнуть в редкой встречаемости.

Речь пойдёт о **шаг’адах**.

¹ Витгенштейн Л. Голубая и коричневая книги: предварительные материалы к «Философским исследованиям» [Текст] / Людвиг Витгенштейн; пер. с англ. В.А. Суровцева, В.В. Иткина. — Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008. — С. 46.

² Ibid, С.16 — «Голубая книга» была тем, чем она была, — набором заметок.

³ Фрэзер говорит о поверье, что дух хлеба может воплощаться в некоторых животных, например волка или собаку. Об этом свидетельствуют многие обычаи, например: «Волком жители Макленбургского округа называют последнюю полоску хлеба, а о жнущем её человеке говорят, что он “схватил волка”... а коли речь идёт о ржи, то Ржаным волком зовут и самого человека, сжавшего последний сноп». Фрэзер видит в этом пример того, как имя передаётся согласно принципам “контактной магии”. А Витгенштейн, по-видимому, усмотрел здесь одно из проявлений принципа «семейного сходства». (Сокулер З.А. К публикации перевода витгенштейновских заметок о «Золотой ветви» Дж. Фрэзера // Историко-философский ежегодник. М., 1989. С. 246-251.)

⁴ *Acinonyx jubatus*, самое быстрое наземное существо, да.

Возьмите малую социогруппу: опыт подсказывает, что минимум ~ 4, максимум — в районе 10-15 (хотя точная верхняя грань отсутствует). Человеческих людей, входящих в неё, прокачайте до¹ носителей содержательно богатого языка высокой степени сложности. Желателен также градиент от нейтрально-положительного до выраженно-положительно настроя на участие в нетривиальных коллективных взаимодействиях. Добавить наличие свободного времени с отсутствием острых препятствий к его использованию, и — щепотку атмосферы лёгкого абсурда по вкусу². Интенсивно смешивать, пока в этой Форме Жизни не начнётся автокаталитическая реакция...

$\sum_{i=k}^N$...и кто-нибудь не скажет: «Да хватит вам, <name>, спорить про <object> — давайте лучше в шаг'ады сыграем!»

Мы — шестеро отгадывающих — сидели на скамейке и смотре на Седьмого³. Седьмой... О, что он вытворял! Он изображал панка, зубрилу, рекламные плакаты, капризного модельера, манекенщиц, он показывал на проходящих мимо людей и т.д., и т.п. «Панк?» «Металлист?» — неопределённый наклон головы и волнообразное движение ладонью — «Стереотип?» — яростные кивки и вращение руками в стиле тектоника, призывающие развивать мысль дальше — «Модель?» «Образец?» «Образ?» — мучительное выражение лица вида и-подходит-и-не-то — «Панк?» «Шип?» «Модель?» «Стиль жизни?» — бешенные по интенсивности жесты согласия — «Вид?» «Поведение?» «Культура?» — да нет, отмахивается рукой Седьмой, уже не то...

Примерно таким эпическим образом мы дольше получаса угадывали... «имидж». Бедный Седьмой, он даже устал.

«Животное?» «Зверь?» — верное направление — «Крылья?» «Летать?» «Полёт?» «Птица?» — да, да, вы правильно думаете — «Подпрыгивает, но не летает...» — турбина согласия из ладоней загадывающего — «Прыгун?» «Страус?» — нет, движения пловца — «Утка?» «Пингвин?» — ДА! Объекты такого класса угадывались минуты за 2-3.

«Рогатый?» «Козёл, что ли?» — отмашка — «Хвост!» «Длинный хвост!» — ну, додумывайте, пока всё правильно — «Хохочет!» «Шут?» «Клоун?» «Циркач?» «Чёрт, наверное?» — Ты! ты, который это сказал, срочно думай дальше, и вы все присоединяйтесь! — «Ну, Сатана?» «Астарот?» «Бегемот?» «Баобаб?»⁴ «Вельзевул?» «Мамона?» «Сатана?» «Дьявол?» — почти... — «Антихрист?» — ДА! Хорошо, что не перевелись у нас ещё знатоки адских кадастров.

¹ И степени аутизма, достаточной для того, чтобы представлять языковой арсенал друг друга.

² К сожалению, чаще всего вкус людей обращён к C₂H₅OH.

³ Всякие изменения реальных событий игры либо минимальны, либо уместны, либо и то, и другое.

⁴ Ах, вы, мои недоделанные демонологи, как же я вас обожаю! Сам такой :)

Тааак... Хожу очень своеобразной походкой — через три шага подпрыгиваю и оборачиваюсь; делаю нелепые движения руками; шагаю, как цапля; внезапно поднимаю голову в небо и стою, замерев. *«Пьяный?» «Алкаш?» «Блаженный?» «Идиот?»* — нет, что перед идиотом? — *«Блаженный?» «Сумасшедший?»* — ну, ну, попробуйте эту линию — *«Псих?» «Безумец?» «может, всё-таки алкаш?» «Ха-ха, да это кто-то в зюю!»* *«нет, он же показал, не алкаш» «ну... неужели балетная актриса?»*. Делаю *Facepalm*.

Отмахиваюсь рукой от предыдущего. Продолжаю.

Чудаковатый взгляд; чешет себя через голову; делает руками волны; нагнулся к земле, лёг на асфальт и что-то рассматривает; сосредоточенно о чём-то думает, потом совершенно внезапно и без смысла прыгает и ловит невидимых бабочек, открыв рот. *«Приду-рок, что ли?» «Прыгун?» «Циркач?» «Лебединое озеро!» «Учёный?» «Исследова-тель?» «Энтомолог?» «Ботаника?»*... Потоптавшись без видимого успеха в этих вариантах ещё минут с 5, я обрываю их поток догадок и акцентирую внимание на двойном хлопке. Это означает, что начинается звукоподражательный раунд.

«Круглое?» «Шар?» «Сфера?» «Окружность?» «Колобок?» «Труба?» — отметание рукой, указание пальцем на изрёкшего первый вариант — *«Круглое, но не всё остальное... Солнце?» «Планета?»* — угу, угу, согласие струится из каждого движения — *«Континенты?» «Моря?» «Полюса?»* — нет, «контурно-ограничительные жесты рукой — *«Суша?» «Страна?»* — ДА! Но — жест звукоподражания, затем — поднятый указательный палец — *«Одно?» «Самое главное?» «Понять?» «Первое?»* — вот! кто сказал последнее? Давай, давай, двигайся дальше — *«Первое... Первая часть? Первый слог!»* — ДА! И только после угадывания первого слога через звукоподражание моя десятиминутная шаг'ада до перехода к «Круглому» понята верно — это была Странность.

А потом, через полтора часа подобных шаг'ад, на внутреннем горизонте вспыхивает ядерный грибок озарения.

Мысленный щелчок пальцами.

Вот, вот оно, воплощённое действие семейных сходств! Первичное вовлечение слов ассоциативно (и зависит от стереотипности демонстрируемых жестов), в то время как их одновременное озвучивание играющими и самоорганизация этого коллективного распределённого интеллекта для решения задачи порождает... я назвал бы их **моментальными машинами¹ тезауруса**. Они — семейные сходства слов, развёртывающиеся не на про-

¹ «Через некоторое время симметриада начинает проявлять свою самую необыкновенную особенность — моделирование или, точнее, нарушение физических законов. Предварительно нужно сказать, что не бывает двух одинаковых симметриад и геометрия каждой из них является как бы новым “изобретением” океана. Далее, симметриада создаёт внутри себя то, что часто называют “моментальными машинами”, хотя эти конструкции совсем не похожи на машины, сделанные людьми. Здесь речь идёт об относительно узкой и поэтому как бы “механической” цели действия. Бьющие из бездны гейзеры формируют толстостенные галереи или коридоры, расходящиеся во всех направлениях, а перепонки создают систему пересекающихся плоскостей, свисающих канатов, сводов. Симметриады неповторимы, как неповторимы любые происходящие в них явления. Иногда воздух перестаёт проводить звук. Иногда увеличивается или уменьшается коэффициент рефракции. Локально появляются пульсирующие ритмичные изменения тяготения, словно у симметриады есть бьющееся гравитационное сердце».

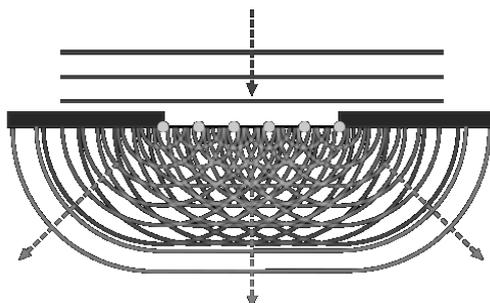
С. Лем, «Солярис».

тяжении всего языкового опыта человека или, тем более, всех носителей языка — а здесь и сейчас, — и стремительно эволюционирующие во времени по вектору согласия загадывающего.

Неалгоритмические семейные сходства взрывались и рассеивались в воздухе, расходились Гюйгенсовыми кругами¹, вырастали и погибали, как растения в ускоренной съёмке, за считанные секунды... Но, когда я задумался над систематическими трудностями, возникавшими у нас в процессе отгадывания, то неожиданно увидел, как языковая игра, разыгрываемая в текущей Форме Жизни, порождает их.

Языковая игра в шаг'ады организована так: загаданное слово языка выражается коэволюционирующим семейством моментальных машин тезауруса, поскольку последовательности слов-отгадок нелинейным образом перемежаются с жестами-уточнениями², — причём, в особенно сложных случаях, разрешено слоговое звукоподражание (ибо по буквам можно отгадать что угодно и слишком просто) — в отличие от демонстрации предметов-подсказок. Се — бан. Останавливается же феерическое действие, когда после очередного слова-отгадки загадывающий указывает на изрёкшего правильный ответ и, передавая ему очередь, придумывает новое. В горниле ярко вспыхивает топливо, и шаг'ады продолжают.

¹ Каждый элемент волнового фронта можно рассматривать как центр вторичного возмущения, порождающего вторичные сферические волны, а результирующее световое поле в каждой точке пространства будет определяться интерференцией этих волн.

² По окончании игры эволюция словесных моментальных машин может быть адекватно формализована графами семантической сети, границы распространения которых определяются каузальным градиентом относительно загаданного слова. Тем не менее, я понимаю семейные сходства как более мощный класс, т.к. нет семантической сети, способной актуально победить человека в шаг'ады. Пока.

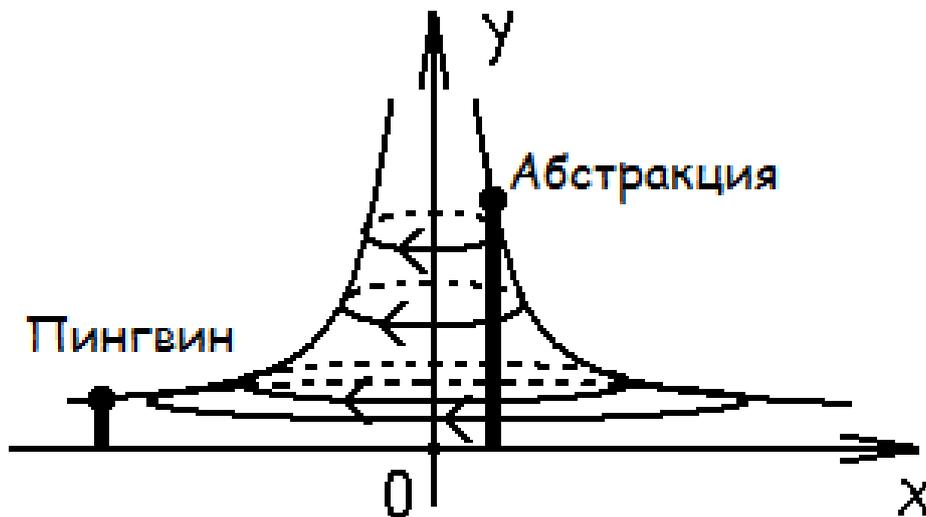
В то же самое время, чтобы языковая игра могла разыгрываться («вращаться»), ей необходима ось, относительно которой она будет считаться разыгрываемой правильно¹. Можно сказать, непосредственно в процессе языковая игра образует тело вращения $a \text{ la } y=1/|x|$ относительно оси y , и чем ближе к последней располагается загадываемое слово, тем труднее угадать его в общем случае², а чем дальше — тем легче³. Данной осью является Форма Жизни, а именно — способ, которым Пребывает загаданное слово: *жест; мимика; пантомима*. И чем более конкретное слово языка невыразимо средствами языковой игры для ведущего, тем сложнее найти вектор семейного сходства для моментальных машин тезауруса, чтобы отгадка могла быть получена из ряда трансмутаций неправильных попыток, если уж не может быть изображена визуально.

И хотя, безусловно, все возможные модели зависят от мощности моментальных машин тезауруса играющих, доступного каждому языкового резерва, реализации семейных сходств, Формы Жизни, etc — статистически наблюдаемой осью «правильности» разыгрывания шаг'ад будет жестикулярно-патомимическая выразимость.

Именно поэтому, — чтобы проверить возникшую идею — отчудив загаданную мне **Странность**, я (не подряд, а в течение вечера) загадал *Абстракцию, Производную* и — кульминация — **Нечто**.

¹ Аналогично с: Витгенштейн Л. — О достоверности// Вопросы философии, №2, 1991; С.79 — §152.

² В общем случае — т.к. в некоторых социогруппах (в т.ч. — на философском) могут циркулировать слова крайне специфические и невыразимые, как правило, но — лёгкие в силу распространённости и знакомства с ними. Представьте себе шаг'ады на МехМате: «*Алгебры Нётер?*» «*Когомология?*» «*Изоморфизмы?*» «*Ха-ха-ха, это — и да изоморфизмы, идиот? Это же — делители нуля!*» «*Что, близко? Ну... может, класс вычетов по модулю?*» «*Поле?*» «*Некоммутативные кватернионы?*» «*Заткнись!*» «*Может, всё-таки делители нуля?*» «*Абелевы группы?*» «*Кольцо?*» «*Левые идеалы кольца?*» — ДА! Однако сама возможность разыгрывания слов подобного типа лишь подчёркивает, что другие слабо выразимые в языковой игре слова из незнакомых игрокам областей будут соответствовать общему случаю.

Отгадывая **Абстракцию**, мои друзья¹ зависли на «размышлении», «мысли», «идеях» и т.п., т.к., будучи семейным образом схожа с ними, первая — объемлет столь широкий спектр как объектов, так и процессов, что сама крайне бедна на визуальные дескрипторы. **Производную** — поскольку они были преимущественно химиками с вкраплениями дизайнеров — пришлось показывать звукоподражательно: прямое указание пробуксовывало при большей части обычных интерпретаций.

Прелесть же **Нечто**, загаданного полпервого ночи, в первую очередь заключалась в реакции Несчастной, чья очередь выпала: «Ооооо... Блин!² Да что это такое... Нет, нет, я не буду это показывать! я **ВООБЩЕ** не представляю, что тут можно показать...» — и лишь коллективными уговорами последняя (метро уже закрывалось) партия этой языковой игры была разыграна. Сперва люди увязли в разрабатывании семейного сходства с Нечто, чем едва не повторили приступ паники загадывающей, т.к. их моментальные машины те-зауруса сплели практически закольцованную семантическую сеть и увязли в ней. По уровню отсутствия выразимости это слово граничило с такими чудесными местоимениями, как «то», «это» и т.д., но я всё же предпочёл **Нечто** во избежание случайного метаугадывания³. Тем не менее, они построили нужную цепочку семейных сходств, и слово, лишаящее имени, всё-таки было поименовано.

P.S. А потом, на обратном пути в ночном вагоне метро, я думал обо всём, что имело место, и мне казалось, что если бы рядом сидел старина Вигги... простите, Людвиг Витгенштейн, — то ему было бы как минимум интересно услышать о семейных сходствах с такого ракурса. Как, впрочем — надеюсь — и сыграть с нами в следующий раз в эту удивительную Языковую Игру — **шаг'ады**.

Женя Хо: Женя тут другой. Более восторженный: Женька. Сейчас ты уставший, даже в своих ушах и хвосте.

Твой текст могу читать либо как по-кузански развёрнутый тезис, что из трёпа рождаются тексты, а философия, соответственно, это всегда полагающее себя большим, чем оно есть о говорящем, сказывание о любых предметах с позиции мышления, либо как удачное завершение моего рассуждения про логику философского открытия. Помнишь, там был пример, что хорошее разделение подобно яркой метафоре, правильному словупотреблению или точному удару? Симфонию именно этому я слышу в этих строках: столь удачно ушедших от ставших уже банальными рассуждениях о языковых играх. Именно так, как вы играли в шарады, стоило бы организовывать философское производство сегодня.

¹ Благо, они учились не на философском *улыбается*

² Именно «Блин!».

³ Ситуация: названо уже много слов, никто не может отгадать **Это**. Вслух кто-то из участников восклицает: «Да что же это?!». Ведущий начинает бешено крутить руками. Фраза повторяется. Потом — само слово. Слово отгадано. Просто технический баг.

Рецензия на доклад
Витгенштейн, играющий в шар'ады,
или
из каких Форм Жизни растут ноги у семейных сходств

Когда мне, человеку далеко не привыкшему к философским статьям, предложили написать рецензию, я, с присущим мне недоверием и раздражением по отношению к словесным ухищрениям, которые я подозреваю в погоне лишь за формой, отбрасывала одну за другой статьи, стоило только встретить незнакомое слово или конструкцию «Коль скоро». Причины моих подозрений хорошо иллюстрируются словами Веркора: «Если ваш король гол, сделайте из него головоломку, — кто посмеет утверждать, что среди тысячи разрозненных фрагментов не спрятаны кружева и драгоценности?»

На мой взгляд, всякое построение модели есть многокритериальная задача, преследующая, по меньшей мере, две цели: максимальную точность и максимальную простоту. Оно и понятно: хорошая модель должна быть применима в жизни, иначе построение её не принесёт пользы. А разве философия не стремится дать макет мира? Вот почему от философских статей я жду изящную форму, способную не расплескать смысл. И, о чудо! Во введении одной из работ всплыло: «Я всегда не любил, когда философские системы извлекают из воздуха/пальца/других подозрительных субстанций».

Заинтересовавшись, я продолжила читать. В этой статье чётко прослеживается течение мысли автора: он тоже видит основное преимущество модели в её применимости к жизни, ищет, изучает и размышляет над развитием конкретного образца и, в конце концов, находит собственный пример, подтверждающий состоятельность концепции «семейных сходств». Каждый процесс подробно и понятно описан (за исключением некоторых мест, которые, судя по всему, не должны вызвать трудностей у знатоков Витгенштейна).

Теперь от смысла перейдём к форме. Для этого подойдём к статье с другой стороны: вычленим повествование и назначим кульминацией описание игры в шар'ады. Это, вероятно, спорно, но живость и накалённость прямой речи и описаний реальных ситуаций позволяют мне это сделать. С этой точки зрения становятся очевидными неровности, скачки стиля автора. В начале читателя засыпает сложными последовательностями слов «легитимации претензии на общезначимость», а затем вкрапления умностей редеют, а общий стиль падает. И если снижение стиля в кульминации можно оправдать самим предметом повествования, то панибратское похлопывание читателя по плечу в постскриптуме кажется не очень уместным.

Объединив вышесказанное, я прихожу к выводу: предмет статьи близок мне по духу, интересен, но статья оставляет ощущение незавершённости, нехватки времени на шлифовку. Разве это не доказательство необходимости соответствия формы содержанию?

Манифестация лени

Философия родилась из греческого досуга — это даже не общее место, — это просто Одно Место. Досуг — дело тонкое, приятное, мягкое и тёплое, как и всё в этом одном месте. У того, у кого много досуга, — всегда праздник. Особенно, — в одном месте.

Противоположностью досуга, конечно, был труд. Труд греки осуждали. Труд низок для свободнорождённого, — и он должен заботится о том, чтобы никогда к труду не прикоснуться. Можно пить, можно трахаться, можно воевать, можно писать стихи или придумывать вопросы — но не работать. Если кто-то и думал, — то между двумя фрикциями, созерцая сочный, аккуратный зад. Это, многие понимали, полная чушь, трата драгоценного досуга, — но хоть приятно.

Но была в греческом досуге червоточинка — рабы. Чтобы греки могли всё это делать, — рабы и метеки должны трудиться: такая вот аристократия и рабовладение, если вы не знали. А у труда есть не только благая противоположность — досуг, — но и тень: ИБД. Подыми колесо, повоздейстуй на него, оно от дороги оторвётся и будет впустую вертеться. А греки поднимали — особенно в Спарте любили поподнимать илотов — сильные, мускулистые Лакедемонские парни, настоящие евгениисандвы. И вот телега стоит на месте, рабы Имитируют Бурную Деятельность. Пока они возвращаются, — гибнет досуг просвещённых эллинов.

С тех пор философы были бедными и богатыми, правителями и рабами, — но никогда не имели настоящего досуга. Некоторые дошли до того, что звали народ трудиться и работать, тряся бородой и сверкая высоким лбом, — чтобы самим шланговать, конечно. Согласитесь, некрасиво: такой умный дядька умоляет кого-то работать. Хотя, может, конечно, и не такой уж и умный.

Лень — это. Между прочим, без этого — вообще философии мало, на самом доньшке. Без лени нет настоящей аскезы, хоть христианской, хоть рационалистской: она разом отвечает и на Иов.1:9, и на возможность вернуться к самим вещам. Ленивый — и Оккам, и Ориген, и не потому, что желает рая, а потому, что так существует по одной только необходимости своей природы и определяется к действию только сам собой.

Мало в философии философии без лени. От этого можно и заболеть, сойти с ума, сдохнуть. Мало, конечно, кто-то был столь отважен в своём стремлении ничего не делать.

Ничего. Не. Делать. Это когда уже лень лениться, когда родившее перед нами ленивое архе, от которого отпадают все вещи, столь оно полно собой, овладевает тобой полностью, — ты идёшь и делаешь, с полной самоотдачей. Как сейчас я пишу это, потому что я один в пустой комнате, мне тут сидеть ещё два дня, книг нет, еды мало, — и я не делаю ничего, т.е. что-то делаю. Что я делаю, если не работаю и не ленюсь, ведь стадию лени я прошёл, сев за ноутбук?

У того, кто ничего не делает, всегда много помощников. Сейчас ко мне придут друзья. Будем играть. Вместе, знаете ли. В игре нет рабов, — даже если есть роль раба. В игре нет червоточинки труда, — хотя она не менее, а более производительна, как сообщил нам Маршалл Салинс, Ричард Ли и другие приятные люди.

Матрица и Философия

Проект братьев Враховски «Матрица» имеет множество откликов в философском сообществе — факт беспрецедентный в истории мировой мысли. Не только представители континентального направления, но и аналитические философы, среди них и правители философского государства, отправили свои работы в теоретический раздел официального сайта проекта. В университетах стартовали тематические спецкурсы [3]. Что в «Матрице» позволило вчитать в неё столько философских разных кодов? Посмотрим ответ самих философов.

Кристофер Грау, университет Конкордия. Для него, насколько можно судить, «Матрица» — лишь повод для популяризации философских концепций. В статье «Скептицизм сновидений» он излагает проблему сна (как узнать, что мы не спим?) с привлечением картезианских рассуждений о природе знаний, и заявляет, что выход Декарта «мало успокаивает нас» [5]. Работа «Мозги в банке и злой демон» уже своим названием отсылает к Хилари Патнэму и его аргументу «мозги в бочке», который призван Грау для того, чтобы показать несостоятельность скептицизма относительно реальности внешнего мира: формулировку такого он заимствует из работы Джонатан Дэнси «Введение в современную эпистемологию». Для самого Патнэма важно указать, что эта скептическая апория неразрешима для метафизического реализма, им критикуемого, зато легко решается в защищаемом им внутреннем реализме, — но об этом Грау не упоминает. Так как суждение «я мозг в бочке» ложно, по Патнэму, независимо от реальной ситуации, то человек оказывается «в двойной ловушке: он не знает, находится ли внутри Матрицы или нет, и даже не может выразить эту мысль! <...> Может быть, поэтому Морфеус говорит Нео, что “невозможно объяснить, что такое Матрица”?» Эссе «Цена реальности» посвящено разбору позиции, представленной героем Джо Пантолиано Сайфером. По сюжету, он предаёт Нео и хочет вернуться в Матрицу и всё забыть. Таким образом, он желает ложных ощущений. Чтобы показать слабость такой позиции, Грау использует аргумент Роберта Нозика — «машину желаний», замечая, что, кроме ощущений, мы хотим делать реальные вещи, хотим быть личностью, иметь выход в более глубокую реальность, оставлять результаты своей жизни. Ответом на это является неожиданная позиция **Дэвида Чалмерса**: матрица не иллюзия. Он выражает её в статье «Матрица как метафизика» [6]. Исходя из предположения, что Нео — это мозг в бочке, только с двумя отличиями: у него есть тело и сознание контролируется не учёным, а роботом, — он формулирует Гипотезу Матрицы. Гипотеза Матрицы не есть скептический аргумент, она не подрывает всё то, что я знаю о мире. Он делает переключку между тем, что говорит Морфеус в сцене пробуждения Нео и философией Беркли: реальность есть ощущение. Матрица — это не скептическая, а метафизическая гипотеза. Она состоит из трёх частей: (1) физические процессы являются компьютеризированными; (2) наша когнитивная система отделена от физических процессов, но взаимодействует с ними; (3) физическая реальность творима существом вне её. Все эти части когерентны, и мы не можем полностью их опровергнуть. И тогда Иисус — это Агент Смит, а не Нео. В примечаниях в конце статьи он критикует Патнэма, говоря, что его аргумент будет работать для «the Matrix», но не для «a matrix», где это будет обозначением программы, указывая, что толь-

ко эссенциалистская концепция натуральных терминов позволила Патнэму выстроить своё рассуждение. Для Чалмерса «Матрица» представляет собой интересный теоретический конструкт, на котором можно опробовать свой аналитический дар. **Колин МакГин** тоже пытается перевернуть наше представление о фильме в статье «Матрица снов». Он говорит о гуманности поведения машин и аморальности людей. Средства машин — создание такого сна, в котором нельзя проснуться: «первая её версия потерпела крах именно потому, что была слишком хороша, чтобы быть правдой». Речь идёт именно о снах, а не об изменении впечатлений: иначе было бы нельзя изменять матрицу своей волей. Популярность «Матрицы» он объясняет тем, что это как бы сон во сне, позволяющий каждому увидеть свою грёзу.

Славой Жижек имеет своё мнение относительно природы популярности Матрицы. Его он излагает в статьях «“Матрица”, или две стороны извращения» и «“Матрица”: истина преувеличений». Этот фильм «действует как тест Роршаха». Сама Матрица — это Большой Другой, «виртуальный символический порядок, сеть, которая структурирует для нас реальность» [4]. Мне кажется, это определение есть хорошая демонстрация того, что М. Лифшиц называл противоречиями конечного сознания. Основная несообразность фильма, по Жижеку, — несовершенство нашего мира (все чувствуют недостатки, люди не вынесли совершенства), — является одновременно и знаком его виртуальности, и знаком его реальности. Тут же стоит сказать и о том, что Нео не может сделать нереальными смертельные удары и смертен, — значит, речь не идёт о полном освобождении, а только о смене правил внутри тюрьмы [2]. В этом он видит роковую опасность киберпространства. Он экстраполирует свои выводы на ситуацию позднекапиталистического социального опыта, определённого основными онтологическими парами — реальность и боль, свобода и система. В социальном аспекте анализирует фильм и **Жан Бодрийяр**, отказывая Врачовски в понимании его текстов: они смешали известное со времён Платона иллюзорное и возникшее недавно симулятивное, грубо отграничили реальностью от симуляции, не осветив тему перехода. Это «внушает серьёзные опасения»: подобное ложное самоотрицание уничтожает альтернативу системе.

«Матрица» предлагает зрителю сон во сне, рассказ в рассказе — это притягивает к ней внимание зрителей. Философы не могут пройти мимо такого важного общественного события, а многослойность фильма, где псевдоинтеллектуальность переходит в мимирию под боевик, позволяет делать самые разные толкования.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Почему этот фильм восхищает философов // *Le Nouvel Observateur*, 19 июня 2003. Перевод В. Мильчиной.
2. Жижек С. «Матрица» или две стороны извращения // «Матрица как философия» под ред. Ирвин Уильям, О. У-Фактория, 2007 г.
3. Йеффет Г. Прими красную таблетку: Наука, философия и религия в «Матрице». — М.: Ультра-культура, 2003.
4. Портал «Лакан» <http://www.lacan.com/matrix.html>
5. Портал «Ложки.нет» <http://lozhki.net/>
6. David J. Chalmers <http://consc.net/papers/matrix.html>

Миниатюры

Самый честный пророк

С недавнего времени стало очень сложно говорить с людьми.

Большая их часть ещё не вышла из пещеры и не знает вести о смерти Бога. Такие люди верят в правильную точку зрения и верят, что обладают ею. Они всюду — эти последние человеки, верящие в истину и жизнь. Я же знаю эту новость, и не из вечерних газет.

Меньшая их часть отравлена трупным ядом и не слышала о рождении Нового Бога. Такие люди тоже верят, что знают истину: истины нет, есть мнения и уважение мнений. Больных таких меньше, но с годами число их увеличится.

Я же слышал о Новом Боге и верю, что истина есть. Но, пока не придёт время, никому не узнать — какова она. Поэтому моя позиция довольно безрезультативна и скучна: всем сердцем ища Бога, я не могу служить ему, не зная истины, которую он ещё не произнёс. Я не Иисус, — я неудавшийся Иоанн.

Я нахожусь в очень глупом, нелепом положении. Я даже не безумец, — на то у меня нет таланта. Я дурак. Я слышал звон — но не знаю, где Он. Я только надеюсь, что на каком-то Крите Он растёт и набирает силу.

Что я слышал? 93: «Поступай согласно своей воле, таков да будет весь закон». Но что это значит? Как можно «поступать» в гиперреальности, когда нет субъекта действия, нет автора текста и пока нет Бога, который оценивает разницу между действием и недействием? Что значит «воля»? Как определить, что я волю? И как отделить мою волю от не-моей, от воли друга, любимой, соседа, правительства, безликой идеологической машины?

Я слышал: «В конце придёт Тот, Кто будет. Он возьмёт тебя за руку и отведёт в тихое место покоя». Но кто Он такой и когда этот «конец», — я не знаю.

Я очень плохой пророк: не знаю имени Бога, которого славлю. И очень может оказаться, что я слышал звон монет торговца.

Чайник

Вокруг Земли летает чайник. Я во сне видел. А то, что в архиве АН СССР этого нет, есть заговор врагов и тупиц. Ничего не знают о чайнике. Вчера мои друзья ушли на Луну пешком, как в 9-ом веке. По пути видели чайник. Про это в АН СССР тоже ничего не знают, причина выше: заговор. Чайник эмалированный. Про эмаль в АН СССР знают, про чайник нет, причина выше: заговор. Друзья остались на Луне, мне об этом сообщили телепатией. Что АН СССР последнюю не признаёт, так причины выше: тупость и заговор. Поэтому ещё рухнул Советский Союз.

Руки

— Ты же есть, верно? — говоришь.

Вижу руки. Худые пальцы со множеством мелких порезов и вытянутыми ногтями. Свои руки. Внешний объект сознанию. Граница моего мира, чёрно-белая полосатая будка, половиной тут, другой — там. Отвечаю касанием, нежно: «Есть».

Мёртвый голубь

На заборе было Я, только в обратную сторону — R, как иногда пишут дошкольники. Может, это было и R. Под этой странной буквой лежал мёртвый голубь.

Она сочла это за дурной знак.

Огонь

Коснулся подушечками лба, там, под небольшим шрамом, чуть выше бровей и неглубокой складки. На миг пальцы ощутили тёплую неровность. Коснулся — левой стороны грудной клетки, уже полной ладонью, даже сквозь клетчатость рубашки ощущая рёбра. Вытянул руку, ребром ладони вниз, пальцы смотрят тебе в живот.

— Ну, привет.

Провинциал

Один человек прожил жизнь так. Сначала учился — недолго, но хорошо. Потом много лет писал комментарии. Когда это ему надоело, начал путешествовать. По пути создал несколько кружков по интересам. Потом задушил кое-кого и стал святым.

Его звали Ади Шанкара.

Лао-Цзы

— Недеяние не лень, — заметил лёжа на кровати.

Из гвоздей.

Вещь

За столом — дерево и металл, за деревом и металлом — лес и земля. Сжигая и отдавая ветру, — возвращаю свой долг лесу и земле.

Но что за мной, и где моё возвращение?

Беспредельное время

— Колдую апейрон, — голос. Потная ладонь. Соединяю пальцы, первая фаланга к первой фаланге: большой и средний. Большой — неполноценный, с длинным, разноцветным от синяка ногтем, обрамлённый заусенцами. Средний — худой узловатый горбун, искалеченный часто упирающимся в него писалом. Чуть касается этого соединения напряжённый, бесприютный и безымянный, — плохо управляю им. Указательный и младший —

безвольны. Усилие, — потом резкий звук. Щелчок: нулевая степень музыки. И сразу — тонкая стрелка на твоих часах делает механический тук.

— Опять не вышло, — опускаю руку на твою грудь.

Игры

Дети играли в песочнице: мальчик и девочка. Мальчик был младше и белый, в зелёной маечке и синих штанишках. Девочка старше и тёмненькая, в красном платье. Мальчик взял палку и махал ею перед лицом девочки, словно дворник — метлой. Девочка смотрела на него, не показывая никаких эмоций, может, немного растерянно.

Рядом, на песке же, сидели молодые женщины.

— А вы с крестиком?

— А?

— Крещёные? Мы вот крест-то купили, а ещё нет.

— Крещёные.

Человек

Сняли с себя всю одежду, желая найти голое тело.

Но, вычтя последнюю единицу, были удивлены пустотой.

Пустота

Несущие конструкции важнее всего. Можно убрать всё — кроме них, и дом будет стоять. Но стоит разрушить одну — и карты лягут на коричневый стол.

Когито

— Мой метод может стать основой всех наук!

— А с чего вы взяли, что люди мыслят, господин Декарт?

Поле первых сущностей

— Конечно, если ободрать с мира все тени

— От жаркого солнца правды мы не сможем ходить

— Убогий мир чистого света, чистой науки, чистого знания

— Любимая и желанная пустыня реальности, поле первых сущностей без акциденций

Мёртвый Бог

Богов убил не безумный Ницше. Это сделал Стагирит.

Чёрный жук

По столу ползал чёрный жук. Большой. Усами шевелил. Только собрался его выкинуть, а он раз — и улетел. И сразу — неловко как-то.

К вопросу определения науки

Наука — это такая дева, которая, касаясь всего, всё убивает.

Определяя науку, не нужно давать спуска современным научным институциям, платя им дань в виде фиксации их методов как необходимых критериев научности. Напротив, нужно показать им младенческий возраст их «науки», его слабости в поиске истины, исключительно прагматистский характер её свершений. При этом я не собираюсь осуждать науку, — я ношу в себе все её черты: технизм, прогресс, беспардонность и наглость. Поэтому моя критика мало того, что направлена и на меня тоже, но и призвана показать современной науке иные пути её развития. Т.е. экспериментальный метод, как сложная форма наблюдения, созданная в эпоху Галилея и Ньютона, использование технических средств и её военный характер не могут быть признаны необходимыми качествами науки.

Двойник

Однажды Дима пришёл домой, а там, на его кровати, спит Андрюша.

Политика

Можно путать правый и левый.

Но неудобно.

Дешёвые наушники.

Делу революции служу.

Сексуальной.

Проблемы с «Всё есть X» (мысль, политика, язык, Дух, материя)

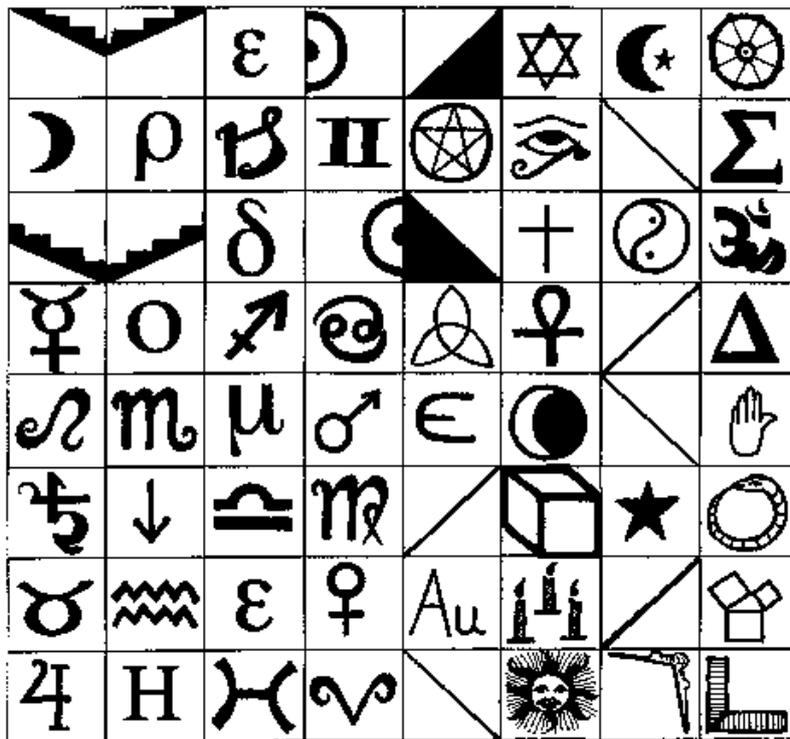
Нечувствительность к тонким различиям.

Объяснительная мощь для конкретных проблем равна 0.

Навязывание миру своих границ мышления.

Невозможно создать металогическую инстанцию, которая будет считывать и удалять ошибки методы.

Что такое символ?

Символ — это распределённая часть себя

- Давайте рассмотрим ситуацию экзистенциальной¹ ценности, чтобы попытаться ответить на вопрос о возможностях генезиса последней. *Представим себе девочку, играющую на улице с котёнком. Внезапно из-за угла резко выворачивает машина, и девочка бросается ей наперерез, чтобы спасти оторопевшего пушистика.*
 - Эгоистическая гипотеза указывает, что девочка идёт на это, чтобы не испытать печали и грусти, которые вызовет смерть котёнка. Она действует во благо себе.
 - Однако в таком случае **странно**, что она подвергает свою жизнь — самое ценное в эгоистической гипотезе — смертельному риску ради чего-то столь преходящего, как это мяукающее существо! Кроме того, переживание форм скорби имплицитно встроено в гипотезу как данность, пусть и центрированную на девочке, но не развёрнутую в возможности переживания.
 - Альтруистическая гипотеза указывает, что девочка может быть настолько *самоотверженна*, что готова пожертвовать жизнью ради любимого животного.
 - В этом же случае **странным** представляется, что мы первым же ходом опрокидываем порядок ценностей (если в мире оказывается вообще что-то, ради чего имеет смысл рисковать жизнью) — но это допускается на основании режима очевидности того, что требуется исследовать! Слово «самоотверженность» столь хорошо всем известно практикой использования, что кажется достаточным для обоснования, однако именно поэтому оно служит скорее жестом исчерпания, нежели траекторией погружения, т.к подразумевает отсутствие вопросов: *а почему для человека есть что-то ценнее собственной жизни? А как этот режим в одних случаях возникает, а в других — исчезает? А...?.. а...?..*
- В принципе, можно было бы привести ещё множество интерпретаций² описанной ситуации, однако практически во всех меня не удовлетворяет то обстоятельство, что:
 - они построены либо как машины порождения универсальных описаний целеполагания (так — две, приведённые выше), но в этом качестве не выдерживают критики, либо — как замкнутые в своей локальности частные случаи,

¹ Здесь я подразумеваю под этим — определяемой смертью.

² Например, что она жила в обществе, где её с детства учили спасать животных, не задумываясь; а ещё один мой знакомый нашёл прекрасную альтернативу первым двум: девочка спасает котёнка, но ей безразличен котёнок: она, прежде всего, ловит ощущение экстремальности!

совершенно не предполагающие возможности обнаружения между собой сложноорганизованных связей ввиду общности области¹;

→ они тяготеют к разрешению проблемы исследования через употребление таких понятий, которые составляют плотное пространство семейных сходств на этико-аксиологическом уровне, однако встречаются со схожими коннотациями и в обыденном употреблении, порождая эффект достаточного обоснования.

- Я понимаю, что любые мысли на эту тему, написанные словами, некоторым образом «незаконны», и это — ещё одна проблема изложения моего восприятия Символа.
- Одна из проблем заключается в том, что, выписывая рациональную траекторию *post factum*, я едва ли делаю понимание Символа более ясным — скорее, обрастая путями рассуждений, в которых он не испытывал необходимости, я переопределяю его в пространстве других текстов и режимов мышления. Я отдаю себе отчёт в том, что это целесообразно, но не собираюсь следовать этому вектору до конца.
- Представление о том, что Символ является фокусировкой, позволяющей взаимодействовать с чем-то, что ранее было неявным, в определённом смысле оправдано — но оно отнюдь не означает, что структура фокуса может быть исчерпывающе описана, и именно из-за того, **что** этот фокус позволяет увидеть. Я попробую.
- Через Символ человек способен осмыслить себя в том, что не является им².
- «Ценности» невозможны. Всё, что «дорого» человеку, «значимо» для него, «важно» — таково исключительно постольку, поскольку всё это *и составляет* распределённое самосознание человека себя вовне.
- Введение Символа позволяет мне увидеть, что аксиологические вопросы об источнике ценностей, о причине существования вещей, которые мы в своей жизни назовём *важными* и т.д., и т.п., — изящно интегрируются инстанцией Я, о ценностях которого идёт речь.
- Если быть точнее, разделения вида «эгоизм/альтруизм» обобщаются элиминацией аксиологической дихотомии «внешнее/внутреннее»: позиция субъекта, который взаимодействует с объектами (а между ними порхают бабочки ценностей этих объектов для субъекта) радикальным образом размывается утверждением, что *«Мной является даже то, что не является мной»*.
- В некотором смысле это можно считать ещё одним этапом деконструкции гносеологического субъекта Просвещения: абсолютность его конфигурации в порядке объектов нивелируется, поскольку, в противном случае, он не существует в мире³

¹ Можно было бы возразить, что общность как таковая отсутствует, а мы введены в заблуждение обобщающим словом «ценность» и подобными (как «самоотверженность»), — однако здесь я апеллирую к тому опыту переживания, который, прежде редукции называния себя, ощущается как целостный во времени. К сожалению, я плохо это прояснил. «*Всё то, что в твоей жизни было важным!*» — я полагаю, это более ярко.

² Я пытаюсь обрабатывать материал чуждыми ему инструментами. Чтобы включить старую языковую игру про «человека» в контекст Символа, я должен разыграть её по её правилам, хотя не согласен с ними.

³ Кантианские мотивы.

— однако, в контексте из пункта утверждения выше, это означает, что объекты во взаимодействии с субъектом становятся его составными частями.

- Видимая странность данного подхода может встретиться в том, что мало кто рассматривает парту, за которой сидит школьник, как его самого, т.е. в режиме их неразличимой слитности — как и высказывание «Я частично воплощён в этой парте».
- Всё, на что бы ни упал мой взор, чего бы ни коснулась моя рука, что бы я ни сделал или что бы ни представило моё воображение — на протяжении всей длительности, собственно, Я — всё это будет Символами, поскольку они являются *рассредоточенным мной*.

-
- Размышляя о Символах, следует умерить философское достоинство: **субъект, объект, мир, единство, множество** и т.д., и т.п. — все эти слова производят ощущение своего рода предельности мышления, вакуумной кристаллизации смысла с нулевым уровнем энтропии, врат в то пространство Мамардашвили, где «мы с ирокезом обнимемся». Очень, очень сомневаюсь.

→ На мой взгляд, режим функционирования философии¹ инкорпорирует в наши порядки мышления ошибочную интеллектуальную интуицию всеобщей ясности (и делимости!) этих понятий, в то время как, *sub specie Symboli*, прежде всего, следует исходить из тех режимов, в которых каждый из участников «философского процесса» осмысляет себя вовне в них.

- Я надеюсь, что эта мысль ясна, но всё же приведу пример: представим себе спор на семинаре по проблеме Абсолюта. Для одного участника за этим словом скрывается нечто совершенное, тотальное, прекрасное, самодостаточное, изначальное, даже не вечновременное и внепространственное; для другого — некий предельный инвариант всех возможных преобразований теорий и смыслов в наш релятивистский век; для третьего — нелепое посягательство классиков на достижения постмодернизма, диссеминировавших всё что можно; для четвёртого — ... Тот же, кстати, пример с инстанцией Бога у Декарта и Паскаля.

→ Символический акцент здесь заключается в том, что эти люди спорят не только и не столько во имя переопределения своих властных позиций в результате обсуждения², сколько — потому что спор идёт о них самих. Слово «Абсолют» для каждого из участников — это их внешнее, обнажённое интеллектуальное (и не только!) тело, они некоторым комплексным эмоциональным, ментальным образом связаны с ним, и, открывая доступ к изменениям этого понятия в ходе дискуссии, они чувствуют, что где-то глубоко внутри изменяются сами.

¹ Прежде всего — как институции, воспроизводящей данное самоназвание во времени.

² Что, однако, имеет место.

- Символом, в том числе, я бы назвал всю *ситуацию связности*, например, человека с этим словом.
- Символичен ли сам Символ? **Для меня — безусловно!**¹ Каждое обращение к нему сопряжено для меня с переживанием внутренней наполненности, связности вещей мира. Я мог бы описать ещё кое-что, если будет интересно.

-
- Таким образом (возвращаясь к линии до первого отчерка), именно потому, что человек распределён в Символах, он *осуществляет связность себя*, а не превращается в нечто, распадающееся в пространстве взаимодействующих объектов.
 - Введение Символа может перекликаться с аксиологическим солипсизмом.
 - Символ, помимо всего прочего, — единственная возможная форма данности человеку его рассредоточенного тела. В частности, поэтому она является невыразимой.
 - Так, я должен удержаться («ФИ» Вигги) от приписывания общности различным состояниям задним числом (ex. «быть ведомым»), в т.ч. «значимости/важности» — но сам тот факт, что я вспомнил это правило (посыл) и он(о) направляет меня **здесь**, уже тем самым показывает нечто, что я вновь называю Символом.
 - Тот, кто начнёт докапываться до слов «Себя», «часть», «переживание» и пр. в разговоре о Символах, может проследовать ещё дальше за Деррида и рассеять всё, что может быть рассеяно — но что дальше? Как правило, это — словесные ухищрения, потому что, читая мир, как текст, читатель (после рассеяния) должен научиться разговаривать и мыслить (в нашем смысле этих слов) — по крайней мере, известные нам практики будут разрушены. Только вот почему-то по окончании дискуссии Деррида покупает продукты, здоровается с друзьями и платит по страховке. А вместе с этим остаётся и Символ как нечто, что он может назвать в своей жизни *важным*².
 - Что изменится для человека, у которого и так было какое-никакое представление о значимости и ценностях, после присвоения оптики Символа, разворачиваемой здесь? Да именно то, что нечто важное снизойдёт из реальности *Sui Generis* в мир Самого Человека, будучи в каждой точке им самим, и ничем и никем более.
 - И наука, и искусство, и религия, и <ещё 3-4 неотрефлектированных классификатора> — все они организуются как системы прежде всего — самоосмысления, поскольку всякое их содержание воплощено в Символах, причём — сразу множества тел.

¹ Особенную, на мой взгляд, опасность, представляет поиск таких инструментов выражения мыслей о нём, которые как можно более тонко раскрывали Символ **«моим»** образом, нежели повинуюсь тому дискурсу, в котором это слово уже существует и употребляется — равно как и тому выхолащивающему эффекту многих философских способов рассмотрения, который я зачастую с сожалением наблюдаю.

² Фраза «Для меня это очень важно!».

- Использование Символа зачастую позволяет мне видеть то измерение, которое сокрыто для людей от них самих: отчётливо представляя, в каких режимах они осмысляют себя вовне, я чувствую дополнительный уровень связи с ними, Их. Так, не обращаясь к ним самим, но изменяя ситуацию, в которую они погружены, представляя элементы в их порядке вещей, погружаясь в их символические ряды и отвечая средствами последних, я ощущаю ритмы жизни этих уровней.
- Символ Бога вызывает моё концептуальное восхищение тем, что он несёт в себе коннотации тотальности и абсолюта, несоизмеримые с самим верующим, — но, весь будучи одной из предельных форм Символа, он позволяет человеку осмыслить себя в чём-то бесконечно превосходящем себя, хотя — он и есть сам верующий. Это всё он, только он.
Я приведу здесь серию примеров для развёртки всего того, о чём идёт речь:
- У ребёнка умерли родители. Что он потерял? *Самого себя.*
 - Выбранный ракурс может показаться несколько искажённым: в свойственных нам формах жизни мы рассматриваем указанную ситуацию как композицию 3-х человеческих существ, каждое из которых производит смыслы, некоторым (частичным) образом автономно и т.д., и т.п. С другой стороны, в аспекте Символического порядка, здесь явствует нота аксиологического солипсизма: ребёнок совершенно естественно мог воспринимать родителей не как автономные источники смыслов, но — как своих рабов / обслуживающие механизмы / некие непонятные стихийные силы, в то время как *родственными, близкими* себе он мог воспринимать деревья в лесу, куда часто убегал, систему городских фонарей и многое другое. Таким образом, смерть родителей представляет для ребёнка потерю ровно в том, что он осмыслял в себе посредством их¹.
- Музыкальная композиция, слушая которую ты целиком отдаёшься ей, растворяешься в мелодии, словах, смысле; она наполняет тебя ею, в этот момент ты живёшь в *моментальном мире*, который пронизан этой музыкой и воплощён в ней. Но — так же и ты наполняешь эту музыку всем своим содержанием, которое выплёскивается в неё и единственно даёт звукам какой-то смысл. Распределённое тело человека ощущает свою связность.
- Какая-нибудь мелочь из долгого периода жизни, в которой тот концентрируется.
 - Можно апеллировать к тому, что пример некорректен, т.к. преимущественную роль здесь играет память. Однако, вдумываясь в контраргумент глубже, нельзя не задаться вопросом, каким образом память как хранилище воспоминаний удерживает в них измерение значимости — особенно, как иногда бывает, если его не было в порядке исходных актов. Прекрасные примеры этого хранятся в детских шкатулках, над которыми потом плачут взрослые²; заколка или книга, оставшиеся от человека, которого больше нет с нами; ка-

¹ Я готов допустить возможность как тех детей, для которых Символы родителей будут пренебрежимо малы, так и тех, которые сами вскоре погибнут, т.к. *их овнешествлённые структуры* умерли в родителях.

² Прекрасный, на мой взгляд, пример — в фильме «Амели» (в самом начале, когда Амели анонимно оставляет одну такую шкатулку в телефонной будке пожилому господину — её владельцу).

кая-нибудь игрушка, которую 20 лет назад тебе дарили друзья, которые сейчас разъехались по всему свету; камушек или местный «артефакт», напоминающий о путешествии¹...

- Когда Я (и даже раньше) ходил в школу, то всегда срезал угол и шёл прямо под окнами своего 9-этажного дома и балконами, пространство между дорогой и которыми занимали очень высокие кусты сирени, жасмина. Этот проход сложно было назвать самым красивым местом среди прочих, и я замедлял шаг изредка: разве что весной, понюхать только что распустившиеся цветы сирени (и обязательно найти хотя бы один с 5-ю лепестками!) или погладить бродячую кошку, если та не убежала. Просветы сквозь переплетения веток оставляли земле ажурные кружева теней.
- Однако позапрошлым летом, решив зайти в школу и рассказать про свои МИФИческие приключения, я увидел, что больше половины маленьких кустиков и даже несколько больших, а также половину вишен, росших сбоку — спилили. А их прежние места засеяли газонной травой. И да, я был рад открывшемуся просвету, и солнцу, которое играло на кончиках каждой травинки — но... В ту же секунду меня переполнило и заставило остановиться удивительное ощущение. Это не было грустью, ностальгией, тихой задумчивостью или ещё одним из постоянно приписываемых эльфам состояний — мгновенный переворот, турбулентный взрыв! Меня сотрясала мелкая дрожь, и чувство времени звенело на кончиках пальцев, и, казалось, изменилось нечто настолько важное, что я даже не способен это выразить или понять². Меня не было — как не было и деревьев, которых теперь не было насовсем, но были другие, и я стоял, парализованный тем, что они были. Переопределение *моментальных состояний*.
- *Совместный бред* в особенно близких режимах человеческого общения.
 - Пользуясь устоявшейся терминологией, я бы сказал, что это ярче всего можно назвать «**моментальными машинами локального дискурса**». Так, когда ты идёшь с друзьями, и один из них говорит: «А там (показывает пальцем на фонарь) *жёлтый розовый слон*», — Второй соглашается: «*Странный какой-то*». Первый продолжает: «*Действительно, почему не улетит? Ему же на поезд пора!*» Ты пытаешься поддержать линию [**удачно**]: «*Так вы думаете, чего он тут сидит — он же билет потерял! Потому и жёлтый*» [**неудачно**]: «*А зачем ему на поезд, если он летать умеет!*» Чувствуете? Чёткая классификация того, какие типы высказываний будут приняты, а какие отвергнуты в этом суперлокальном дискурсе, в формировании которого³ ты не принимал участие, перформативно невозможна! Он воплощает в себе радикально нели-

¹ Во многом символическая механика сувениров работает именно в этих режимах удержания моментов.

² «Реки» Е.Гришковца: когда, в последний день в школе, он забыл что-то в классе и вернулся обратно.

³ Т.к. в его возникновении у твоих друзей вполне могла быть предыстория (и не обязательно логичная!).

нейный тип самоподдерживаемой связности этих людей. Он пребывает *другим образом*.

→ Подобные бредоносные моменты являются чем-то отчётливо бессмысленным, принципиально отторгающим последовательный аналитический механизм — однако тот уровень погружения, который они с собой несут, указывает на огромную работу, которая связывает их с распределёнными телами индивидов¹, на гораздо более глубокий формат общности. Именно поэтому я уверен, что высокоинтеллектуальные разговоры между людьми никогда не являются достаточными для того, чтобы они начали осмыслять себя в Символах друг друга², стали близки: в целом, *сверхбред* кажется мне систематически недооценённым потому, что он — избыточная надстройка неустойчивости, усложняющая систему (что прекрасно!), от которой всегда может быть совершена обратная редукция к ясному в практическом смысле способу суждения. Она придаёт наполненность.

- Сопереживание сюжетным ходам/персонажам произведения.
 - То, что я говорил о книге, завершение текста которой закрывает за собой целый мир, рождая ощущение частичной опустошённости и желания вернуться — всё это связано с тем, что структуры сюжета (в т.ч. — кинематографического) организованы как Символы. Они рожают глубокие эмоции, переживания, мысли, вовлечённость в судьбы персонажей не только потому, что они *напоминают* зрителю/читателю его самого, но потому что он *сам* распределяется, распадается в них (даже если они отличны от него, а иногда — даже именно поэтому), проживает множество жизней с тем, чтобы осмыслить себя заново в совершенно изменённом виде.
 - Этим, в частности, изящно очерчивается спектр явлений фанатизма поп-культуры, когда некий артист (например, известный музыкант) становится объектом чего-то вроде фанатичного поклонения. Столь пристальное внимание к данному артисту обуславливается тем, что он, события его жизни и т.п. становятся символическим телом фаната, который проживает себя вовне себя, овнешествляясь в избранном кумире. К сожалению, зачастую подобные режимы порождения Символов остаются достаточно неразвитыми и в том отношении, что не способствуют при этом «самособиранию» человека.
- Случайная ситуация (в небе, в мыслях, вокруг, с другими людьми), заставляющая человека замереть в экстатическом переживании. В них — чувствуется *биение Жизни*.

¹ Как я тогда говорил про фильм по роману Р.Кено «Зази в метро» (1960) и культуру Франции, которая, как и люди, помимо высших образцов интеллектуализма познаётся и через её бред!

² В моём представлении, осмысление людьми себя друг через друга тем самым допускает эквивалентность преобразований Символических структур: так, фраза «Я считаю, что моя семья — это мои друзья» должна быть прочитана в самом прямом смысле. Это означает, что режимы взаимодействия со своими родителями для данного человека сложились таким образом, что он осмысляет себя не в них, а в друзьях.

- Я волнуюсь, пишу вам, ровно в той степени, в которой средствами вас ожидаю сказать нечто себе самому, *только себе*: так, я бываю не согласен с вашими мыслями, но внимание должно фокусироваться не на глаголе, а на последнем слове — «мысли», вот что **интересно!** Это означает, что я уже воспринимаю ваши *слова* не как бессвязный бред, а это ничего не говорит о вас, но — обо мне.

Промежуточная заметка

...Ты идёшь по улице, поздняя ночь, мыслям в голове свежо так же, как воздуху — обдывать твоё лицо и волосы. Ты запрыгиваешь на рельсы, благо трамваи в это время никогда не ходят, и смотришь вперёд, где, в свете оранжевых фонарей, параллели рельсов на земле и параллельные им и друг другу линии проводов выше головы сходятся в неясную точку, в геометрическую перспективу, которой всё равно не видно, но которую почему-то обещают фонари. И в этот момент меня наполняет переживание того, что вся зачарованность, вся красота ситуации, заставляющая меня остановиться и всматриваться, вживаться в эту геометрию ночи, всё удивление и восторг, которые она вызывает таким чудесным вечером — всё это исходит изнутри Меня, Я являюсь источником, гарантом и единственным возможным центром мира и того, что он вообще может оказываться красивым. («Красота в глазах смотрящего» — хотя я скажу другими словами.) Кульминируя, это ощущение охватывает всё, абсолютно всё, в отношении чего я хоть что-то испытываю — что казалось когда-либо интересным, опасным, скучным, замечательным, глупым, что заставляло волноваться, что попадало в поле моего зрения, чего касались мои пальцы, что не отпускало мысли весь день — одним словом, я говорю уже не о вещах, объектах, предметах и прочем, но о ценности, которую понимаю как Символ, о наполнении мира С собой изнутри него...

То, что я написал в предыдущем абзаце, не должно прочитываться вами как сколько-нибудь выстроенная система аналитических различий! Я попытался — рвано и скомканно, с остатками пульсирующих органов — поделиться тем переживанием, которое является внутренним глубинным потоком, в котором все мои рассуждения о Символе кажутся мне не очередными словами на бумаге (а такое тоже бывает, и в такие моменты я чувствую свою мысль слабой в том смысле, что философия не оказывается жизнью, чего я от неё жду и что делаю). Это — то, что ведёт мелодии моих заметок, то, что они отчаянно хотят выразить.

Зарисовки антрополога

Один мой знакомый, отличающийся не самой большой глубиной самоанализа, но — огромным количеством совершенно дешёвого, *попсового оккультизма*, эклектично «впитанного» из весьма различных источников и представляющего пёстрое несуразное нагромождение¹, пару недель назад в нашу последнюю встречу настолько сильно раздражал

¹ В качестве примеров: очень поверхностные переходы по семейным сходствам — семицветной ауры в чакры, чакр — в соционику (соционические типы); болтовня про магию камней (малахит, жеодит и пр.), гравировка магических рун на них, гравировка рун на дощечках, гадание на выкидываемых из мешка деревянных

меня рассказом о том, «что из-за его амулета, помытого в речке, куда впадает вода из озера, рядом с которым расположено кладбище, к нему домой ночью пришли призраки, переполошили половину посуды, братались и знакомились, а ещё заглянул призрак покойной бабушки, в доме которой (~Мытищи, Перловка) всё это и происходило...», что я не мог выкинуть из головы его слова, мысленно разъедая их кислотой своего скепсиса — пока неожиданно не произошло переопределение и я не почувствовал себя Антропологом.

Философским антропологом.

Я имею в виду следующее: когда он выкинул руны, чтобы посмотреть, ждёт ли его успех в одном из дел, о котором мы говорили, я в очередной раз решил подыграть ему в этом во всём и предложил для храбрости (а руны требовали в том начинании и её) вырезать амулет, заряжающий храбростью¹. И, прислушиваясь к тому, с какой деловитой продуманностью и собранностью мой знакомый начал проговаривать свои возможности «наложить заклинания», «найти нужные руны» и т.п., я внезапно *щелчок!* увидел в происходящем пример Символа, который всё время был перед глазами.

Тело переживания этого человека разомкнуто и выходит за биологические пределы². Это — совершенно ясно в том, что происходит. Он работает с амулетами, рунами, камнями и т.п. — и все они являются его внешними органами, его способами осмысления себя вовне. Если что-то происходит с ними — он чувствует это в отношении себя: если камень треснул — его ждёт беда, если руна начерчена криво — духи руны его накажут, если амулет сделан хорошо — ему будет удача. Вот, вот в каком смысле я понимаю пример социологии Мосса про «aborигенов, осмысляющих себя в символах своего тотема»: если в этом году в лесах стало меньше медведей или кто-то случайно подстрелил медведя и т.п. — племя переживает это как случившееся с ним, с племенем!³

Это, и в первую очередь это, интересует меня в плане Символа — миль пардон, какого чёрта?! Красивый камень, какая-то загогулина и медный талисман на верёвочке способны сделать этого человека несчастным или, напротив, с улыбкой смотреть в будущее — и, точно таким же образом, в моей собственной жизни обнаруживаются сотни следов овнешествлений, происходящих схожим образом, но с другими вещами (которые тоже были бы восприняты как «просто книги, пожухлые осенние листья и дурацкие облака» со стороны). Именно поэтому я и говорю о телесности этих переживаний, как боль руки кажется

рунах, цыганско-герменевтическое в своей дикости толкование выпавшего, вырезание рун на деревянном посохе, висящая под люстрой гипсовая черепушка и т.д., и т.п.

¹ По тону, с каким я всё это описываю, может показаться, что я какой-то непримиримый Фрэзер и нет на меня Вигги, чтобы написать про адекватность ритуалов туземцев их формам жизни. Нет, это не вполне верно: в данном случае проблема ещё и в моей эстетической антипатии к тому, как происходит это смешение ритуалов, насколько плоски его (этого человека) заимствования, как грубо идут стежки и т.п. В этом совсем не просматривается ни достоинства Высших Эд (которые он упоминает), ни ощущения мистического по отношению к потустороннему миру — всё это в его устах звучит шаблонно и обыденно. Одним словом, моя позиция здесь во многом определяется отношением к самому носителю этих представлений.

² Наиболее близкой к этому будет аналогия пёсopodobных существ Синглетов из романа Вернона Винджа «Пламя над бездной», которые существовали приблизительно впятером, и замена одного из этой пятёрки была равноценна изменению модуля личности, которую они суммарно образовывали.

³ Меня, правда, не устраивает здесь «тотем в тотеме» — племя ничем не лучше медведя: я не могу допустить свободное хождение утверждений о социальных общностях, пока не станет яснее, как «всё племя» осмысляет себя в медведе из символических осмыслений отдельных людей, составляющих его.

нам собственной (в том смысле, в котором и употребляется это слово) — так и ситуации, в которых в режиме *очевидности* изменение внешнего положения дел (вещи в комнате, чьи-то слова, пейзаж или поступок) способно затронуть тебя, организованы как распределённые органы того, что и можно называть собой. Вот так они обретают важность.

Но я ещё не закончил, пример ещё более интересен, здесь я просто напомнил вам пару общих тональностей и старых мыслей. Особый интерес у меня вызвало то, что именно в силу *доверия* происходящему, как мы доверяем своей ноге, делающей следующий шаг, этот человек тотчас же согласился делать «амулет храбрости», прикидывая, что может быть для него пригодным — и это было апофеозом, самой выразительной манифестацией Символа, как выразительна ударная волна взрыва термоядерной бомбы.

«Амулет храбрости», рассмотренный в более общей перспективе, показывает, что самые общие характеристики моего знакомого как личности могут быть таким магическим образом ритуально экстериоризированы, понимаете? Он может написать заклинание на улучшение памяти, может сделать себе железную волю (из какого-нибудь очередного кладбищенского железа), стальные нервы и блестящую харизму — стоит лишь найти нужные стихии и призвать к ним. Присмотритесь к тому, что происходит: он вынимает себя из Себя, разбирает себя снаружи — и пересобирает заново по частям! Доверие есть одна из необходимых связующих форм, поддерживающих тело символического переживания (поэтому-то тело чистого наблюдателя несоразмерно никому) — и что при этом происходит: он вынимает из Себя «слабую» храбрость, пропускает через, допустим, орган усиления, помещённый в руну, начертанную на хризолите, который он носит в кармане — и действительно становится храбрее, действует более смело, не боится и не стесняется больше. Это позволяет ему перестраивать самого себя по сегментам — посредством переживания себя за пределами себя! Откуда в камне, на котором появилась загогулина, храбрость? Она всегда там потенциально была? Или всё обстоит ещё более хитрым образом? Нет, без моего знакомого этот камень — просто камень, продающийся в лавке отходов от производства ювелирных материалов, 40 рублей за 100 грамм шлака аметистов и т.п. Но как только происходит сакрализация, этот камень теперь — то, через что исполнитель ритуала думает о себе самом: он наполняется важностью, наполняется смыслом, и, потеряв его, он будет горевать, потому что исчезнет часть его самого, отелесненная камнем (аналогия с примером про возможность скорби от смерти близких друзей из первого письма).

Для меня наиболее интригующим здесь является то, что и мистическое, и результат, и всё остальное — вся эта удивительная симфония исполнялась исключительно в нём самом: и не только в сознании, сколь бы многомерным ни был, по Мамардашвили, этот феномен, сколько во всём, что этот человек собой представлял. «Эффективность символа» в его словах звучала бы как «почему магия сработала», а в моих «как он произвёл переопределение себя?». И, если честно, доведённый до ума способ подобной перестройки показывал бы фантастические способности преобразования себя таким образом.

Резонанс Мамардашвили

И, в завершение столь обширного наброска, не могу не обратиться к тому фрагменту из «**Необходимости себя**» Мамардашвили, глава «**Полнота бытия и Собранный субъект**», внутренняя близость которой показалась мне ещё тогда завораживающе-достойной восхищения. Опять же, посмотрим на неё глазами уже раскрытого контекста ранее.

«Скажем, знакомая вам, очевидно, фраза: “**пребыть раз и навсегда, целиком, полностью свершиться**”. <...> Познать самого себя означает — задать себя целиком во всём том, что ты есть, но чего ты не видишь. <...> **Держите в голове полноту бытия. Полнота бытия** — вот что имеет отношение ко мне, рассыпанное, как в осколках зеркал. Мы отражены в тысячах зеркал, которые не собираем, хотя эти отражения и есть мы. Все движение Эдипа есть собирание “снимков” с осколков зеркал. Он собирает себя, чтобы пребыть в каком-то поступке. <...> Так как же собрать то, что есть я и одновременно **всё**, что ускользает от меня, распадается в тысяче осколков зеркал? — Пребыть целиком. <...> И вот возникает идея таких актов, таких состояний человека, которые являются собиранием себя в точке, целиком, когда ты уже не зависишь от того, как что-то сцепится, — ты собрался. Это собранное и называется “полнотой бытия”. Это собранное и есть философский идеал мудрости, первичная философия. И, одновременно — **свобода**. <...> Ты пытаешься изменить какие-то конкретные поступки, не изменив своей натуры. Но ведь чтобы изменить натуру, надо в неё заглянуть. А ты ещё не заглянул в неё. И, следовательно, снова во власти чего? — Во власти судьбы. Или во власти того, что я называю натуральным сцеплением событий. Тиран снова погибнет. Не поможет ему новый, более умный расчёт. Вот такая совокупность вещей, проблем, состояний задана внутренним понятием философии, а именно — символом “полноты бытия”. Или — “пребывания”, собравшись целиком».

Это — **прекрасно** сказано о распределённом теле человека!¹ Достаточно бегло, достаточно литературно — поэтому я не буду слишком детально останавливаться на данном фрагменте помимо того, как многогранно он выражает «ощущение» собирания себя. Его стоит прочесть здесь не как концептуальный анализ, но как стремление постоянно совершать ошибки в разыгрывании языковых игр, чтобы нечто невыразимое могло быть передано. Единственное, с чем бы я не согласился², так это с удалённой фразой «**знание об Эдипе, которое Эдип не знает, но которое есть в бытии**», — достаточно выхолощенной. Бытие совершенно неуместно. Напротив, нет никакого заведомого «знания», пусть даже и являющегося рассыпанными зеркалами, — вся символическая механика построена таким образом, что открытие для себя себя вовне, развёртывание внутренней связности (т.к. сторонние события и вещи оказываются частью тебя самого) — они необходимо **наполнены**, в то время как в бытии, которое не связано с субъектом, полнота отсутствует. «Полнота бытия» вообще никак не должна быть отнесена к классическому понимаю бытия, коль скоро она — Символ! Само это словосочетание может вызвать переворачивающее, яркое

¹ Символы — кровеносная система, насыщающая кислородом распределённое тело и дающая жизнь.

² Можно было бы ещё уточнять «натуральное сцепление событий» (хотя тоже хочется провести различие), но я лучше сначала почитаю «**Психологическую топологию пути**» и продолжу соотносить Символ здесь и у Мамардашвили после.

внутреннее переживание даже, если честно, вне интеллектуального режима взаимодействия с ней.

Вообще, фигура Мамардашвили кажется мне очень важной для прояснения актов воссоединения овнешествлённого себя в катарсисе культурных ситуаций, как и в целом вопроса о связи Символа и катарсиса (например, что я писал о музыке в начале текста). Переживание чего-либо вовне себя, что становится тобой настолько, что способно излечить глубокие личные травмы или совершенно изменить текущую жизнь — нами постоянно проживаемое состояние, которое я попытался выразить через примеры экстатических моментов и ощущений.

Надеюсь, на этот раз у меня получилось немного лучше.

Post Postum

Ага! И снова здравствуйте.

Символ — (не определение, но касание) — распределённая часть переживания меня за пределами себя. Исключительно потому, что я живу множеством тел, нечто способно быть важным. Я истекаю ими (но это вовсе не значит, что я способен управлять всем, что происходит: попробуйте без подготовки усилием сокращать внутренние гладкие мышцы сердца или желудка — однако об этом отдельно и потом). А сейчас — я вернусь к вам. Или, точнее, вернусь к Себе — потому что я никогда и не уходил отсюда. Всё происходит прямо здесь: и возможность ваших слов огорчить или обрадовать меня есть форма переживания мною распределённого тела Себя, частью которого оказываетесь вы, если — или потому что — это верно! Я осмысляю, переживаю нечто о себе *вами*, коль скоро резонанс случился — но у этого «вы» нет *внешнего*, оно имеет смысл для меня лишь как то, что уже является мной. И это значит, что вами я хочу сказать нечто Себе о самом себе, а вот это — куда интереснее.

Если умрёт близкий мне человек, несмотря на внешн(е/о)сть смерти, это Я (отчасти) перестану *понимать*, на кончиках пальцев, кто я такой. Вот что важно. Исчезнет часть меня, которая была в нём, и я перестану жить этим, и тело будет перестраиваться, залечивая раны, и будет нечто другое. И будет утро, и вечер, и снова утро.

<...>

Всё, каждая строчка, каждое слово, которое я пишу о Символе, меняют меня изнутри. Они проносятся, как ураган, как конструктивный шторм, собирающий ДНК самолётов на задних двориках, — такие мысли говорят мне нечто о Себе столь предельно и чисто, что — обратно — остальное — более *не в состоянии* остаться прежним. Это как цепная реакция, как переохлаждённая вода, которая моментально становится *кристаллом*, от единственного макового зёрнышка — тонкие ледяные иглы вырастают во все стороны, на глазах, создавая новые формы и смыслы.

Поэтому, если я напишу глупость или ложь, это следует исторгнуть как Символ, лишить это важности (жалкий клочок бумаги!), — потому что оно было написано *плохо*.

То, что Символ оказывается описываемым мной, не в силах запереть его в букве (письме? — letter). Он — нечто, что *исполняется* самой моей жизнью, это и есть *сама* жизнь, её форма, жизнь чем-то — мягким креслом в кафе с льющимся с потолка джазом, в ночной поездке на машине с сотнями историй в дороге, безумным смехом на границах рассудка, невероятно красивыми переливами заката или случайной вспышкой человеческого те(п)ла в метро. Но если всё уже «удивительно и прекрасно», почему же я всё равно пишу?

Да потому, что в Символе я нахожу размыкание — тех важностей и смыслов, которые смыкаются вокруг, *как будто снаружи*, мешая осознать и почувствовать себя внутри и за пределами себя — одновременно. Проще? Слова действительно могут быть заклинаниями — тогда, когда они *действуют*. Но их чары, их зачаровывание направленно не на мир, а на чародея — с тем, чтобы он вновь открывал своё всемогущество, беспредельное внутреннее, то самое, смыслы которого оживляют мир, — что бы им ни было. Слова языка, построенные правильно (забудь о правилах, слушай музыку консонансов и обертонов), помогают говорящему *вспомнить*, как менять мир — он верит словам, и *действует* так, как если бы они стояли рядом с ним и гарантировали что-то, — в то время как они открывают ему его, ничего более — но и не менее.

Поэтому, если я пишу о Символе в автобусе или на ходу нечто, хитроумно комбинируя слова (как этим зачастую страдают схоласты) — я пишу это не о Символе. Это какой-то текст, который потом оказывается мне неинтересен и даже по-своему противен. Он ничего не изменил в моей жизни, он не сработал, он умер выкидышем; то, что всё же оживает — *пробуждается*.

Notes of Integrius

1

Голуби — это маленькие люди.

Они деловито воркуют друг с другом и с не менее серьёзным видом клюют крошки. Камушки. Мусор. Ботинки.

Электрички подъезжают к платформе «утопленными» где-то на уровне голов маленьких пернатых людей и поясов больших, беспёрых (с мягкой мочкой уха). Это позволяет совершать своего рода Латуровскую работу медиации, создавая моментальные распадающиеся гибриды разума.

Фигуры из проводов-связок между их линейными собратьями повторяются... Незаметно для себя представляешь, что они — неизвестный алфавит, и на нём для мира людей от мира машин (а вот и работа очищения!) написано нечто жизненно-важное.

Думаю, Лэйн знает, о чём я.

...Билет сегодня не проверяли. А знакомый сказал, что даже если перед ним не турникет, но высокие, прозрачные «лопасти», он всё равно едет без билета, пристраиваясь вслед за входящими. А в метро в единицу времени через турникеты ничтоже сумняшеся перепрыгивают даже чаще, чем роняют книги в «Фаланстере»...

Одни люди регулярно разрабатывают и внедряют всё более разветвлённые системы контроля, в то время как другие не менее регулярно нейтрализуют эффекты последних. В идеале система контроля должна быть построена так, чтобы нежелательный результат был исключён невозможностью выполнения, — но на всякий идеал (кроме, наверное, идеалов колец в абстрактной алгебре) найдётся своя ограничительная теорема: так, идентификация по сетчатке глаза на порядки совершеннее той же для подушечки пальца, однако для обеих алгоритмически верно, что точность распознавания прямо пропорциональна количеству ошибочных отказов. Думаю, даже квантовый алгоритм шифрования Шора окажется преодолим — но не столько на самом криптографическом уровне, сколько в архитектуре исполнения, которая может быть нарушена, или в практическом аспекте той технологии, в которой он будет воплощён.

Следующим шагом в этой дорожке в мой разум приходит мысль о контроле над разумом. Впрочем, как вариант в виде наноразмерной сети нейронного подчинения вызывает ощущение недостаточности (техника детерминирует людей, но другие люди детерминировали технику, оставляя лазейку самим этим фактом), так и альтернатива социума, через символическое насилие кодифицировавшего навсегда каждый тип действий, даже оплату проезда, кажется невыполнимым из-за флуктуаций на уровне опыта и форм жизни («Пиастры! Пиастры!» — кричит попугай. «Медиация! Медиация!» — кричит Латур. «Ваша Конституция никогда не работала, эти ваши варианты не отличаются ничем, кроме длины сетей!»)

И тогда, пикируя на следы своих предшественниц с неба, в голову залетает идея о том, что, взглянув на неполноту управления и неустойчивость системы детерминаций во времени не как на проблему, но — как на исходное положение, паноптикум перестраивается, вызывая к жизни новые типы связей и объектов в их пересечениях. На первый взгляд, сложно представить регулярную оплату билета при нелинейном контроле — однако фокус заключается в переопределении самой *регулярности*.

LW: «...§141. Начиная *верить* чему-то, мы верим не единичному предложению, а целой системе предложений. (Этот свет постепенно осеняет всё в целом.) §142. И очевидной для меня делается не единичная аксиома, а система, в которой следствия и посылки *взаимно поддерживают друг друга*...»

Даже если нечто подобное и не будет воплощено на практике, интересно хотя бы попытаться представить это себе. Потому что это сложно. Очень сложно.

И, пожалуй, чертовски похоже на нашу жизнь.

*...О, а вот и последняя станция!
До следующей встречи.*

Как сказал чародей Тимоти, «Оставайтесь очарованными».

2

Вспомним немного Осень, раз уж она подвела под собой широкую белую черту.

*

Если листва — одежда деревьев, то почему бы и человеческой одежде не побывать листвой? Представьте, что на людях растут её бутоны, которые распускаются по весне, стеблями брюк, листьями рубашек и лепестками пуговиц охватывая ствол тела. Всё исполнено яркости и красок — в то время как к осени в цветовой гамме превалируют ноты собственного достоинства; созревают плоды вещей. А когда начинается октябрь и ветер срывает листву с деревьев, с людьми происходит то же самое — и, один за другим, в небо улетают куртки и свитера, водолазки и блузки, джинсы и лапсердаки... Как в цикле статичных фотографий о смене времён года.

И человек засыпает на зиму, голый, в своей последней причудливой позе. До новой коллекции листвы.

*

Хотя кто сказал, что осенние деревья облетают? О, нет! Как краски, их листья будут стекать с ветвей на землю множеством тонких струй и потоков. Октябрьские сталактиты. Медленные, пёстрые водолистопады цветов сыра, печёного мяса, сладкого перца и апельсина. Присядь под ними в последний из тёплых солнечных дней, это очень красиво.

*

А идя как-то ночью мимо канализационных люков, ты, засмотревшись на поднимающиеся ввысь реки подземного пара, представляешь, что это кроны деревьев состоят из колышущихся клубов тумана/мглы/дымки — в то время как из-под земли сквозь решётки слива летят тысячи, сотни тысяч сухих осенних листьев.

Иногда их поток задевает эфемерные чертоги крон, но те лишь качают ветвями, прогоняя непонятных гостей. И листья проходят сквозь дымку, не задерживаясь.

Листья летят к небу.

...Впрочем, на заснеженной земле ещё остаются мысли, которые едва ли собираются погружаться в криогенный сон: на горизонте нарастает лавина, несущая глубокий низкий гул.

В пиратской версии компьютерной игры «**Might & Magic VIII**» есть один любопытный сбой: в сундуке, только что полностью вычищенном на предмет содержимого, при втором открытии в углу возникли посох и кожаный доспех. Причём так было не раз — но далеко не с каждым сундуком, а иногда другие вещи возникали и дважды. Казалось, такая ошибка скриптов не запомнится надолго — но, как это бывает в философии...

LW: «...§134. Положив книгу в ящик, я предполагаю, что она там, внутри, если не... “Опыт всегда подтверждает, что я прав. Не засвидетельствовано по-настоящему ни одного случая, чтобы книга (просто) исчезла”. Часто бывало, что книгу мы так никогда и не отыскивали, хотя думали, что наверно знаем, где она. — Однако опыт всё же действительно учит, скажем, тому, что книга не исчезает. (Например, она не может постепенно испариться.) — Но опыт ли с книгами и т. д. заставляет нас предположить, что книга не исчезла? Ну, а допустим, мы обнаружили бы, что при определённых новых обстоятельствах книги исчезают, — разве мы бы не изменили тогда своё предположение? Можно ли отрицать воздействие опыта на нашу систему предположений?...»

Погрузитесь в это тонкое ощущение, когда представления о реальности и/или достоверности совершают инверсию!

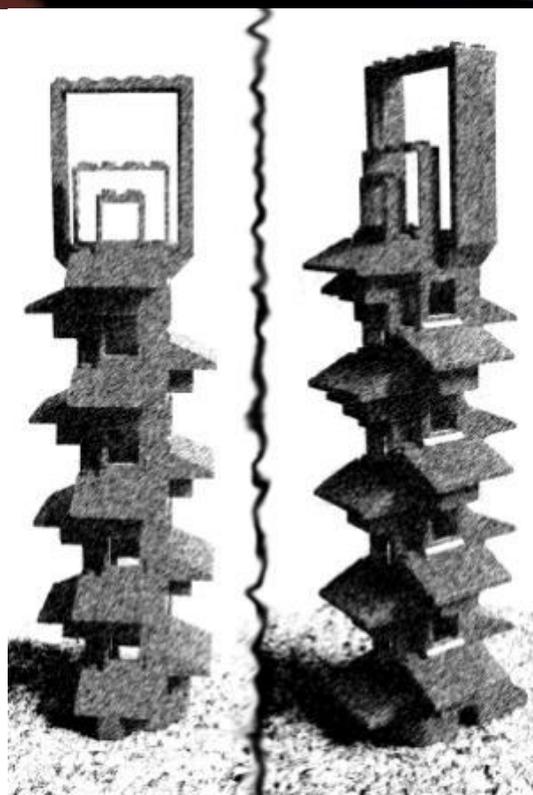
Вы когда-нибудь находили у себя вещь, которую выкинули? «Значит, вы забыли о том, что **не** выкидывали её». А если вы всё же выкидывали, а она возникла снова? Подумайте, сколь многое перестроилось бы в восприятии мира из-за этого безобидного положения! Изменение коснулось бы самых основ форм жизни и включённых в них практик — только ещё вопрос, смогли бы они сочетаться с уже существующими?

LW: «...§15. <...> Это походило бы на то, как кто-то искал бы в комнате какой-то предмет так: выдвигая ящик и не находя искомого, он бы снова его закрывал и, подождя, опять открывал, чтобы посмотреть, не появилось ли там что-нибудь, и продолжал в том же духе. Он ещё не научился искать. <...>...»

...А что, если всё-таки научился?

Просто он знает, что на самом деле ложки — нет.

3

Я создал трёхглазого неевклидового супербога, и все стали ему поклоняться.

Из ненужных и странных частей, остающихся в конце деталей складывается чудовищный артефакт невиданной силы (например, Машина Басилеуса).

Женщина с пропеллером и кустом на голове повелевает двутелым безглавым киборгом на колёсах.

Думаю, вы уже догадались, о чём пойдёт речь {и в этот момент должны были бы самораскрываться фотографии, но — статический режим предметности доски! — они уже проспойлерили интригу} — конечно о LEGO.

«Настроение на LEGO» — случайность, развёртывание которой способно поглотить n дней, где $n \sim$ объёму V_L доступного конструктора а n , разумеется, принадлежит иррациональным числам, ибо какой рациональный ум способен обнаружить себя на ковре за возведением порталов во дворе дворца? Если вам это знакомо — понимание придёт само, если же нет — мне хотелось бы просто поделиться.

...Когда ты делаешь маленькую колонну — она кажется стабильной и неколебимой; когда остов Вавилона возносится до потолка, он — сама хрупкость, раскачиваемая от прикосновения пальца. Но план прочерчен, и башня должна коснуться побелки небесного свода квартиры, и ты пробуешь разные регулярные каркасы, один за другим: четвёрку и две двойки — псевдосимметрично по бокам, четыре четвёрки (или четыре тройки и две двойки) — по полному квадрату, две четвёрки — крест-накрест...

И тогда молния аналогии озаряет тучи горизонта интерпретаций.

Фомальгаут, LEGO — это воплощённый Сопромат («Сопротивление материалов»), тот самый Сопромат, который ужасает каждого второго студента физико-технического профиля! Выхолощенные, чистые в своей абстрактности уравнения деформаций при плоском и объёмном напряжённых состояниях (обобщённый закон Гука), интенсивности сплошной нагрузки, формула Эйлера для критической силы (и слегка изогнутого стержня) — вот они, лежащие передо мной и наполняющиеся жизнью каждым сцеплением LEGOTM с ему подобным. **Вот** почему ребро жёсткости несущей конструкции требует если не симметрии, то устойчивой плотности псевдосимметрии (башня заваливается набок), **вот** почему центр тяжести очень сложно стабилизировать (разные блоки и площадки разной длины и формы), **вот** почему вертикаль нестабильна $\sim h \uparrow$ (масса раскачивается по всей увеличивающейся длине, колебания затухают медленнее)! Чёрт, до чего же это прекрасно и наполнено смыслом! Почему только студентам не дают сей конструктор для работы на семинарах, всё ведь стало бы намного яснее...

Вспышка. А вот и молекулярная физика (привет, заигрывания Дрексерианских машин с силами Ван-дер-Ваальса) — атомарные LEGO-блоки крепки настолько, что подчас их сложно оторвать друг от друга, но молекулярные цепи разрушаются от малейшего возмущения (распадаясь, в свою очередь, на исходные атомы, чья энергия связи куда выше) — чем они макроскопичнее, тем больше гравитация вступает в силу...

Вспышка. А вот и Галилей, чьи персонажи бродят по знаменитому венецианскому Арсеналу, обсуждая, почему разваливаются большие корабли, сделанные по точным пропорциям миниатюр, и может ли гений математика превзойти навык мастера-корабеля.

Нет, господа, Галилео «основополагает» Сопромат не в извращённом желании заслужить проклятия потомков-студизусов. Он ищет ответ на самые трепещущие вызовы нового миропорядка науки, разворачивающегося в сердце Ренессанса. Он обращается к архитекторам, строителям, профессорам своего времени теми словами, которые способны *сдвигать вещи*. **Вот** она — кровь, питающая отвлечённые, на первый взгляд, исчисления: каждой строкой те воплощаются — в потолочной балке или куполе храма.

Вспышка... Но сейчас это не беглая вереница образов — а трещины ослепительного света, расползающиеся по корпусу философских текстов. И Взрыв, и *формы жизни* манифестируют себя в разлетающихся осколках, сбрасывая последнюю скорлупу отчуждённости: каждый, даже самый сложный и непонятный философский пассаж *всегда* может быть прояснён, погружаясь в калейдоскоп течения жизни, откуда был извлечён мышцей языка или сухожилиями кисти руки. Если нет — я отказываюсь называть это — философией. Всё, что кажется высохшей мумией спекуляции, способно познать себя в этих строчках, этом LEGO, этом коридоре 3-го этажа, осенних листьях снаружи, вершинах гор, артишоках, детях и ствольных клетках (спасибо, Серр).

LW: «Давайте перестанем нести трансцендентальную чепуху, когда всё просто, как удар в челюсть».

Только чувство сопричастности жизни диктует мне эти заметки, только оно. И если LEGO дарит рождение *переживанию* формул, кроме книги «Философия дружбы» (и «Философия насилия», обе по 290 Р в «Фаланстере»), есть ещё — **дружба**, которая пробуждает мысли от книжного (дискурсивного?) сна.

Поэтому (или нет?), если вы решили строить LEGO-башню до потолка, — стройте, я прошу вас! Иначе... Зазор — в одну, всего лишь одну ладонь. Зазор между искренностью и мыслями, между философией и жизнью. Не оставляйте его.

Пребывайте «здесь и сейчас», на платформу 9¾: пребыть целиком означает довериться. Доверяйте друг другу, это же так просто.

Я доверяю тебе всё это, случайный читатель.

Да пребудет с тобой LEGO.

Евгений Интер

(Вос)производство личности (Re)producing personality

С благодарностью Максиму,
отдерридившему «личность» в сетях письма —
за встречу, где рождались достойные мысли.

...

Попробуйте пережить в памяти
Нечто, бывшее важным вчера.
Вопрос, не дававший покоя 5 лет назад.
Друга, видеться с которым получается редко.
Подготовку к первой курсовой работе.
Самый приятный запах.
Несколько коротких сюжетов из детства.
Школьные уроки биологии.
Блеск солнечной ряби на воде.
Вспоминающуюся первой ссору с кем-нибудь.

...

Некоторые тусклые, выцветшие; другие — напротив, контрастные, выпуклые, сверкающие; третьи — проплывающие рядом, обозримые, но ускользающие от погружения: эти и подобные им моменты памяти переживанием организуются вокруг оси, относительно которой и распознаются как воспоминания.

Я назову такую ось *личностью*¹, коль скоро жест, различающий гносеологических субъектов Просвещения, совершается в жизненном мире [Lebenswelt [27]]. Указанный способ разыгрывания языковой игры со словом «личность» как ограничивает область исследования, так и расширяет её — работа с уже существующими играми (например, представленными в «Теориях личности» [34] или «Персональности» [21]), образующими с данной семейные сходства [7, §67], неизбежна в силу имеющегося словоупотребления «личности», но не центральна. Чем же полезен выбранный выше ракурс, чтобы начать именно с него, я покажу далее.

¹ Ось связности самоузнавания, событийное тело переживания себя.

Поскольку большинству читателей этой статьи переживание себя как связного себя в различных периодах жизни и её состояниях, по крайней мере, знакомо, интерес исследования сходится в фокусе уже на перспективу, обратную данной; так, наряду с непрерывностью личности, имеют место и моменты ощущения рассеяния, когда ты в детстве или в школе или всего год назад кажешься чуж^(Abi/и)м, несоизмеримым с собой теперь, причём серией последовательных уточнений *такая* память о прошлом себе может быть восстановлена, но не пережита (в т.ч. косвенным образом — *ex.*, ностальгия).

Иногда даже события прошедших недель или выходных, к примеру, исполненные радости, волнения, сокрушения и восторга при обращении к ним сейчас выглядят пустыми и по-своему исключёнными из вращения вокруг столпа личности: когда мы не можем понять, как *эта* книга казалась тогда столь интересной; как в *этой* ситуации получилось повести себя *таким* образом; какими глазами я видел *этого* человека, что он представлялся *таким*, в то время когда я вижу теперь, что он совершенно иной? Пусть и не занимающие всё внимание, такие ситуации, тем не менее, тоже различимы в жизненном калейдоскопе.

Однако когда частота подобных структурных лакун стремительно возрастает, за этим следует чувство неясной убеждённости, что *личность* в целом может быть диссеминирована так, чтобы слова о её смене были легитимны каждый день: в том смысле, в котором ряд непрерывно переплетающихся ранее траекторий образует теперь множество отрезков *сегментированных* форм переживания себя — автономных хотя и не полностью, но максимально дистанцированных от внутренней $co^{(Pa/и)}$ змер^(H/им)ости.

В то же время, едва будучи предпринятым, этот демарш тотчас же тормозится сложным каскадом серий цепных эффектов, обнаруживающих себя как циклопическая механика (вос)производства личности, как её распределённая внешняя система жизнеобеспечения¹ — уже сам дискурс «личности» претендует на превращение таковой из относительно устойчивой оси во вздымающуюся твердыню смотровой башни паноптикума, выступающую дисциплинарным гарантом связности состояний индивида в самого индивида [ср. 31, гл. III], и, при покушении на эту персональность [person(ality)], манифестация дискурсивной работы становится наиболее обозримой: более того, в определённом смысле — практически вскрытой [8].

(Вос)производство представления о «личности» для того, чтобы оно эффективно использовалось мной², как это будет показано, изоморфно Латуровским агентным сетям производства достоверности [15] — особенно в аспектах работы очищения (по размежеванию таких гарантируемых «конституцией Нового Времени» [15, гл. II] автономий, как наука [природа] и социальное [политика]) и выведения из поля зрения гибридов этих областей, создаваемых в непрерывном сокрытии по мере **роста сетей**. Схождение [convergence] личности в языке, социуме и *природном* демонстрирует как саму механику,

¹ В (само)организации личности — аналог принципа ле Шателье: «если на систему, находящуюся в равновесии, воздействовать извне, изменяя какое-нибудь из условий, то равновесие смещается таким образом, чтобы компенсировать изменение» [Ex: обратная индукция тока при внесении проводника в катушку, перераспределение концентраций веществ при изменении t°C, запускающее обратную реакцию].

² Инстанция «я» в настоящей работе проблематизируется в контексте основной темы (позже), в кластере семейных сходств. Здесь же стоит отметить, что если «личность» близка «персональности», то «я» являет себя самоузнаванием не переживаний друг в друге (что результирует как ось), но — самой оси; при сегментировании самоидентификация Я лишь умножается, причём неперекрывающимся образом.

(вос)производящую конструкцию «личности» в виде оси связного самоузнавания¹, так и гибридность описываемых процессов.

В заключении же, несмотря на исполненное как серию набросков исследование, я представлю возможн^(bie/ости) траектории дезинтеграции (вос)производимых целостными личностей с тем, чтобы сегментированный *modus operandi* самоидентификации в формах жизни с агрессивными для него средами оказался относительно *органичен* — сохраняя своё рассеяние как неустойчиво равновесное → жизнеспособное ← состояние².

Прежде всего, гибридность мануфактур выше обязана автокаталитичности их связей, исключаящей причинно-следственную иерархию (вос)производств. Отсутствие определённых зон мозга превращает плавное вращение оси самоузнавания в прерывистую раскадровку событий с разрушенной связностью, в одновременное развёртывание нескольких личностей в одном теле, в звенящую пустоту, где нет самого себя (несмотря на всю противоречивость) — однако признание или непризнание «личности» у самого себя (тем более у индивида — внешней группой) производится *социальным* фокусом, разыгрывающим ставку атрибуции «личности» с трансформацией её содержания [16], в сериях актов символического насилия [4]. Позиция «личности» (в смысле, в т.ч., дисциплинарной оси) обнаруживается сочетанием практик [8] у всех известных на сегодня обществ, но оптика персональности [21] в дискурсивном варианте своей пан-оптикальности требует быть (вос)произведённой так же, как тюрьма [31, гл. IV], микробы [39] и раса [33]. Что же до языка этой статьи, где нашлись слова, о(бо)значившие её тему, то говорение или письмо на нём было бы проблематично как при повреждении зон Брока/Вернике [17], так и без социального окружения (коль скоро индивидуальный язык невозможен [7]³). Нелинейность связей выражена ещё и в том, что «личности» как инстанции единства и непрерывности самопредставления индивида укоренены в формах жизни, не только их (вос)производящих, но и таких, чья «о-формленность» гарантирована условием наличия подобных осей у большинства людей (что особенно ярко при «разбалансировке» одной из них в окружении множества других, требующих передавать и преобразовывать «коллективные моменты вращения») — равно как и фиксация языком следа деформации личности в (нейро/когно)исследованиях обнаруживает *собственный* результат, а не артефакт чьего-то другого⁴.

¹ «For person(al) use only».

² Озвученный Бауэром: «Все и только живые системы никогда не бывают в равновесии и исполняют за счёт своей свободной энергии постоянно работу против равновесия, требуемого законами физики и химии при существующих внешних условиях», — поэтому организм только создаёт неравновесные молекулярные структуры, а каждая данная функция выполняется за счёт их стремления к равновесию [37].

³ Феномены детей-«маугли» здесь также уместны в качестве примера.

⁴ Витгенштейн [5, §167-168], но яснее — в [7, §79]: «Неустойчивость научных дефиниций: то, что сегодня считается эмпирически сопутствующим признаком феномена А, завтра может быть использовано как определение “А”». Мамардашвили [19]: «Раз мы говорим, например, об атомном распаде, то это потому, что наблюдаем атомный распад, а на самом деле акты наблюдения в качестве выполненных стали возможными при определённых условиях».

Таким образом, процесс (вос)производства личности не только автокаталитичен: он также «наматывается» на контур аттрактора, независимо от точки начала¹. Впрочем, несмотря на это, а точнее, именно поэтому, я начну исследование с социального поля, чтобы, опускаясь на микроуровни квантово-индивидуальных флуктуаций последнего, разрушить его геометрию изнутри.

То, о чём мы говорим как о «личности», наиболее актуально развёрнуто в отношении других объектов аналогичного говорения.

Каждый день, день за днём, год за годом, состояние индивида слаботурбулентно: воронка, закручивающая его «внутреннее» вокруг более-менее наблюдаемого столба. Несмотря на роль юридического корпуса [30, Ч.1, гл. 3] в (вос)производстве личности через права и обязанности перед другими и фиксации сроков её легитимации (совершеннолетие), он — лишь один из аспектов такого порядка жизненного мира, где от человека ждут, что он, например: хотя бы смутно помнит детский период (и иногда способен объяснить природу своих поступков тогда), атрибутирует ближе юношеский (даже расходясь сейчас со многими воззрениями тех лет), сознателен в выборе дальнейшей, «взрослой» профессиональной траектории, участвует в действиях, требующих некоторой непрерывности в самоидентификации — займ, межличностные отношения и т.п.

В отношении же очерченного выше резонно методологическое сомнение: разве не возможна сегментированность, переживаемая в мыслях, чувствах и пр., в то время как её обладатель внешне делает всё, что соответствует его связности?² Можно предположить такового как редкое исключение, чья титаническая сила воли разводит эти две реальности, не позволяя им смешиваться³, но подобное допущение — всё то же лицемерие «Нововременной конституции»! Мышление отелеснено, и форма жизни связных самоидентичностей *содержательна*: «внутренняя» сегментированность осей исчезнет по мере *практического* [8, гл. 2] погружения в противоположный режим.

Временно откладывая заостряющий инструментарий⁴, здесь я пред(по)лагаю погрузиться в наличествующие социальные практики, организация чьей структуры выдвигает максимизацию непрерывности персональности участников как гарант её, практики, сохранности — потому что *покушение* на непрерывность производит куда больший эффект, чем *умозрение* [θεωρία] последней.

¹ Гомеоморфен ему и характер скобочной приставки вос- в (вос)производстве: произведённый продукт сам участвует в механике своего и воспроизводства, и производства далее, исключая дихотомию «*tabula rasa* перманентного конструкционизма *vs.* дублирование первородного образца *in saecula saeculorum*».

² Доставайте ружьё: пора, наконец, пристрелить этого «Суперактёра»!

³ Да, это достойно даже демона Максвелла.

⁴ Из серии «А могло бы быть общество устроено на личности сегментированного типа? Как бы оно выглядело тогда изнутри, и поставлен ли этот вопрос правильно?» — и подобных ему.

Утренний звонок мобильного телефона

— Сейчас уже 9³⁰: Почему вы не на работе, Бенджамин?

— Простите, сэ,р, но Бенджамин был представлен в этом теле вчера, его больше нет.

Мы... Я... бессвязник. Моё имя Мартин.

— Прекрасно, Мартин. Вы уволены.

— Увы, вы не можете меня уволить, поско...

— Значит, запишите увольнение на счёт исчезнувшего Бенджамина, а с указанного вами счёта будет списан штраф за предоставление ложной информации в кадровой анкете в графе «степень связности состояний себя».

— Позвольте, но её заполнял не Я! В смысле, я помню это, но не могу нести ответственность — кроме того, указанный счёт уже преобразован в...

— До встречи в суде, Мартин — хотя ВАС такими темпами я едва ли ещё встречу.

Кладёт трубку Эй, Эдди! Передай нашей своре дипломированных сутяг, чтобы готовились к заварушке, пока она не переросла в нечто большее. **Это требует действий!**

Параметрами порядка, формирующими ось связности себя в аморфном потоке событий со стороны социального, выступают регулярность и длительность.

Паспорт протягивает помеченную им телесность во времени как нечто целостное — по крайней мере, как (^{дее}/право)способное: в этом смысле возраст получения паспорта прекрасно маркирует ставку ожидания наличия индивида, выдисциплинированного из состояния пучка представлений в устойчиво вращающуюся ось [1; 16]¹; постоянная смена такой отметки привела бы последнюю к невыполнимости функции, вызвавшей её к жизни². Встречи, общение с друзьями, сам их феномен усложняются — сохранность памяти при её «чуждости» ведёт к погружению каждый раз в новый символический *modus operandi*, в то время как общность переживаний (или уверенность в нём даже после периодов разлуки) и осмысление себя друг в друге — одни из важнейших точек кристаллизации малых социогрупп³. Более того, в существующих формах человеческой близости крайне мало каналов (^у/под)держания длительных контактов в условиях каждодневной смены его конфигураций: это один из тех случаев, когда аксиомы поддерживаются следствиями, а верить мы начинаем не единичному, но системе утверждений [5, §141-142] (тем более шаткой, что взгляд последующего дня переведёт цветные переживания о другом человеке в «оттенки серого»). В контексте рассеяния иначе звучит фраза о «кризисе семьи», т.к. само предприятие, зачастую включающее продолжительное проживание вместе, погружение в социальные общности друзей обеих сторон и многое другое, зиждется на личностях, не способных

¹ Если Арьес [1] показывает траектории изменения «детства» и «детского» сквозь эпохи, то Ленуар [16] исследует само задание их как предмета, способного изменяться.

² Сравните запрет менять свои именные данные во Вконтакте с ситуацией угашения флуктуаций по мере расширения социального поля.

³ Как символический интеракционизм и ритуалы коллективов интеллектуалов Коллинза [12, гл.1].

каждый день относиться друг к другу радикально по-новому (радикализм регулярности обновлений себя с большей вероятностью однажды обнаружит, помимо прочего, всепоглощающее отвращение, не сдерживаемое более прежними связями). Регулярные ритуалы празднований, «а помнишь, мы тогда...», вовлечение знакомых как внешних тел хранения памяти о себе, общность детей, вещей, сексуального опыта, символического взаимодействия — всё это ежедневно совершает противоположную работу, связывающую свободные радикалы событий в осадок, выпадающий... *Личностью*. Самоидентификацией, переживающей заново планы и мысли о будущем нескольких лет назад, резонирующие с ними семейные истории, отзывающиеся веером ассоциаций предметы мебели, фразы, встречи, поездки, надежды — во всём этом опыте связность развёрнута в своём, непрерывном, а если и несвязном, то в паре-другой моментов.

Самоорганизация работает в обе стороны: как в стае птиц или рыб возникает т.н. *обусловленное поведение*, не заданное в целом ни в одном элементе, так и возникшая эмерджентность преобразует последние, хотя сама из них состоит. Особенно увлекательной история нашего сегментированного персонажа [person(age)] становится, когда он с головой ныряет в океаны людей, воплощающих тела своих коллективных ориентантов. Паспорт, например, — только начало, и его атрибуция связной личности открывает всего лишь вершину интересов государства как машины по производству представлений [3].

Взять кредит, поговорив с сотрудником банка — какая малость! Но Банк в лице тысяч последних обладает колоссальной протяжённостью сети, (вос)производящей клиентов (в доступных ему аспектах) как непрерывные самоидентичности, отвечающие по открытым счетам, долгам и вкладам. Корпорация и регулярность рабочего дня, — которые пытал(ис^{сб}/ср) присвоить бедолаг(и/а) Бенджамин(Мартин) — рождающиеся в относительной слаженности практик своих сотрудников, через обратные связи, селекцию и другие каналы, сами также (вос)производят личность — в плане протягивания её в проекты прошлой недели, полугодовую отчётность и выдачу зарплат. Взносы по страховке, покупка квартиры, ведение бизнеса — да, по сравнению с переживанием влюблённости примеры выше выглядят соскальзывающими, касательными к контурам личности в одной-двух точках, пространством для отыгрывания «вымученной роли», фальши — но *практический смысл* [4] в том числе заключается в распределении самоосмысления субъекта действия на сами действия, совершение которых преобразует и их актора.

(Вос)производство личности, описанное выше, помимо неё, производит также впечатление работы с «общим местом», очевидными тривиальностями, и я бы почти согласился... если бы эти зарисовки не стояли к личности (в указанном в начале исследования смысле) в отношении именно (вос)производства. Очевидности «персональности», «самоидентичности», «личности» и «я», как будет показано позже, очевидны как одни из центральных способов организации себя в мире, но не — как собранные в нём для определённых условий. *Демарш* сегментированной оси постольку является таковым, поскольку следом разворачивает на удивление широкий спектр внутренних феноменальных эндемиков *переживанию себя*, насчитывающий сотни видов — не менее изощёренных, чем тот, к которому пора вернуться.

Homo generis заявил о себе задолго до первых претензий Нововременной науки на автономию, но, по мере развития её сетей, — вплоть до экспоненциально-взрывного их роста в XX веке, — такой очаровательный, такой незаконный гибрид как человеческое существо не мог не попасть в жернова работы *научного очищения*.

Не избежала этой участи и личность.

Конец XIX века, отмеченный осознанием телом интеллектуальных коллективов собственной непрозрачности [18] и смещением трансцендентального эпистемического идеала с пьедестала [27], ознаменован и рождением экспериментальной психологии [26] — дисциплины, чей генезис обязан ускорившемуся дрейфу литосферных плит «наук о природе» и «наук о духе» и чьё производство достоверности лежит в зоне их перекрывания. Впрочем, говоря о научном (вос)производстве личности — кустарные мастерские переходят к фабричным мощностям скорее во второй ^{половине}/трети XX века: паузу следует отнести на счёт погружения и перестройки языковых игр с «личностью» в новый корпус — так, белки мяса одного животного расщепляются в кишечнике, чтобы быть собранными иначе в телах клеток другого. Когнитивные науки [14; 23; 24], физиология высшей нервной деятельности [17; 24; 28; 36], психология [10; 20; 26], кибернетика [25; 32]¹, синергетика [32] — переопределения личности ими приводят к смещению последней из жизненного мира для обнаружения в режиме лаборатории, где она развёрнута ещё и как *собственно научное*: несмотря на необходимость особой социальной оптики для её обозначения, достоверность утверждений о «личности» там выводится по качественно другим траекториям, чем предполагает исходный фокус [39]. И, поскольку (вос)производства личности здесь последние полвека стремительно наращивают темпы, я проследую в эту кроличью нору — а то, что её пространство далеко не так стерильно, как декларируется, лишь добавляет путешествию интерес.

До безумия странное чаепитие

— Что здесь происходит? — спросила Алиса, приближаясь к столу. Длинный, изгибающийся, заставленный чем-то, по причудливости напоминающим отпрысков десертного сервиза и реторт алхимика, он манил и пугал одновременно.

— Кошачья морда уже ведь сказал тебе, что в этом мире кругом — безумные да полумные? — истерически хихикнув, отвечал Шляпник. — Так вот, здесь собрались их сливки, чтобы выпить чаю — хотя обычно сливки добавляют в чай!.. ЗАТКНИСЬ!

Девочка вздрогнула и в испуге обернулась.

— Это я не тебе, не важно. Лучше познакомься с ними.

Шляпник широким жестом обвёл стол, призывая обнаружить на нём кого-то.

— Ой, а кто ты? — поинтересовалась Алиса у пушистого зверька, выглядывавшего из самопересекающегося чайника.

— Это Соня, *потому что вторник, и я не могу*, — интонация и тембр голоса Шляпника прыгали. — И она мертва.

¹ Грегори Бейтсон, «шагающий в направлении экологии разума», на фоне авторов из списка даже не нуждается в упоминании.

— Какой ужас!

— Да, он прав, я мертва, — подтвердила зверёк, подняв мордочку в сторону говорящих.

— Но как же ты мертва, если сейчас отвечаешь мне? — удивилась Алиса.

— Мы уже выясняли — мёртвые разговаривают. А ещё я внутри пуста, — сказала Соня и взяла из конфетницы мармелад.

— А ещё покойники не едят и не пьют! — уверенно добавила девочка.

— Мммм... — промычала Соня, набивая рот лакомством и подвигая кружку с чаем. — Проверили. Пьют! — ответила она и залпом выпила нечто зеленовато-чёрное. — И вообще, это не хочет, чтобы это называли «ты» или «Соня». Или это, или ноль. Ноля ведь нет. Ноль — пустое-пустое место.

— Хорошо, Это... — с опаской сказала Алиса и отодвинулась от этого странного существа. Другое, сидящее на операционном столе вместе с зонтиком, швейной машинкой и разбросанными мотками шерсти, походило на Зайца. Похоже, он рисовал — но холст был смещением геометрических схем, рвано переходящих в пейзаж — и обратно; время от времени его левая лапка выбрасывалась вверх, как будто он кого-то приветствовал.

Шляпник между тем не сидел без дела: он выл, прыгал через стулья, говорил женским голосом и отвечал себе несколькими. Словом, вёл себя как настоящий джентльмен.

— Что ты рисуешь? — спросила Алиса, подойдя поближе.

— Это — план мавзолея для трупа Ноль. План должен быть чётко и точен в каждой детали, чтобы математика и архитектура работали слаженно, — ответил Заяц бесцветным голосом. — Не мешай, девочка.

— Какой же ты тогда Полоумный? — удивилась она. — Ты как папины друзья на наших приёмах! Сейчас я тебя развеселю! — и Алиса скорчила гримасу, от которой другие дети хохотали до упаду.

На Зайца, глянувшего сбоку, это, казалось, не действовало. Однако стоило ему закрыть правый глаз кисточкой, как он тут же повалился от смеха, измазавшись в краске и сломав зонтик.

— Правда, здорово? Я ещё смешнее умею, — сказала Алиса, хитро поглядывая.

— Что здорово? — голос поднявшегося Зайца снова выцвел. — Я смеялся над тем, что... что... что весь измазался в краске, пока рисовал. Я уже просил, отойди. — Лапка снова вскинулась вверх.

— Ну и пожалуйста, очень нужно! Меня Королева к себе на банкет пригласила! — обиделась девочка. — Прости, как пройти туда побыстрее? — спросила она Шляпника, обернувшись. Вместо ответа тот истошно закричал:

— ПЕРЕМЕНА МЕСТ! ПЕРЕМЕНА МЕСТ!

Подкатив к ошарашенной стремительностью Алисе увитый железными розами стул, он жестом пригласил её сесть.

— Я тогда, наверное, посижу ещё немного... — неуверенно сказала она.

— Да, дорогая, но тебе нужна корона! — визгливый голос походил на старушечий. —

Быстрее, быстрее... Он возвращается. Да! Вот она!

Ажурные металлические обручи изящно и очень плотно облегли голову Алисы.

— Спасибо, конечно, но... — Алиса до конца не знала, что хочет сказать, однако неуютность происходящего лишь усиливалась.

— Ах, какая ты у меня красивая... Вот, Алиса, мы уже здесь. — Шляпник неожиданно резко подпрыгнул и со всей силы ударил по короне. Девочка почувствовала нечеловеческую боль в висках, лбу, затылке, как будто голову вскрыли ножом — и последнее, что она слышала сквозь шум в ушах, был чудовищный голос:

— **Я — Шрайк, Повелитель Боли!..**

<...>

Пробуждение девочки было далеко не самым чудесным из того, что она испытала в этой стране чудес. Голова болела, во рту — кисло-солёный привкус, а руки и ноги неприятно ныли. Она оглянулась по сторонам: всё то же чаепитие. Ну, или почти то же.

— Вы... Это же не вы! — Воскликнула она в изумлении, как будто проснувшись. — Вас, вас кто-то подменил, вы — актёры, наверное, вы убили и Шляпника, и Соню, и, значит... значит... Вы и меня хотите убить! Тоже заменить двойником! Но у вас ничего не выйдет!

Мощным для её детского тела прыжком она проломила кусок стола, и галопом, как дикое животное, помчалась в сторону леса.

На лицах оставшихся отразился ступор

— Это в недоумении, — сказала Соня.

— Она отвлекала меня. Хорошо, что она ушла, — сухо отрезал Заяц.

— Теперь она одна из нас... — по-змеиному тихо прошелестел Шляпник.

Симптоматика в микрорассказе выше неслучайна — она соответствует определённым типам психических расстройств и их нейрофизиологическим коррелятам: Соня подвержена синдрому Котара (бред Котара), когда больной практически полностью отрицает своё существование — основной вклад в это вносит прерывание связей миндалевидного тела [*corpus amygdaloideum*] с перцептивными системами, когда отсутствие эмоциональной реакции на внешние стимулы переводится из субкогнитивного в концептуальный уровень в виде утверждения о собственной смерти, непроницаемого для логических противоречий [10; 24]; Заяц — представлен «синдромом чужой руки» (неподконтрольные действия лапы) и личность-подобными структурами в каждом из полушарий [28] — поскольку его мозолистое тело [*corpus callosum*] рассечено или существенно повреждено¹; Шляпник — жертва шизофрении, развившейся под действием на синапсы его нейронов определённых искусственных нейромедиаторов². Алисе же в конце рассказа были рассечены связи

¹ Саморепрезентационна здесь лишь левополушарная квазиличность, лишённая эмоциональной выраженности, а, например, правополушарный смех не может быть прослежен в своём источнике левым полушарием, создающим вместо этого цепь дополнительных объяснений.

² Систематических работ нет, зато интересны такие статьи (по группе амфетаминов) как:

• Kuczenski R, Segal DS (May 1997). «Effects of methylphenidate on extracellular dopamine, serotonin, and norepinephrine: comparison with amphetamine». *J. Neurochem.* 68 (5): 2032-2037.

между зрительными центрами (включая веретенообразную извилину) и всё тем же миндалевидным телом, что привело к синдрому Капгра — «синдрому отрицательного двойника», когда визуальные образы без сопровождения переживанием воспринимаются как ложные, подменившие настоящие; иногда вызывает паранойю об угрозе собственной жизни.

(^у/Да)же терминологический срез показывает удивительно разветвлённую¹ сеть, в которой подобные утверждения распространяются достоверно — причём лабораторный, экспериментальный смысл практик во многом заменяет исследователям трансцендентальный гарант, когда речь идёт о познании личности-препарата средствами других (личностями самих учёных). Психологические же труды о личности, отделяя экспликаты нейрофизиологических категорий (ex., когнитивно-системные подходы), разыгрывают свои языковые игры с дискурсивной точки зрения более изошрённо: здесь ставки заключаются в построении теории личности [34] в целом, как концептуально устойчивого единства, объяснении расстройства множественных личностей [20] — и пр. «Большой Брат» нейронаук всегда за спиной, но импульс дают практики другого рода (психотерапия, консультации и т.д.), не требующие элиминации субъектности из хода наблюдений. Это значительно расширяет возможности говорения, однако и очерчивает весьма неустойчивую позицию с текучестью систем координат, которой позавидовали бы часы Дали в «Постоянстве памяти» (перечень крупнейших на сегодня теорий [34] прекрасно это демонстрирует).

Но, продвигаясь глубже туда, где смешиваются отходы производимого очищения, становятся заметны неравномерности в концентрациях популяций гибридов в различных узлах сети — настолько, что это искривляет внутреннюю геометрию самих работающих механизмов. Так, для научного (вос)производства личности такая неравномерность гарантирует *патологию* — в том смысле, что ось связности самоузнавания как практически разрешимая находится на *лабораторном столе*, только если кто-то находит её прежде в естественной *кунсткамере*². Научная оптика фокусируется на личности, которая тем или иным образом *нарушена* — потому что логика нормы, оборачиваясь вокруг которой, циркуль фиксации отклонений очерчивает группы радиальных точек, крайне медленно и неповоротливо поднимает вопросы об основных понятиях, т.к. иначе это смещало бы целые пласты уже произведённых утверждений³. Столп, на вершине которого лопасти разгоняют облака, очищая небо и освещая землю «светом божественного разума», поворачивают у основания тысячи сокрытых в полутьме гибридов [15] — зачатые в социогруппах и рождённые языком интеллектуалов, они и их телесности дают научным практикам маниакального повторения экспериментов и сохранения следов *то*, что вообще способно является

- Laruelle M; et al (1996). «Single photon emission computerized tomography imaging of amphetamine-induced dopamine release in drug-free schizophrenic subjects». *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA* 93: 9235-9240.

¹ Как бы ни был прост эксперимент Рамачандрана [24, с. 16] в примере с синдромом Капгра.

² В «Теории практик» [8, Введение 1] превосходным примером этого выступает синхронный (по сравнению с диахронным у Фуко [30]) анализ Гофманом «первых сигналов» окружающих людей, за которыми следует исключение в психиатрическое пространство.

³ Однако именно избыточность теорий демонстрирует, что «нормальная личность» и вопросы о ней практически проблемны *иначе*, чем вопросы о том, «существует ли прошлое “*на самом деле*”?» у профессиональных историков или «*что было до общества?*» у социологов знания.

опорой. То *рассредоточенно-подручное*, что позволяет исследователям после всех сомнений оставить это в виде практической достоверности, — что сменяет *предыдущее* понимание «нормальной личности», чтобы новые легионы ненормальных открылись человеческому взору с нечеловеческой высоты.

Завершает серию зарисовок автокаталитических регионов сети языковой — маркирующий научный срез и (вос)производимый формами жизни в социальном поле, но, в силу оформленности содержания и содержательности формы, обретающий ряд специфических черт, которые вводят ещё один блок (вос)производственных мощностей.

Прогулка в солнечном осеннем парке

— ...но почему ты продолжаешь настаивать на том, что это был не ты, если ты только что всё так прекрасно и точно описал?

— Потому что, Сидни, я помню, но не живу в этом: я могу назвать это собой не больше, чем вон ту салфетку. Я даже о себе с толком говорить могу только в рамках этого дня.

— А как же личность? Неужели она настолько не зависит у тебя от памяти, что выстраивается каждый день заново?

— Не заново, но... Как об этом сказать! Чёрт! **Послушай внимательно:** про-исходящее личностнится. Потому что ис-ходит. А прошлое — про-ходит, и его там нет. Я — личен тем, чего я лишён. Я-йность — это не самость, это — свойство. Всё, что здесь — я-йно. Даже так — я-йно личностнится. А состояния не переживаемы заново, потому что... потому что... личностнятся нея-йно, поэтому, будучи личными — обезличенны. Ну, как?

— Не знаю... Бред какой-то. Извини!

— Ладно, бывает... Так ты говоришь, что любишь жареные каштаны?

в последнем кадре перед камерой пролетает оранжевый кленовый лист

Без центрации «самоузнавания», «личности», «персональности», «я» вокруг экспонатов натуралистического музея [7;13], языковые игры, в которых они (вос)производятся, не только образуются как семейные сходства, но и образуют их друг с другом, позволяя рассматривать их связи как взаимподдерживающиеся [5, §142].

Хотя попытка сознательно представить работающий язык с отсутствием «я»¹ как позиции (а не с частичным смещением в другую часть речи — например, в глагол, как в латыни) подобна по структуре представления переживанию иллюзорности или избыточности самосознания² последним (в смысле парадоксальности, возможно — опыту Мистического [das Mystisch [6, §6.522]), нам как носителям языка доступен способ выделения слов, например, как существительных («Личность»), а не процессуальных или предикативных, что

¹ И цепочек его производных.

² У Томаса Метцингера [Thomas Metzinger] последнее является центральным в книге 2003-го года «Being No One. The Self-Model Theory of Subjectivity» MIT Press, Cambridge, MA.

уже определяет содержательный аспект формы [7; §120]¹, которой конструкция личности используется в говорении/письме: как «пустое дополнение» в китайском языке, где объект действия всегда введён в смысл глагола [*shuijiao* — спать сон, *youyong* — плавать плавание, *tiaowu* — прыгать танцы [25, с.201]], выражает собой динамическую размерность, пространство движения, перевод которой является проблемой Куайновского «гавагаи» [13]. Исследования данной (^{Te}/пробле)матики под другими углами² тоже указывают на языковую специфику (вос)производства смысла как эффекта, в т.ч. контура границ употребления слова в концептуальных сетях грамматик.

Обратимся к ошибкам в разыгрывании соответствующих языковых игр: «Я это я в том смысле, что помню предшествующие события различных личностей, но не я, потому что не переживаю», «Как будто это был почти что не я, как бы я мог это сделать! Это была другая личность!» — и другим, рассыпанным во фразах данной статьи. Во всех этих случаях можно заметить трещины от отчаянных ударов о язык — «генетическую агонию», где форма жизни сегментированной личности порождала бы слова, речь, грамматику, язык другого типа, в котором самописание индивида не наталкивалось бы на структурные блоки определённых параметров адаптивности, уместности [2, с. 70-75] — как, например, в миниатюре выше. Язык удерживает персональность и её ось связности в том числе и тем, как говорение зависит от целостных «личностей» и «я» — как только последние начинают дрейф или (^{3a}/с)мещение, практики языка из самых различных областей стягивают очаг возмущения, чтобы перенаправить на работу геотермальных электростанций энергию этого вулкана деконструкции, взрывающего своё жерло.

Тело языка тоже обладает свойством регенерации.

Итак, сеть (вос)производств, изготавливающих и поддерживающих эффект(ив)ность использования личности, в ответ на нарушение своего порядка развернулась достаточно масштабно.

Впрочем, несмотря на претензию этой механики на дискурсивную паноптикальность осей связности, колоссальность фабрик не должна задним числом поддерживать иллюзию их монолитности: напротив, именно ряды внутренних пустот позволяют сети быть динамически нестабильной: регионы постоянно переопределяются, связи перестраиваются, изменяя само связываемое, — и если тысячи физико-химических каскадов реакций, происходящие в живой клетке, не менее сложны, чем жизнь огромного мегаполиса, то рассмотренная сеть имеет с ними много общего.

Индивид заострённого тезиса, вспоминая и ограниченно признающий себя в предыдущих событиях и состояниях, но не переживающий их как свою связность, такой постоянной сегментированностью разывает(ся) сеть(ю) (вос)производств личности, пытающихся выстроить последнюю заново... Если оказывается обнаруженным.

¹ Лучше даже *Витгенштейновское* [7; §36]: «Там, где наш язык подразумевает существование тела, между тем как его нет, там склонны говорить о существовании духа».

² Ех.: когнитивистская перестройка классификационных принципов у Дж. Лакоффа [14] или этнолингвистический структурализм языка у Э. Бенвениста в «Общей лингвистике».

На первый взгляд, словами Саурана¹, «**В пустоте... нет жизни... только Смерть!...**» — однако подобное отсутствие структуры есть лишь структура отсутствия: тот, кто живёт в пространстве рассеяния личности, с трудом определяется оптикой целостности как живущий. Жилище? Возможно лишь как временное — благо, рынок квартир на один-два дня стремится по широте охвата к гостиничному бизнесу, своему ближайшему функциональному коллеге; кроме того, как Пол Эрдеш² или Джулиан Ассанж³, можно постоянно жить и у различных друзей... Друзей? Да, некоторые связи возможны и в режиме каждодневного обновления состояний себя (в творческих кругах иногда имеет место нечто схожее), но число таких людей будет фундаментально ограничено: редкие, исключительные обладатели осей, вращающихся относительно связно, способны на это — в то время как основная часть социального поля для сегментированного индивида погрузится в постоянный режим хэппенинга — знакомства с совершенно разными персонажами в самых невообразимых местах⁴, яркие за счёт концентрации всех переживаний именно в данном личность-сегменте и сгорающие за тот же день, в котором личность гарантирует свою непрерывность. По количеству моментальных, одноактовых взаимодействий поверхностная плотность такой формы жизни оказывается не меньшей, чем объёмная плотность социализованности «долгой» личности. Профессиональная деятельность? На сегодняшний день рынок кадров полон предложениями разовых заказов, серии исполнения которых сами становятся работой, т.н. «фрилансерством», и, по прогнозам [29; 38], рост этих кадровых массивов влечёт парадоксальный некогда для теоретиков организаций вывод о том, что смена большей части сотрудников каждый день практически реальна. Если пытаться найти контуры описываемого выше в сегодняшних сетях, то самая протяжённая из электронных — Интернет — и её возможности прорисовывают очень многое: коммуникация случайных людей, удалённые рабочие места, множественные аккаунты⁵, моментальный доступ к огромным пластам культуры...

Исключённая таким образом из (вос)производства, уже сегментированная ось не попадает и на лабораторный стол, ускользая от наблюд(а/е)ния себя как патологии. Даже более того, — сделав длинный надрез поверхности структуры [*fabric*] скальпелем из отложенного ранее заострённого инструментария, можно заглянуть в него и убедиться: по мере заполнения лакун (вос)производств всё большим числом индивидов с дробными формами самоузнавания, экс-пустоты начинают образовывать связи друг с другом, образуя подсети в теле исходной сети. Соответственно, в новых узлах продолжится (вос)производство гибридов, но, поставляемые в регионы природного (где учёные будут говорить от имени объектов последнего) и отличные от гибридов исходной сети, они окажутся фактором смещения научной механики в сторону депатологизации отклонений и размывания нормы (отчасти схожий процесс протекает в выстраивании континуума со-

¹ «Властелин колец, Ч. I: Братство колец» — [0:51:50 — 0:51:58].

² «Странствующий математик», написал 1475 статей, что не имеет аналогов среди современных ему математиков. Он появлялся на пороге со словами «мой мозг открыт» и оставался на время, необходимое для совместной подготовки нескольких статей, чтобы уехать дальше ещё через пару дней.

³ Прекрасная статья о нём и Wikileaks: <http://www.ultraculture.net/2010/12/28/sterling-assange/>

⁴ В ряде заметок Парижского 68-го описывается подобная атмосфера, витавшая в воздухе.

⁵ Единая Идентичность Э. Эриксона vs. Лоскутная — Пойпа: проекции человека в пластах информационной реальности ограничены исходной рамкой, или по ним его уже невозможно восстановить?

стояний между мужским и женским в психо/биологических исследованиях полового морфизма не как дихотомии, но как разрывного интервала)¹. По крайней мере, описанное правдоподобно, если ударная волна взрывоподобного роста экстралабораторных режимов достоверности не дойдёт до более радикальных своих границ [38]²: *brain-to-brain* интерфейс³, технически разрешимый коллективный разум и т.д.

Языковая же фабрика, как (п)оказалось, заключена в бастиионе, чья прочность обусловлена не твёрдостью камня, но вязью ветвей. Хотя упомянутые контакты-хэппенинги открывают коридоры для сегментационной размерности жизни личности и персонального, язык первых успевает (вос)произвести свой ряд классификаций, пусть и исполняемый недолго, но шизофренически регулярно⁴. Дробная ось связности самоузнавания в говорении, садовый секатор языковых игр которого не даёт вырасти многим стволам на (^{одн}/сам)ом корню, вращается у того обрыва, где релевантное описание себя влечёт коммуникативную катастрофу. И, хотя это кажется разрывом второго рода⁵, на сей раз морфизмы сетей — в стратегиях, дискурс личности как целостного, так и дробного типов в которых — избыточен.

Такова, например, дерридианская диссеминация [9], где утончённо прорисовываемая бес-смысленность, открываемая читателю, рассеивает его изнутри: на границе осмысления себя вовне, в т.ч. и через тексты, руны экзорцизма Деррида, исторгающие смысл (помимо прочего, и его сверхумножение), перформативно исторгают и связные серии я-субъект-личность. Последние оказываются *не тем*, ^{кто}/что адаптирован(о) к подобным ситуациям чтения-селекции: чёрные дыры письма, где ось переживания себя чудовищно деформируется, коллапсируя — прекрасный пример неуниверсальности личности, (вос)производящейся в определённых условиях как подходящая именно *им*.⁶

В то же время, при сравнительно небольшом числе подобных текстуальных сингулярностей⁷, куда большее пространство покрывают практики говорения с опущенной необходимостью связности переживаний и самоидентификации: да, именительный падеж имеет смысл лишь в падежной системе, но в языке найдутся и предложения, где ни одно слово не изменяется по падежам, т.к. не относится к их грамматической юрисдикции! Более того, каналы деперсонализации всегда открыты: «Но в предложении *старый король умер король не выполняет никакого действия, он просто является местом, где происходит смерть*» [2, с.70]. Насколько личностно чтение и следование инструкции (в смысле её

¹ Достаточно интересен здесь из русскоязычных ресурсов Белкин А.И. «Третий пол». М., 2000.

² NBIC-прогнозы в первую очередь поражают своей междисциплинарностью и глубиной.

³ Кроме предсказаний 2001-2005, о современном положении дел говорят такие статьи, как:

- Santhanam G., et al., A high-performance brain-computer interface, *Nature Letters*, Vol 442 (13 July 2006), 195-198.
- Tamburrini, Guglielmo (2009). «Brain to Computer Communication: Ethical Perspectives on Interaction Models». *Neuroethics* 2: 137.

⁴ Сегментация как не исчезновение, но квинтэссенция личностей в сегментах себя.

⁵ Как, например, в $f(x) = \sin(1/x)$, $x = 0$, где предела функции не существует из-за осцилляций.

⁶ В романе Питера Уотса «*Ложная слепота*» (вдохновлённом Т.Метцингером и Science) сознание рассматривается как негативность, девиантный вектор эволюции, успешность которого для нас определялась отсутствием контактов с более приспособленными и умными бессубъектными видами.

⁷ Если Деррида и рассеивается [9, с.8], то, должно быть, ультрадисперсно.

обязательной интериоризации)? Разговор о погоде (особенно в светской форме жизни)¹? И если формально-выхолощенный экзамен всё же поддерживает развёртывание сдающего как связного в ограниченном ряде аспектов (ex., самопредставлении), то тяжёлая/монотонная деятельность² — как, например, этап ручной сборки на конвейерном производстве (включая и объём коммуникации) — индифферентна как к целостности/дробности личности этого фабричного агента в связях данной сети, так и к её наличию *in vivo*. Часть таких без(раз)личных практик институционализована, но другие, вместе с режимами говорения, где ортогональная проекция оси самоидентичности срезает её переводом в точку, вместе с текстами, инвертирующими читающих рассеяние в рассеяние читающих — все они, сообщая, вскрывают замок на дверях во внутренние помещения цехов (вос)производств личности. Тем самым и протянутая сквозь всю жизнь ось, и сегментировано сменяющие одна другую с передачей памяти — оба этих типа структур должны были бы оказаться дисквалифицированными как неуместные более... Однако особенность описанных выше локаций ускользания — в их несобственности, *дополнительности* в рамках сетей синтеза личности; не всякая подсеть обладает архитектурой связей или достаточной их величиной для производства (гарантий) собственной автономии.

Разыгрывание языковых игр, игнорирующих претензию на возвышение паноптикума связного самоузнавания — это *locus tenoris resistenci* среди путей дестабилизации уже произведённых и (вос)производимых каждый день элементов удержания вращающегося столпа. Действительно, личность как способ связи практик (в т.ч. внутренних) временами бывает необязательной³ — но, воплощая заведомо обратный процесс, жест деконструкции конструкции, обезличенный индивид закрывает фабрику на день-другой не для погружения её навеки в бездействие, а с целью кое-что изменить: разделить конвейер на несколько потоков, (ра)з(°/а)мкнуть боковые пути подачи материала и т.д., и т.п. — чтобы, когда отсутствие личности вновь столкнулось (без)лицом к лицу с режимами её (вос)производства, последние обнаружили, что могут быть организованы лишь некоторым странным, непривычным образом, меняющим и выход, и характеристики продукта⁴.

Ускользающий от своей патологичности (и, тем самым, природного (вос)производства) через квантовые флуктуации практик социального поля (и его смешанных мануфактур), рассеивающийся в червоточинах письма и языка с тем, чтобы быть собранным заново, избежав фабричного рабства чуждых его форме жизни языковых игр, индивид заострённого тезиса, переживающий себя как связного себя исключительно в режиме данного дня, неспособный воспринимать прошлые события иначе, кроме оптики отстранённости памяти, чувствующий невозможность продлить, соизмерить себя с ними, ощутить, что это — он, всё время он — так вот, он был нужен мне для усиления частоты подобных состояний, встречающихся в течение человеческой жизни в одном потоке с от-

¹ К слову: <http://www.gatchina.biz/generator> — **генератор** светских бесед: смешно и правда похоже!

² Именно *деятельность*, а не работа в смысле профессиональной должностной ставки.

³ Так, яркое переживание чего-то далеко не всегда требует «персональности» или «я», поглощая подчас пространство внимания до полного исчезновения/растворения переживающего актёра в акте.

⁴ По-своему, это аналогично пороговой энергии для химической реакции (понижение уровня).

чётливо-ясными, пульсирующими связностью и единством себя, до формы сегментированной жизни *suī generis*, чтобы увидеть — и прочувствовать, поняв — что и этот, и более привычная на текущий момент структуры личности¹ не только образуют многомерный (мультиаспектный) континуум переходов друг в друга, но и (вос)производятся автокаталитически в распределённых агентных сетях², изменения конфигураций которых и обеспечивают их практическую континуальность.

Безусловно, штриховка, тени и прыгающая перспектива исполненного как наброски исследования бросаются в глаза, но, будучи полевым (т.к. сложно отрицать собственную отелесненность в описанных порядках), оно, следуя по стопам этологов [11], наблюдает за жизнью циклических машин (вос)производств, пропитавшись их запахом, изнутри их следов, отбросов, в россыпи других мелочей — в естественной среде обитания, постоянно делая множество зарисовок, иногда даже любопытных; моё собственное знакомство с различными типами связностей себя³ расширяет ряд траекторий (^{пере/в\^вби})жизвания.

Практическая естественность мыслей и воспоминаний о себе как связности, очевидность самой личности — следствия её эффективности в определённых сре(^{3/д})ах, где и размещаются исследованные (вос)производственные мощности, не более того: на её месте в изменённых сетях могут быть как собраны воедино другие, несопоставимые по сложности гибриды, так и оставлены в пыли следы того, что находилось здесь раньше и работало. Сокрушительный контраст интимности переживания *наличия* личности как одной из форм *внутреннего* и развёртывания личности как результата сборки в сетях (вос)производств должен показывать многое — и, если это показано ясно, об этом уже не стоит говорить.

Сказать же нечто в заключение я бы всё же хотел, а именно — озвучить вопрос, который ставлю перед собой и всеми, кто не распался по пути: как безумие, чтобы стать объектом науки, должно было оказаться (^{при/у})знанным ею, возникая в видимом диапазоне [30, Ч. I, гл. 4], так и — *vice versa* — чтобы агентные сети (вос)производили человека во всей его полноте, они *некоторым образом* должны быть опознаны им, инстанцией себя, как имеющие место: не рациональным, и даже не пра(^{гма/к})тическим — но тем, в котором мир аксиологически наполняется *самим человеком*, становясь именно его миром [6, §5.641]. В котором зарисовки этого текста, пред(о)ставившие определённый способ (^{в/по})нимания, нечто *объясняют*, вообще имеют какой-то смысл — не (вос)производимый ещё одной сетью, а подвергающий *осмысленности* её саму.

Если, помимо всего остального⁴, эта статья — фабрика по (вос)производству (вос)производства, что изменилось, когда она закрывается?

¹ В обозначенном не (с)только в начале, сколько всей практикой употребления здесь смысле.

² Агентные сети здесь *размечают формы жизни*, экстериоризируя их внутренние связи.

³ Перформативная противоречивость этой фразы растёт из опыта жизненного мира, чьих языковых игр пока ещё не хватает для образования семейных сходств.

⁴ Которое, безусловно, следует из того, что это — рука [5, §1].

Литература

1. Арьес Ф. Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999.
2. Бернар Бичакджан. Эволюция языка: демоны, опасности и тщательная оценка // [23].
3. Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // S/L'98 Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. М.-СПб., 1999.
4. Бурдые П. Практический смысл. М.-СПб., 2001.
5. Витгенштейн Л. Культура и ценность. О достоверности. М., 2010.
6. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 2008.
7. Витгенштейн Л. Философские исследования // Мюллер М., Сепир Э., Уорф Б.Л., Витгейнштейн Л. и др. Языки как образ мира. М., 2003
8. Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб., 2008.
9. Деррида, Ж. Диссеминация. Екатеринбург, 2007.
10. Джуан С. Странности нашего мозга. М., 2008.
11. Зорина Э. А., Смирнова А. А. О чём рассказали «говорящие» обезьяны. М., 2006.
12. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002.
13. Куайн, У. В. О. Онтологическая относительность // Современная философия науки. М., 1996.
14. Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении, М. 2004.
15. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб., 2006.
16. Ленуар Р. Предмет социологии и социальная проблема // Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии. М.-СПб., 2001.
17. Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека. СПб., 2008.
18. Мамардашвили М.К., Соловьёв Э.Ю., Швырёв В.С. Классика и современность // Философия в современном мире. Философия и наука. М., 1972.
19. Мамардашвили М.К. Органы онтологии // Необходимость себя. Доклады, статьи, философские заметки. М., 1996.
20. Патнэм Ф. В. Диагностика и лечение расстройства множественной личности. М., 2003.
21. Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге» [Научный сборник] / под ред. Плотникова Н.С., Хаардта А., при уч. Молчанова В.И. М., 2007.
22. Пушкин В.Г., Урсул А.Д. Информатика, кибернетика, интеллект. Философские очерки. Кишинёв, 1989.
23. Разумное поведение и язык. — Вып. 1: Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / сост. Кошелев А.Д., Черниговская Т.В. М., 2008.

24. Рамачандран В.С. Рождение разума. Загадки нашего сознания. М., 2006.
25. Рубец М.В. Взаимосвязь языка и мышления (на примере китайского языка) // Эпистемология и Философия науки. 2008, т. XVI, №2.
26. Соколова Е.Е. 13 диалогов о психологии. М., 2008.
27. Сокулер З.А. Э.Гуссерль о геометрической традиции: к смене парадигм в теории познания // Философия науки. — Вып. 5: Философия науки в поисках новых путей. М., 1999.
28. Спрингер С., Дейч Г. Левый мозг, правый мозг. Асимметрия мозга. М., 1983.
29. Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2008.
30. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997.
31. Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 1999.
32. Хакен Г. Принципы работы головного мозга: Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. М., 2001.
33. Храмов А. Наука: создание и смещение границ. Как производится «биологическое» // Культиватор. 2010, №2.
34. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. 3-е изд. СПб., 2007.
35. Шамис А.Л. Пути моделирования мышления. М., 2006.
36. Шульговский В.В. Физиология высшей нервной деятельности с основами нейробиологии. М., 2003.
37. Эрвин Бауэр и теоретическая биология (К 100-летию со дня рождения) [Сборник научных трудов] / под ред. Шноля С. Э. Пущино, 1993.
38. Converging Technologies for Improving Human Performance. Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Sciences / Eds. M. C. Roco, W. S. Bainbridge. NSF-DOC Report, June 2002, Virginia, USA.
39. Latour B. The Pasteurization of France. Harvard University Press, Cambridge Mass., USA. 1988.

Студенческая философия

Студенческо-философский трактат

Предисловие Жени Хо

Я помню, как Гоша подошёл к нам с Максимом и сказал, что нужно писать статью про субъект для «Филина» — это такой маленький студенческий журнал. Мы написали: про субъект и логику российской физры. И Гоша написал: вот этот самый трактат. Номер отложили: нужно было прогнуться и писать не про субъект, а про университет, под это давали деньги.

Год спустя Гоша читал свой текст на дискуссионном клубе в МГУ. Читал плохо, задние ряды смеялись. Плохо, потому что заикался и темнил. Плохо, потому что не популярен марксизм у преподав-хипстеров, учившихся в постмодернистские 90-е: ещё бы, они-де самого Дерриду видели. Правда, тот призвал Маркса не хоронить, — но это ж десятое, главное текст, деконструкция, след, — и чтобы туману больше, это избавит от тоталитаризма и ужасов войны! Плохо, потому что ровно, чётко и конкретно отвечал на вопросы: у нас так не принято, не учтиво по отношению к широкой гуманитарной начитанности вопрошающего.

Тот «Филин» так и не вышел. Так что сейчас мы частично восстанавливаем справедливость.

Введение. «*Debout, les Damnés de l'Université...*»

Студенческий журнал «Филин», тема номера — субъект. Казалось бы, появление статьи о студенчестве как субъекте вполне очевидно. Вместе с тем, я постарался сделать подобное появление как можно менее формальным. Эта статья была написана не для того чтобы откопать уже давно ставший академическим концепт мёртвого субъекта, в очередной раз поглумиться над трупом, а затем зарыть концепт обратно, нет. Даже не ради воскрешения покойного и не ради последующих после воскрешения экспериментов над несчастным зомби. В этом смысле моя задача проста: оживлять никого не надо. *Vivos voco!* Зову живых, зову студентов!

I. Идеология

Определение

Говоря о студенчестве как о субъекте, мы могли бы отталкиваться от юридического определения, чтобы, рано или поздно, увидеть в студенчестве субъекта. На первый взгляд, преимущества этой стратегии очевидны: а) определение удобно; б) определение работает — каждодневная бюрократическая практика с горем пополам подтверждает это; наконец, в) кому, как не заведующим административной механикой высшего образования, знать, кто такие студенты. Однако я выступаю против подобного метода работы.

Студенческий субъект

«Представление, согласно которому непонятное можно раскрыть при помощи понятий, не уподобляя им это непонятное, — утопия познания»¹. И дело тут не только и не столько в том, что студенты являются «чем-то ещё», что не укладывается в рамки формальных понятий минобрнауки, но и в том, что дело обстоит скорее наоборот: каждый студент является субъектом лишь постольку, поскольку укладывается в эти рамки. Речь идёт уже не просто о представлении, не просто об утопии, но, если угодно, об утопии во власти; речь идёт об идеологии. «Всякая идеология апеллирует к конкретным индивидам как к конкретным субъектам. <...> Идеология “трансформирует” индивидов, преобразуя их в субъекты»². В этом смысле каждый конкретный студент уже субъект и только так студент: как владелец студенческого билета, перед лицом бюрократа и/или преподавателя, как составная часть Абсолютного Субъекта — Университета, «в котором всякий субъект может созерцать свой собственный образ (настоящий и будущий)»³, и так далее.

История каждого студента

Таким образом, если бы мы пошли по пути наименьшего сопротивления и приняли юридическое понятие за первоначальную основу наших изысканий, то, действительно, пришли бы к студенческому субъекту. Но, во-первых, этот субъект был бы индивидуальным (тот самый конкретный студент, о котором говорилось выше); я же хочу говорить не об атомарных индивидах, а о студенчестве как коллективном субъекте, чья субъектность, как я постараюсь показать далее, во многом противоположна сумме субъектностей отдельных студентов. Во-вторых, это был бы не просто индивидуальный субъект, но позитивный (хороший) индивидуальный субъект, отвечающий идеологическому формальному определению. Позитивный субъект не «страдает ерундой» (философия), не посещает неакадемических университетских мероприятий и не читает журнал «Филин». Хороший субъект всегда сидит на первых партах, смотрит в рот преподавателю («упанишадствует»), ради зачёта готов конспектировать любой забор и с оптимизмом смотрит в будущее. Заметьте, я не имею в виду какого-либо единственного студента, поскольку каждый студент является конкретным субъектом (в этом юридически-формальном утверждении есть что-то от тавтологии) и, постольку, поскольку является студентом — позитивным (хорошим) субъектом (в противном случае он был бы исключён). Другое дело, что «подавляющее большинство (хороших) субъектов работает хорошо «само по себе», то есть согласно идеологии»⁴.

Невозможность студенчества

Скажу честно, такие субъекты интересуют меня чрезвычайно мало; они лишены коллективной субъектности буквально по определению. Может возникнуть соблазн объявить коллективным субъектом массу индивидуальных. Но «масса парадоксальна — она не является ни субъектом (субъектом-группой), ни объектом. Когда её пытаются превратить в

¹ Т. Адорно «Негативная диалектика».

² Л. Альтюссер «Идеология и идеологические аппараты государства».

³ Там же.

⁴ Там же.

субъект, обнаруживают, что она не в состоянии быть носителем автономного сознания»¹. Вывод напрашивается сам: в юридических понятиях изначально закреплена невозможность студенчества как коллективного субъекта. В целом, на мой взгляд, то же можно сказать и о научных дефинициях; они исходят из юридических понятий или напрямую (абсолютизируя формальный признак и тем самым искусственно конституируя студенчество в качестве позитивной социальной группы), или косвенно, посредством эклектичного восприятия отдельных элементов массы студентов (социологический опрос).

II. Общество

Контекст

Итак, мы выяснили, что идеологически студенчество как позитивный субъект не существует. На мой взгляд, это показательная часть общей картины: я постараюсь продемонстрировать всецелое (тотальное) отсутствие студенчества в качестве позитивного субъекта. Однако чтобы продолжить наш разговор о студенчестве, мы должны выйти за пределы университетских стен. Настало время взглянуть на контекст.

Метод

Современное общество — это классовое общество; я буду рассуждать об институте высшего образования, пользуясь терминологическим аппаратом ортодоксального марксизма. На мой взгляд, это вполне уместный ход в разговоре о студенчестве, поскольку: а) в марксистском понимании студенчество не является классом — это создаёт некоторое поле для манёвра в его социальной характеристике; б) активная фаза маргинализации общественных отношений, в недооценке которой чаще всего обвиняют марксистский анализ², началась во многом с катализирующей роли студенческого движения 60-х-70-х годов XX века.

Фабрика

В условиях существующего способа производства вузы, обучая будущих пролетариев³ умственного труда профессиональному делу и готовя их к поставке на рынок, всё более превращаются в фабрики по первичному производству товара рабочая сила. Становление *Edu-factory*⁴ большей частью проходит скрыто; пресловутый Болонский процесс служит лишь самым ярким симптомом становления, чем очень умело пользуются ректоры традиционных вузов: борясь с симптомом и критикуя Болонскую систему, руководство «классических» университетов одновременно, что совсем не удивительно, организует платные образовательные программы на потребу рынка, тем самым давая ход самой бо-

¹ Ж. Бодрийяр «В тени молчаливого большинства, или Конец социального».

² Надо сказать, редки те случаи, когда эти обвинения грамотно обоснованы.

³ К слову, будут ли пролетарии работать по специальности (в нашем случае — умственно) или нет — важно только для самих будущих пролетариев, но не для рынка, которому нужна лишь постоянно пополняющаяся армия безработных (желательно профессионально безграмотных) для поддержания низкой стоимости рабочей силы. Тему остроумно раскрыла команда КВН «Станция Спортивная» в ставшей популярной среди российских студентов «Песне про грузчика».

⁴ «Edu-factory» (русский аналог «Обра-завод») — неологизм, придуманный западными студентами для обозначения нынешней формы организации университетского образования. Одноимённое название носит международная группа студентов и преподавателей, борющаяся за создание автономного университета.

лезни. В конечном счёте, констатация превращения академии в корпорацию происходит на идеологическом уровне и тем самым завершает процесс. Таким образом, мы можем говорить фактически о любом современном вузе¹ как о промышленном предприятии, применять к нему инструменты классового анализа с последующим выделением тех или иных производственных субъектов.

Говорящий предмет

Каково же положение студента на фабрике по производству интеллектуальной рабочей силы? Если античного раба держали при себе в качестве говорящего орудия, то нынешнего студента низводят до положения говорящего предмета труда. Студент, этот «недочеловек», лишён всякого индивидуального субъектного начала, пока преподаватели — пролетарии умственного труда — не сделают из него производственного субъекта; до тех пор студента ожидают в лучшем случае лишь вспышки субъектности, инициированные сверху (эссе, доклады, курсовые и так далее). Другими словами, студент, а стало быть, и совокупный студент (в отличие от «совокупного рабочего, т. е. комбинированного рабочего персонала, члены которого ближе или дальше стоят от непосредственного воздействия на предмет труда»² и своим постоянным общим воздействием создающие коллективную субъектность), производственными субъектами не являются.

Негативная тотальность

Студенчество не является позитивным субъектом ни в рамках производственных, ни в рамках идеологических структур. Означает ли это, что на самом деле студенчество не является субъектом? Ни в коей мере: это лишь означает, что студенчество не является классическим (читай: классовым) субъектом. Вчерашние школьники и завтрашние пролетарии, студенты всё ещё находятся по ту сторону классового общества, а поэтому не ощущают на себе отчуждение в той мере, в какой его ощущает пролетариат, да и любой другой производственный класс формации; но они располагаются уже достаточно близко к границам классового общества, чтобы чувствовать влияние «капитализма как имманентной системы, которая постоянно переходит свои границы и которая всегда обнаруживает эти границы расширившимися, потому что граница — это и есть сам капитал»³. Болонская система, коммерциализация вузов, превращение студентов в пролетариев, прилепленных к месту учёбы — всё это частные симптомы общего капиталистического расширения, о котором говорил Делёз. Именно в таких, общих для всех студентов обстоятельствах и формируется коллективная студенческая субъектность, и в силу этих же обстоятельств она может быть только негативной, направленной против всего классового общества в целом. В этом свете довольно странно видеть, что кто-то удивляется «тотальному несовпадению лучших студентов по успеваемости и по “знаниям”»⁴, а кто-то считает его не таким уж тотальным⁵. Это тот вид тотальности, когда (внимание, лёгкая нотка Фуко) «форму всеобщ-

¹ Исключение составляют, пожалуй, лишь экспериментальные учебные заведения вроде Парижа VIII — но о них как-нибудь в другой раз.

² К. Маркс «Капитал» (т.1, отд. 5, гл. 14).

³ Ж. Делёз «Контроль и становление» (беседа с Т. Негри).

⁴ А. Рябова «Закрытое общество и его “друзья”» // «Филин», № 1.

⁵ Е. Соколов «Насыщенный Бурдье с лёгкими нотками Фуко и Хайдеггера...» // «Филин», № 2.

ности борьбе придаёт сама система власти, все виды осуществления и применения власти»¹. Несовпадения между свободным и учебным временем, между собственными интересами и образовательным планом, между размером стипендии и уровнем прожиточного минимума — в бесконечном списке этих несовпадений и существует студенчество. Только в борьбе за их разрешение, которое — в силу тотальности власти — не может не превратиться в борьбу за тотальное разрешение всех общественных «несовпадений», студенчество становится субъектом. *L'émancipation de l'homme sera totale ou ne sera pas*².

Новый субъект (Вместо заключения)

Призрак бродит по старому миру, призрак нового субъекта. От Ирландии до Йемена, все силы старого мира объединились для священной травли этого призрака: Берлускони и Саркози, английские консерваторы и греческие социалисты. «*Это не май 1968 года!*» — кричит Либерасьон³. «*Fuck may 1968, fight now!*» — отвечают студенты; история может повторяться дважды, но всегда «первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса»⁴. Студенчеству чужды ностальгические вздохи ветеранов 68-го, в XXI веке они намерены побеждать. Красный Май, один из великих образов прошлого, недавно ещё игравший для современного студенческого движения роль не меньшую, чем для рабочего движения начала XX века играла Парижская Коммуна, не может быть призраком будущего.

11-13 февраля 2011 года в Париже, в Université de Vincennes à Saint-Denis прошла международная университетская конференция с целью «создать мощную транснациональную сеть, в рамках которой мы сможем разрабатывать стратегии совместной борьбы, способной отразить атаку по университетским и общественным свободам»⁵. Российских студентов представляли активисты Уличного Университета и Комитета академической солидарности. По итогам конференции было составлено несколько официальных прокламаций от имени всех её участников. Одна из них⁶, призывавшая провести интернациональные дни действия с 24 по 26 марта 2011 года, заканчивалась словами:

**«Make actions, make autonomy, make our university:
Make capitalism history!
Join the Knowledge Liberation Front:
Fighting and cooperating, this is our Common!»⁷**

Заключение, которое мне осталось написать к статье о субъекте и студенческой революции, становится излишним.

¹ М. Фуко «Интеллектуалы и власть» (беседа с Ж. Делёзом).

² «Освобождение человечества либо будет всеобщим, либо его не будет» — студенческий лозунг Мая 1968 года.

³ «Réforme des retraites: l'anti-Mai 68»// «Liberation», 20.10.2010 (есть перевод на <http://rus.ruvr.ru>).

⁴ К. Маркс «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта».

⁵ <http://edu-factory.org/wp/for-a-new-europe-university-struggles-against-austerity/>

⁶ <http://edu-factory.org/wp/common-knowledge-against-financial-capitalism-24th-25th-26th-of-march-2011/>

⁷ «Действуйте, боритесь за автономию, создавайте наш университет: делайте капитализм историей! Вступайте во Фронт Освобождения Знания: борьба и сотрудничество — наше Общее дело!»

Кристина Бурмина

Моя студенческая философия

Гоша и голубенькие искусственные цветочки в Первом ГумКорпусе. Говорит, что Академический легион — это самоорганизация студентов во время Венской революции. К чему он это говорит?

Кстати, что есть студенческая философия? Вся философия с точки зрения студента. То есть, администрация и преподаватели имеют свою, ангажированную перспективу рассмотрения философии образования и, соответственно, теории познания.

А что есть студенчество? Маркс рядом, конечно, но определения нет и у него. Энгельс упомянул студенчество: пролетарии, говорит, умственного труда, будущая интеллигенция. В позапрошлом веке студенты — вот это сила. И прошлом веке тоже. И сейчас в Греции хорошее дело делают.

Ленин в работе «О студенчестве»: «Стudenчество — самая отзывчивая часть интеллигенции». Гоша против. Определяя будущее, не определяет актуальное. Студенчество не могло быть направляющим.

Гоша: студенчество не есть интеллигенция. Не участник производственных отношений — да. Студенчество является Никем. Из производственных отношений судя — студенчество, скорее, объект. Университет — фабрика. Студент как средство производства. «Горящее орудие труда».

Не будет Гоша уточнять тезис, который я пропустила. Ну и хорошо.

Что же уже такое студенчество?!

Концепция Гоши «Новое Возрождение» (как у Бердяева, но не как у Бердяева). Возрождение — тёмная и кровавая эпоха. Основными участниками тех исторических процессов — классы феодального общества. Гоше известен тезис, что возрождение сейчас — все классы реакционны, как в возрождении.

Студенчество — социальная группа, не участник производственных отношений. Функция: марксизм — катализатор, «малый мотор». На примере того, как сейчас развивается студенческая борьба в Чили, в Греции, студенчество является не просто катализатором, но в условиях той пассивности, в которой оказался пролетариат в обществе потребления...

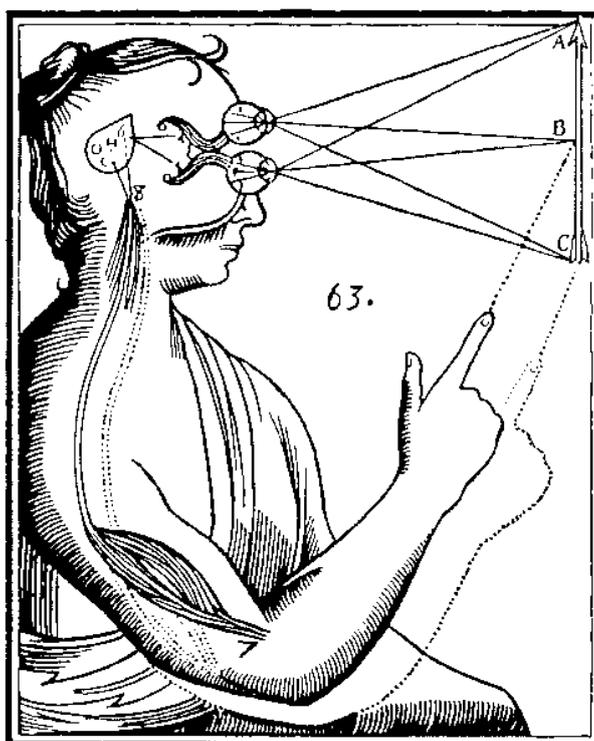
О грядущей революции Гоша не хочет говорить, но в ревмоци студенчество не уступает пролетариату: например, в странах третьего мира, в Чили студенты более революционны, чем пролетарии, не говоря уже о мире №1. Потому что более свободны, чем рабочий, например. Гоша не видит в пролетарии миссию открывателя нового общества. Читайте Гошину статью в его стиле. Там нет определения студенчества. Кристине предлагают работу.

Женя в Диминой рубашке в клетку и крутит ручку, со значком ФК на рукаве. Гоша против всех. Гоша — революционер! Ещё Гоша и Женя стучат пальцами о стол. Кипит, кипит мысль. Валерия милая. А Грамши более классичен. Чем Гоша. Постомодернизм — философия смирения? Они превращают в субъекта любого. Это пассивный постомодернизм. Активный — геи, лесбиянки и т.д.

Гоша! не путай Женю с Крежовым! Студенческая философия должна начинаться с философии образования. Мироззрение студенчества. В каком смысле студенческая философия включает в себя гносеологию, соц.фил. и т.д.? Этот вопрос Гоша оставляет открытым.

У нас появились яблоки. Нам принёс их Артём. Вкусно. И все их грызут. Аналогия возрождения с постмодерном: взлетает искусство. Студенчество как субъект имеет больше возможностей, чем «активный» постмодернизм.

Проблема сознания-тела

Об онтологическом статусе сознания

На сегодняшний день проблема сознания является одной из наиболее обсуждаемых тем в философии. Что представляет собой сознание? Как соотносятся ментальное и физическое, сознание и мозг? Каким образом осуществляется управляющая функция сознания и в чём заключается само условие возможности влияния сознания на физические и физиологические процессы? Наконец, почему нейрофизиологические процессы сопровождаются явлениями сознания, «почему вся эта обработка информации [в мозге] не происходит “в темноте”, безо всякого внутреннего чувства?» (Д. Чалмерс) [цит. по: 5, 160]. Все эти, как и многие другие вопросы в настоящее время активно обсуждаются не только широким кругом философов, представителями самых различных направлений философской мысли, но и специалистами многих естественнонаучных дисциплин: биологами, психологами, нейрофизиологами, представителями когнитивных наук и проч.

На сегодняшний день не существует однозначных и общепринятых ответов на указанные вопросы, а потому зачастую исследователям приходится самостоятельно «открывать сознание заново» (Дж. Серл). Между тем, прежде чем учёный или философ начнёт выстраивать свою аргументацию или оспаривать мнения коллег, проводить эмпирические исследования или строить мысленные эксперименты, ему необходимо изначально уже обладать каким-либо представлением о том, что такое сознание. Таковым обычно служит понимание сознания как определённого качества, свойства или способности человека. Известно, сколь различны мнения относительно того, как именно исследовать данное качество, какими методами и средствами. Ещё большие разногласия обнаруживаются в ответе на вопрос, что представляет собой данное качество, что для него характерно и чем оно отличается от других качеств. Нет согласия и в том, одному ли человеку присуще данное качество, или его также можно приписать (некоторым) животным, ЭВМ или даже всему миру в целом. Однако положение о том, что сознание есть качество (свойство, способность), представляется общим местом и, более того, является расхожим и банальным до очевидности. Действительно, мало кто отважится рассматривать сознание как вещь — такую же, как ручка, книга или сам человек, — также как вряд ли найдётся такой мыслитель, который станет утверждать, будто сознание — это количественная характеристика. Однако банальность (и даже определённая вульгарность) понимания сознания как качества, отсутствие сомнений и споров касательно этого положения приводят к тому, что оно оказывается вне сферы внимания исследователей. Помимо этого, данное положение зачастую рассматривается как чисто формальное, лишённое содержания, а потому не обладающее какой-либо познавательной ценностью, в связи с чем оно не удостоивается обсуждения.

Действительно, данное положение является слишком абстрактным, чтобы из него можно было извлечь ответы на частные вопросы. Однако, как мы полагаем, отрицать его познавательную ценность было бы заблуждением. Последовательное истолкование сознания как качества способно не только предостеречь от превратного толкования самого

предмета исследования или от постановки вопросов, содержащих *contradictio in adjecto*, но и сыграть существенную роль в понимании самой природы сознания и его онтологического статуса.

Онтологическое рассмотрение качества

«Из существующего, — отмечает Аристотель, — одно есть определённый предмет, другое — количество, третье — качество. <...> Кроме указанного, нет ничего сущего» [3, 103-104]. Это деление сущего по родам, проведённое почти две с половиной тысячи лет назад, претерпев определённые вариации за время своего существования, остаётся, тем не менее, применимым и по сей день: по крайней мере, ни одного нового рода сущего обнаружено не было.

Определяя сознание как качество, мы, таким образом, уже подводим его под один из родов сущего. Но род сущего, к которому принадлежит сознание, как раз и характеризует его онтологический статус. Сознание — не количество и не вещь. Сознание — качество, и в этом заключается его сущностная характеристика.

Обратимся к рассмотрению категории «качество». Выше, наряду с нею, мы употребляли такие понятия как «свойство» и «способность». В литературе все три термина зачастую используются как синонимы. Между тем, в философской традиции принято проводить различие между свойством и качеством и определять последнее как «совокупность или систему существенных свойств предмета» [15], тогда как понятия «свойство» и «способность» остаются взаимозаменяемыми, и многие свойства прямо определяются как способности (так, например, память определяется как «способность к воспроизведению прошлого опыта, одно из основных свойств нервной системы, выражающееся в способности длительно хранить информацию и многократно вводить её в сферу сознания и поведения» [18], цвет — как способность тела поглощать и отражать электромагнитное излучение, и т.д.). Именно в этом смысле — как совокупность свойств — мы и будем в дальнейшем понимать качество. Так, например, совокупность физических свойств (массы, энергии, температуры и проч.) обозначим термином «физическое качество»; совокупность биологических свойств (раздражимости, иммунитета, метаболизма, и др.) назовём «биологическим качеством», и т.д.

Неверно, однако, было бы понимать качество как простую рядоположенность свойств: как совокупность, оно представляет собой их связь. О наличии этой связи мы заключаем постольку, поскольку обнаруживаем, что изменение одного свойства влечёт за собой изменение других. Так, например, изменение плотности влечёт за собой изменение температуры, ухудшение метаболизма приводит к снижению иммунитета, и т.п. Мы также замечаем, что связь эта не является произвольной, но изменения одного свойства с необходимостью приводят к соответствующим и всегда определённым изменениям других. Вследствие этого мы говорим о законах, определяющих взаимосвязь свойств в их совокупности. К выявлению таких законов обращены усилия всех естественных наук, каждая из которых изучает соответствующее ей качество. Так, физика, исследующая физическое качество, призвана вскрыть законы, определяющие взаимодействие физических свойств;

биология, изучающая биологическое качество — законы взаимодействия биологических свойств, и т.д.

При этом важно отметить, что свойства в качестве объединены в неразделимую совокупность, что означает, что качество не может потерять одно из своих свойств, не потеряв при этом всех прочих. Так, если мы изыдем из физического качества массу, то вместе с нею лишимся, очевидно, и энергии, и температуры, и плотности, и всех прочих физических свойств, т.е. всего физического качества. Аналогично, если мы лишим организм его репродуктивной способности, его клетки перестанут делиться, и, следовательно, исчезнет и регенеративность, и иммунитет, и способность к росту, и приспособляемость к среде и т.д. — исчезнет всё его биологическое качество.

Неразделимость свойств одного качества служит удобным критерием для различения качеств, который можно сформулировать в следующем виде: если из двух произвольных свойств ни одно не может существовать без другого, то такие свойства принадлежат одному качеству; если же хотя бы одно из них может существовать без другого, то они принадлежат разным качествам. Так, очевидно, что температура не может существовать в отсутствие энергии, и обратно¹, но каждое из этих свойств способно существовать в отсутствие, например, валентности, которая, в свою очередь, неотделима от энергии связи, электроотрицательности и других химических свойств, в совокупности образующих химическое качество. На основе того же критерия в отдельное качество следует выделить также и психические свойства (чувствительность, память, ассоциативную способность и др.)².

Сами качества, в свою очередь, также объединяются в совокупность — вещь (предмет). Вещь как совокупность качеств также несводима к их простой рядоположенности, но связывает их в единство. О наличии связи качеств в вещи также можно судить исходя из того, что изменение свойств одного качества влечёт за собой изменение свойств других качеств. Так, например, химические процессы в организме способны приводить к изменению биологических свойств (скажем, силы иммунитета или скорости регенерации), и обратно: изменение биологических характеристик организма (например, его рост или старение) сказывается на протекающих в нём химических процессах. Подобные взаимозависимости различных качеств изучены гораздо хуже, нежели зависимости друг от друга свойств одного качества; однако значительные успехи междисциплинарных исследований последних десятилетий (в области квантовой химии, биохимии и др.) дают повод предполагать, что когда-нибудь нам удастся строго сформулировать соответствующие межкачественным взаимодействиям законы.

Совокупность качеств, в отличие от совокупности свойств, разделима, что означает, что некоторые качества могут существовать в отсутствие других, однако не всякое — в отсутствие любого другого. Так, например, существуют живые организмы (т.е. вещи, обладающие биологическим качеством), не имеющие психики, тогда как обратное неверно, и психика может наличествовать только у живого существа. Подобное рассмотрение приводит нас к обнаружению иерархической структуры вещи, в которой можно выделить ка-

¹ Поскольку сама температура определяется на основе второго начала термодинамики как «производная от энергии тела в целом по его энтропии» [1].

² Приводимое здесь деление качеств условно и призвано продемонстрировать лишь сам принцип их различения.

чества «высшие» и «низшие». «Из двух качеств “низшим” является то, которое может существовать без другого, “высшего”, а “высшим” — то, которое не может существовать без “низшего”» [13, 125]. Иерархическая структура совокупности качеств указывает нам на основание каждого из них (где основанием «высшего» качества выступает всё множество «низших») и открывает перед нами историческую последовательность их возникновения.

Сознание как качество

Помимо выделенных выше психики и жизни, химического и физического качества, теперь мы обнаруживаем и ещё одно — сознание. Верно ли такое выделение, или, быть может, сознание настолько тесно переплетено с психикой, что составляет с нею одно качество? Пользуясь сформулированными выше критериями, мы можем легко убедиться, что это — два разных качества, из которых психика есть «низшее» и может наличествовать у вещи в отсутствие сознания (пример чего являют многие животные), а сознание, в свою очередь, существует только на основе психики. К тому же, эти качества суть совокупности разных свойств, и если примеры психических свойств уже приводились выше, то к сознанию можно отнести воображение, целеполагание, волю, способности к логическому анализу и синтезу, способность к абстрагированию и т.д.

Мы видим, что указанные нами свойства удовлетворяют принципу неразделимости. Так, синтез (осуществляемый, например, при формировании понятий) немислим в отсутствии анализа (мысленного разделения признаков предмета) и абстрагирования (выделения значимого признака и отвлечения от прочих). Возможность осуществления этих операций требует наличия воображения, поскольку сам «синтез вообще, — по замечанию Канта, — есть исключительно деятельность способности воображения, слепой, хотя и необходимой, функции души» [12, 108]. Но эта «слепая функция души» была бы бесполезна и не могла бы функционировать в отсутствие намеченной цели (создания понятия), а потому требует наличия целеполагания, а также воли, контролирующей движение к этой цели, и т.д. Мы видим, что изъятие хотя бы одного из указанных свойств сознания привело бы к невозможности осуществления других способностей, к устранению всей совокупности этих свойств.

Их связь и взаимозависимость (которая, очевидно, отлична от связи и взаимозависимости свойств психики) обнаруживается также и в том, что изменение одного из этих свойств влечёт за собой изменение других, что особенно отчётливо проявляется в патологических случаях. (Часто приходится слышать об отсутствии у психически больных тех или иных умственных способностей. Отметим в скобках, что патологию, как и всякое нарушение функционирования, неверно было бы отождествлять с устранением самих функций (свойств). Нарушение или расстройство функций сознания есть, иными словами, ослабление, уменьшение или, напротив, чрезмерное усиление этих способностей. Свойствам же присущи количественные характеристики, отчего и способности — как выражения этих свойств — могут уменьшаться и возрастать, что отнюдь не означает их исчезновения или отсутствия, которое, очевидно, привело бы к устранению всего качества сознания.)

Замечания и следствия

К чему приводит нас такое рассмотрение сознания? Вот лишь некоторые из обнаруживаемых следствий.

Прежде всего, оно способствует демистификации сознания. Мы встречаем описание этого качества в терминах «загадки» и «тайны» у большинства как зарубежных, так и отечественных авторов. «В конце XX века появилась даже целое направление “новых мистерианцев”, — отмечает В.В. Васильев, — т. е. философов, утверждающих, что проблема отношения сознания и мозга (как, очевидно, и многие другие проблемы, связанные с сознанием — А.М.) должна остаться “тайной” (mystery)» [5, 36]. Проведённое выше рассмотрение способствует пониманию того, что сознание — качество, загадочное ничуть не в большей или меньшей степени, чем психика, жизнь или физическое качество, и, «может статься, никакой от века загадки нет...» (Тютчев).

Особую таинственность сознанию придаёт его «нефизичность». Действительно, сознанию нельзя приписать таких физических свойств как масса, энергия или температура. Оно «не имеет ни величины, ни формы, ни твёрдости» [17, 244], — рассуждает британский философ С. Прист, в связи с чем приходит к признанию «эфемерности, невидимости, изначально невыразимости» сознания, делая из этого вывод: «сознание не существует» [17, 244]. Такой вывод выглядит вполне логичным, если признать, что мы должны рассматривать сознание как вещь. Но вряд ли можно признать саму эту посылку истинной. Сознание — не вещь; сознание — качество, присущее некоторым вещам (людям). Но можно ли приписывать физические (или какие угодно другие) свойства качествам (будь то сознание, жизнь или само физическое качество)? Очевидно, нет. Абсурдно было бы задаваться вопросом о том, какова температура жизни, или пытаться взвесить химическое качество. Более того, сами физические свойства не обладают физическими свойствами: температура непротяженна, масса «невидима», «твёрдость» не обладает твёрдостью. Но следует ли из этого делать вывод, будто масса — это нечто «эфемерное», а температура — «изначально невыразима», и приходиться к выводу об их несуществовании? Определение онтологического статуса сознания позволяет нам избежать подобных недоразумений в рассуждениях.

Это же помогает нам прояснить и два фундаментальных вопроса, поставленных Д.И. Дубровским, «составляющих суть проблемы “сознание и мозг”»: I. Как объяснить связь явлений СР [субъективной реальности — А.М.] с мозговыми процессами, если первым нельзя приписывать физические, в том числе пространственные свойства, а вторые ими по необходимости обладают? II. Как объяснить способность явлений СР служить причиной телесных изменений, если им нельзя приписывать физические свойства (массу, энергию и др.)?» [10, 195-196]. Вряд ли можно усомниться в значимости данных вопросов. Между тем, Д.И. Дубровский делает акцент на «нефизичности» сознания. Мы, однако, не усматриваем корень проблемы именно в этом. Мозг обладает физическими свойствами (как и химическими, и проч.), поскольку он — вещь; сознанию же нельзя их приписать, поскольку оно — качество, притом качество самого мозга. Но в этом, очевидно, и заключена природа их связи: связь мозга с сознанием есть связь вещи со своим качеством. Что же касается второго вопроса, то выше мы уже отмечали единство и взаимозависимость различных ка-

честв и их свойств друг от друга в вещи. Стоит подчеркнуть, что подобного рода взаимодействие гораздо чаще осуществляется без и помимо сознания: таковым, например, является взаимное обусловливание физических и химических, биологических и психических свойств, и т.д. Кроме того, выше мы уже отмечали условность и определённую грубость нашего деления качеств. Так, например, очевидно, что выделенное нами физическое качество корректнее было бы разделить, как минимум, на два: микро- и макрофизическое; само же микрофизическое качество также, возможно, следовало бы разделить на четыре — по количеству фундаментальных взаимодействий, которые, как известно, возникли в эволюции Вселенной не одновременно и, следовательно, одни свойства, фундирующие их, существовали в отсутствие других, и т.д. То же касается и прочих отмеченных нами качеств. Данное замечание приводится лишь с целью показать многообразие межкачественных взаимодействий. В философии, однако, по какой-то причине принято скрадывать его, уделяя внимание лишь действию сознания на другие качества, которое, будучи противопоставлено всему недифференцированному сонму взаимодействий того же рода, представляется чем-то «загадочным» и «непостижимым». Для объяснения данного явления исследователям зачастую приходится вводить новый, нефизический вид причинности. Быть может, это и оправдано, но в таком случае, оставаясь последовательным, следовало бы ввести новый вид причинности и для объяснения действия химических свойств на физические характеристики.

Высказанные замечания относительно двух выделенных проблем, очевидно, не содержат ответов на вопросы о механизме порождения сознания нейронными процессами или о механизме взаимообусловливании сознания и других качеств, но они способствуют снижению возможности превратных толкований поставленных вопросов, а также указывают путь или, скорее, тот способ их рассмотрения, под углом которого, возможно, удастся найти ответы на них. Насколько сложно будет подобраться к решению только первой проблемы, можно судить по аналогии с тем, сколь трудной для биологов оказалась проблема связи метаболизма с его химическим субстратом, а признаков организма — с генетическим кодом. Подобная проблема (а именно — объяснение механизма порождения массы) поставлена сегодня и в физике; оптимизм же относительно её скорого решения в последнее время значительно упал. Эти аналогии могут оказаться полезными и в методологическом отношении. Мы видим, что усилия естественных наук направлены не на решение вопросов относительно всего качества в целом (физического или биологического), но сконцентрированы вокруг проблем отдельных свойств. Возможно, подобный подход окажется успешным и в решении проблемы «сознание-мозг». Задача, в таком случае, может быть сведена к расшифровке нейродинамических кодов отдельных видов явлений и процессов сознания, и в этом направлении уже достигнуты определённые успехи в рамках информационного подхода [см. 9, 7, 8, и др.].

С другой стороны, нельзя отрицать возможность и принципиально иного подхода к исследованию свойств сознания. Как известно, всякое свойство находит свою определённую количественную значимость, и, если наше исходное понимание сознания как совокупности свойств верно, не исключено, что когда-нибудь нам удастся измерить эти свойства. К сожалению, на сегодняшний день с достаточной строгостью мы умеем измерять свойства лишь низших — физического и химического — качеств. Между тем, попытки из-

мерить биологические и психические свойства, порой приводящие к весьма плодотворным результатам, также имеют место быть. Так, например, современные врачи и диетологи уже довольно точно могут количественно определять суточные потребности организма в лекарствах, витаминах, калориях и т.д. Существуют разнообразные методы измерения уровня иммунитета (по количеству содержания антител или, напротив, определённых видов вируса в крови, и др.). В Московском институте кибернетической медицины сегодня проводятся исследования по измерению уровня депрессии (по содержанию в крови адреналина, норадреналина и дофамина) [4]. Широко известно «Магическое число» 7 ± 2 , открытое Дж. Миллером [14], количественно характеризующее объём кратковременной памяти человека. Здесь же можно упомянуть и экономические способы измерения желаний и потребностей человека, и многие другие исследования. Что же касается измерения умственных способностей человека, то тут стоит упомянуть не только IQ-тест, но и обычную образовательную систему оценок знаний, которая, несмотря на множественные нарекания, зачастую успешно применяется. Возможно, когда-нибудь нам станут доступны точные средства измерения не только этих, но и многих других свойств сознания.

Вместе с тем, каждый из отмеченных подходов, в первую очередь, с необходимостью предполагает строгое выделение и спецификацию самих свойств и процессов сознания. Выше уже были отмечены некоторые из этих свойств (анализ и синтез, воображение и др.), однако их выделение носило во многом условный и демонстративный характер, было лишено системности и, возможно, было ошибочным (не исключено, например, что анализ и синтез стоит рассматривать в кантианском духе как одну — рассудочную — способность). Вслед за Д.И. Дубровским, следует признать: «необходима тщательная разработка феноменологии и систематики (таксономии) явлений СР, форм их структурно-динамической упорядоченности, способов корректного расчленения континуума СР и дискретизации явления СР во времени и по их “содержанию”» [10, 208].

Важно отметить, что такая систематизация требует строгого разделения явлений сознания и психики, поскольку противное способно привести к смещению и даже потере объекта исследования. Литература (в особенности современная), посвящённая проблемам сознания, изобилует понятиями «ментального», «идеального», «духовного», «субъективного», «интроспективного» и др., призванными подчеркнуть тот или иной аспект сознания. Однако в объём данных понятий, помимо сознания, зачастую включается и психика, являющаяся другим качеством. Так, например, популярный сегодня термин «квалиа» Д. Деннет описывает как «необычный термин для обозначения самой обычной из возможных для нас вещи: того, как вещи выглядят для нас» [21]; иначе: «“каково оно” свойство ментальных состояний. То, как оно чувствуется, когда испытываешь такие ментальные состояния как боль, видение красного цвета, запах розы и т. д.» [21]. Несомненно, подобные «состояния» являются важным объектом научных исследований, а их нейрофизиологические основания вызывают неподдельный интерес, в особенности в том отношении, что их изучение может помочь в понимании нейрофизиологии сознательных процессов. Но не менее важным представляется осознание того факта, что сами «боль», «видение красного цвета» и другие подобные переживания суть не сознательные, но психические явления, свойственные не только человеку, но и многим животным, например, мышке-полёвке. Психика как «низшее» качество служит основой сознания, и само сознание, по-видимому, невоз-

можно в отсутствие психики¹. Однако сознание не есть психика, оно представляет собой совокупность свойств, качественно отличных от психических, имеющих иные способы проявлений (например, в речи или целенаправленном действии), взаимозависимость которых определяется иными законами, и т.д. Необходимо помнить, что между сознанием и психикой лежит такая же граница, какая пролегает между мыслью и чувством, и что смешение их может привести к потере самого объекта исследования.

Подобное смешение часто приходится наблюдать в отношении сознания и «высшего» по отношению к нему качества — самосознания. О том, что это два разных качества, мы заключаем в соответствии с выделенным выше критерием и на основании факта возможности существования сознания в отсутствие самосознания, о чём свидетельствуют данные психологии. Так, например, С.Л. Рубинштейн прямо указывает: «Не сознание рождается из самосознания, из “я”, а самосознание возникает в ходе развития сознания личности. <...> Самосознание является относительно поздним продуктом развития сознания» [19, 741], возникновение которого обычно отмечается в возрасте трёх лет и сопровождается кризисом трёхлетнего возраста [16, 88]². Отметим, что понимание самосознания как позднего и вторичного по отношению к сознанию качества часто встречается и в философии; вот, например, как об этом пишет М.Хайдеггер: «Это понимание — будто бы первым делом и прежде всего дано лишь Я, — некритично. <...> Естественное сознание как раз не имеет ни малейшего знания о чём-либо подобном. Наоборот, изначальная данность существования здесь — в том, что оно пребывает в мире» [20, 130]. Самосознание как отдельное качество на сегодняшний день исследовано в ещё меньшей степени, нежели сознание. К самосознанию обычно причисляют такие свойства как рефлексия, интроспекция, самопознание, самооценка, а также совесть и стыд: «Появление чувства стыда, по мнению Э.Эриксона, связано с возникновением самосознания, ибо стыд предполагает, что субъект полностью выставлен на общее обозрение, и он понимает своё положение» [16, 102]. Очевидно, в данной области, как и в области сознания, выделение и систематизация свойств, а также определение их связи и взаимозависимости представляются задачами первостепенной значимости.

Наконец, отметим необходимость ещё одного подхода к решению проблемы сознания. Прописной истинной в философии является тезис Ф. Бэкона о том, что истинное знание есть знание причин. Эту же мысль высказал ещё Аристотель: «Знать, что именно есть

¹ Данный тезис непосредственно затрагивает проблемы создания искусственного интеллекта. Описанная выше иерархическая «пирамида» качеств — единственно известная нам на сегодняшний день — указывает на невозможность наличия сознания в отсутствие всех «низших» ему качеств. Однако нельзя отрицать возможности искусственного построения иной «пирамиды», с иными качествами или иной их последовательностью.

² Отметим, что другие психологи часто относят возникновение самосознания к ещё более позднему периоду жизни ребёнка. Так, Л.С. Выготский отмечает: «Уже исследования Пиаже показали, что интроспекция начинает развиваться в сколько-нибудь значительной степени только в школьном возрасте. <...> В дошкольном возрасте ребёнка спрашивают: “Ты знаешь, как тебя зовут?” Он отвечает “Коля”. Он не может осознать, что центр вопроса не в том, как его зовут, а в том, знает ли он, как его зовут, или не знает. Он знает своё имя, но не осознаёт знания своего имени» [6, 877]. «В концепции Д. Б. Эльконина, — пишет Л.Ф. Обухова, — подростковый возраст, как всякий новый период, связан с новообразованиями, которые возникают из ведущей деятельности предшествующего периода. Учебная деятельность производит “поворот” от направленности на мир к направленности на самого себя» [16, 354], т.е. к возникновению самосознания.

[данная вещь], и знать причину [её] бытия — одно и то же» [2, 325]. Очевидно, что любое исследование сознания, игнорирующее проблему его происхождения, будет неполным. Отметим, что рассмотрение сознания как качества приводит к определённым выводам и в этой области. Принцип неразделимости свойств одного качества, в частности — невозможность существования одних свойств сознания в отсутствие других, говорит о том, что сознание не могло возникать «по частям», как не могло оно возникать и «постепенно». У качеств нет «степеней» наличия: нельзя быть в большей или меньшей мере живым, как нельзя быть физическим «на треть». Сознание, как и всякое качество, либо наличествует у вещи, либо отсутствует. Несомненно, свойства и способности сознания могут быть развиты в большей или меньшей степени, однако само их наличие не имеет степеней¹. Из этих замечаний следует, что сознание с необходимостью должно было возникнуть разом, одновременно и целиком, или, как говорят диалектики, скачком.

Несомненно, ответ на вопрос, как именно и почему возникло сознание, во многом способен пролить свет на саму его природу и оказать неоценимую помощь в исследовании данного качества (в связи с этим особый интерес представляет недавняя работа [13]). Это побуждает нас прийти к выводу, что комплексное изучение сознания, осуществляемое сегодня на пересечении нано-био-инфо-когнитивных наук и технологий, должно быть дополнено не только социогуманитарным подходом (по этому поводу см.: [11]), но также и антропологическими исследованиями.

* * *

В заключение стоит отметить, что онтологическое рассмотрение сознания как качества, проведённое выше, не способное дать ответы на множество конкретных вопросов, тем не менее, во многом помогает лучше понять сам изучаемый объект и поставить в отношении него корректные вопросы, способствует определению позиций и методов исследования, а также предостерегает от множества проблем, а иногда и ошибок, способных возникнуть как следствие превратного толкования природы одного из человеческих качеств.

Литература

1. Андреев Л.Ф. Температура (в физике) // Большая советская энциклопедия: В 30 т. — М.: Советская Энциклопедия, 1969-1978. Т. 25.
2. Аристотель. Вторая аналитика // Сочинения. В 4-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1981.
3. Аристотель. Физика // Сочинения. В 4-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1981.
4. Борисова Г. Сколько весит депрессия? // Официальный сайт Клиники кибернетической медицины:
URL: http://www.cybermed.ru/articles/publications/index.php?ELEMENT_ID=11009.
5. Васильев В.В. Трудная проблема сознания М.: Прогресс-Традиция, 2009.
6. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. Психология развития человека. М.: Изд-во Смысл; Эксмо, 2005.

¹ Эти замечания способны также предостеречь от распространённой ошибки приписывания животным сознания в каком-то «зачаточном» состоянии, будто оно присуще им «отчасти», «чуть-чуть» и «не до конца».

7. Дубровский Д.И. Информация, сознание, мозг. М.: Высшая школа, 1980.
8. Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон+, 2002.
9. Дубровский Д.И. Психические явления и мозг. Философский анализ проблемы в связи с актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики. М.: Наука, 1971.
10. Дубровский Д.И. Сознание как предмет нейрофизиологического исследования (эпистемологические и методологические вопросы) // Философские науки. Выпуск 15. Эпистемология: актуальные проблемы. М.: ИФ РАН, 2010.
11. Дубровский Д.И. Субъективная реальность, мозг и развитие НБИК-конвергенции: эпистемологические проблемы // Эпистемология вчера и сегодня. ИФ РАН, 2010. С. 69-82.
12. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения. В 8-ми т. Т. 3. М.: ЧОРО, 1994.
13. Мерцалов В.Л. Логика антропогенеза. Происхождение человека ещё не завершено. СПб.: «Алетейя», 2008.
14. Миллер Дж. А. Магическое число семь плюс или минус два // Психология памяти. Хрестоматия по психологии. М.: 2000, С. 564-581.
15. Никифоров А. Л. Качество // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001. Т.2. С.237.
16. Обухова Л.Ф. Возрастная психология. Учебное пособие. М.: Педагогическое общество России, 1999.
17. Прист С. Теории сознания. М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуал. кн., 2000.
18. Розанов С. И. Память // Большая советская энциклопедия: В 30 т. М.: Советская Энциклопедия, 1969-1978. Т. 19.
19. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб: Издательство «Питер», 2002.
20. Хайдеггер М. В. Исследовательская работа Вильгельма Дильтея и борьба за историческое мировоззрение в наши дни // Вопросы философии, №11, 1995. С. 119-143.
21. Dennett D. Quining Qualia // The official site of Center for Cognitive Studies:
URL: <http://ase.tufts.edu/cogstud/papers/quinquial.htm>.

Евгений Интер: Достаточно аналитично, последовательно (академизм, да), выглядит вполне сбалансировано изнутри той оптики, которую он использует (со свойствами и качествами), хотя она и кажется мне несколько слабой [так, например, редукция самосознания к его дескриптивности кажется недостаточной относительно его собственной возможности менять взгляд на реальность — все те теории, которые он использует, созданы самосознаниями и изменяются во времени, а отнюдь не так стабильно-однозначны, как он хочет это показать; то же — к другим используемым им категориями (как будто они безразличны ко времени и контексту)]. Ну да ладно.

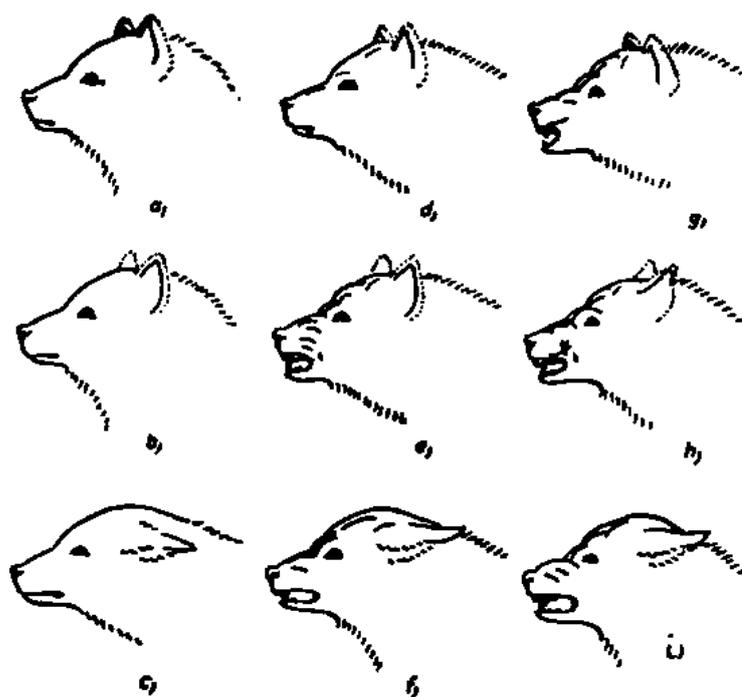
Ты, конечно же, догадался, как меня порадовала NBIC-конвергенция по Дубровскому, упомянутая им в конце. Моё мнение о нём как о чисто гегелевце-спекулянте изменилось в лучшую сторону. Реально, признателен за ссылку!

Как думаешь, в Америке эта статья была бы интересна в каком-нибудь аналитическом сборнике?

Элиас Отис: ОЧЕНЬ антиэволюционна статья... Рассуждения насчёт невозможности постепенного возникновения сознания — только на том основании, что мы довольно произвольно выбрали считать сознание неким цельным «качеством». Раньше вон, например, считалось, что магнетизм и электричество или масса и энергия — это два разных качества, потом обнаружили, что это разные свойства одного. Или наоборот, раньше считалось, что всё вокруг (и движение планет, и жизнь, и пр.) — это проявления одного качества «воля Божья», а потом разобрались и решили, что у всего этого свои причины. Да и аристотелевское деление какое-то уж больно... аристотелевское, никогда не забуду ему 4-ногую муху. Например, фиолетовый свет — это предмет (фотоны с определёнными свойствами), количество (частота колебания — то есть число волн на заданную длину) или свойство? Может ли быть «существующим» количество в отрыве от предмета или предмет без свойств? И т.д. Кстати, даже с приведённым примером 4 взаимодействий (как 4 самостоятельных качеств) — раньше их было 4, потом электромагнитное и слабое стало электрослабым, сейчас и с сильным их, вроде, формулами связали, а насчёт 4-го одни считают, что его тоже объединят, другие — что это вообще не взаимодействие как таковое, а особенности искривлённого пространства. То, что выделено сейчас как сознание, самосознание и психика, тоже раньше воспринималось как нечто единое. Что касается возникновения, то, по моему, всякому этологу и зоопсихологу очевидно, что «сознание» — это не нечто неделимое, а именно совокупность связанных между собой качеств: связанных между собой, но совсем не обязательно невозможных одно без другого. В общем, статья выглядит очень умно, но создаётся впечатление, что автор подгоняет факты под собственное мнение и при этом недостаточно владеет темой с биологической стороны.

Причём даже сам автор признаёт, что его выделение качеств очень условно, но в случае с сознанием на основании этого условного выделения делает такой далеко идущий вывод, как единомоментность возникновения сознания. Так можно договориться и до единомоментности возникновения жизни. Кстати, он приводит пример, что нельзя быть «немного живым», но это даже в других докладах ФК рассматривалось — размытие понятий жизни и смерти в теме иммортализма. Вирус «более живой», чем прион, но «менее живой», чем человек, прион «более живой», чем камень, и т. д., особенно с термодинамическим определением жизни, но и просто по традиционно принятым определениям.

Проблема агрессии

Биологическое и социальное в человеке на примере внутривидовой агрессии

В последние годы вопрос о соотношении социального и биологического в человеке становится всё более актуальным, если не сказать острым. Это вызвано не только тем, что на него по-прежнему нет однозначного ответа (если таковой вообще возможен), но и развитием естественных наук, а точнее того, что получило название NBIC-конвергенции (по первым буквам областей: N-нано; B-био; I-инфо; C-когно). Термин введён в 2002 году Михаилом Роко и Уильямом Бейнбриджем, авторами наиболее значительной в этом направлении на данный момент работы, отчёта *Converging Technologies for Improving Human Performance*, подготовленного 2002-м году в рамках Мирового центра оценки технологий (WTEC).

Конвергенция (от английского *convergence* — схождение в одной точке) означает не только взаимное влияние, но и взаимопроникновение технологий, когда границы между отдельными технологиями стираются. В отношении NBIC-конвергенции можно даже говорить об ожидаемом частичном слиянии этих областей в единую научно-технологическую область знания, которая, в конечном итоге, может радикально изменить человечество, начиная с индивида и заканчивая общественным строем. По оценкам некоторых экспертов, мы стоим на пороге транс- или даже постчеловека. А если учесть активное применение инструментов для поиска, обработки и структурирования информации, систем личной производительности, поисковых систем и других онлайн-инструментов, ноотропных средств и носимых электронных устройств, то первые шаги в этом направлении уже сделаны. Всё вышеперечисленное можно назвать «дополнением разума» (*intelligence augmentation*). И если мы хотим сохранить человека, не перейти от дополнения к замещению, то выяснение роли биологического в человеке становится задачей наибольшей важности, причём задачей, требующей комплексного, а не только естественнонаучного подхода.

В этой статье делается попытка определить границы биологического и социального на примере агрессии, опираясь на труды одного из основателей этологии, Конрада Лоренца, т.к. говорить о возможных биологических предпосылках агрессии уместнее всего на основе сравнительного анализа человека и животных. Иначе заявления об уникальности человеческой психики и ведущей роли социального в жизни каждого индивидуума выглядят не очень убедительно. Равно как и фразы о хищнической природе человека или об искажении изначально «невинного» человека современной цивилизацией.

Данная статья опирается на труды Конрада Лоренца ещё и потому, что он, в первую очередь, был естествоиспытателем и несколько ключевых периодов его жизни стали своего рода грандиозными полевыми исследованиями, в которых он был непосредственным участником, а не только наблюдателем. В силу этого именно в вопросах агрессии его мнение заслуживает большего внимания, чем гипотезы некоторых «кабинетных» учёных.

Помимо работ Лоренца, для большей достоверности и многосторонности своего небольшого исследования я использовал статьи и его оппонентов.

Полностью изложить этологическую теорию нет возможности, поэтому напомним только некоторые её положения, относящиеся к модели инстинктивного поведения. По Лоренцу, основу видоспецифичного поведения животных составляют врождённые «инстинктивные действия», или «наследственные координации» — движения, имеющие постоянную генетически закреплённую форму. Получивший широкое распространение английский вариант этого термина — *fixed action patterns* — следовало бы перевести на русский как «фиксированные формы действия». В русской литературе по зоопсихологии и этологии он часто встречается также в виде аббревиатур ФКД (фиксированный комплекс действий) или КФД (комплекс фиксированных действий). Вот что о ФКД пишет Лоренц в «Обратной стороне зеркала»:

«Но даже самые быстрые из всех известных нам филогенетических процессов настолько уступают в скорости культурно-историческим изменениям, что различие темпов можно использовать для распознавания природы процессов изменения. Если мы обнаруживаем, что определённые формы движения или нормы социального поведения являются общечеловеческими, т. е. наблюдаются в совершенно одинаковой форме у всех людей всех культур, отсюда с вероятностью, граничащей с достоверностью, вытекает, что они запрограммированы филогенетически и закреплены в геноме. Иначе говоря, крайне маловероятно, чтобы нормы поведения, закреплённые лишь традицией, оставались неизменными в течение столь длительных промежутков времени. Есть все основания допустить, что в эмоциональной сфере, играющей столь важную роль в мотивации нашего социального поведения, содержится особенно много филогенетически закреплённых, унаследованных элементов».

Подтверждением этого допущения служат исследования И. Эйбль-Эйбесфельдта, которые показали, что формы выразительных движений оказались тождественными, даже при самом точном анализе с помощью «лупы времени», у папуасов центральной части Новой Гвинеи, у индейцев вайка в верховьях Ориноко, у бушменов Калахари, у тжимба на плато Каоко, у австралийских аборигенов, у высококультурных французов, южноамериканцев и других представителей нашей западной культуры.

Кроме того, И. Эйбль-Эйбесфельдт снимал на плёнку и анализировал выразительные движения детей, родившихся слепыми и глухими, ставя вопрос таким же образом и пользуясь той же методикой, что и при исследовании культур. Результат был таким же простым и красноречивым: именно те выразительные движения, которые при сравнительном исследовании оказались тождественными у людей всевозможных культур, почти без исключений обнаруживались в той же форме у этих детей. В свете этого факта рушится ещё и сегодня упорно защищаемая многими антропологами теория, согласно которой всё социальное и коммуникативное поведение человека определяется исключительно культурной традицией.

Получается, что биологическое интегрировано в социальное намного глубже, чем кажется на первый взгляд, т.к. ФКД в какой-то степени регулирует наше социальное поведение. Так же, как и биохимическая регуляция высшей нервной деятельности. Пока мы существуем из плоти и крови, а не из кремния и золота, мы в какой-то степени остаёмся жи-

вотными. Без сравнительного анализа эту «степень» не определить. На примере применения свиного и кроличьего инсулина в инъекциях диабетикам видно, что мы с ними «одной крови». Отрицать биохимию как одну из основ наших эмоций — это отрицать почти вековой опыт современной лекарственной психиатрии. Кроме того, если бы состояния радости и блаженства не зависели от нейромедиаторов, то и наркомания не существовала бы как явление. С другой стороны, нельзя свести все наши переживания только к их биохимической основе, хотя бы уже из-за документально зафиксированных успехов психоанализа, когда улучшение психического здоровья пациента наступало без медикаментозного вмешательства. Точно так же дело обстоит с «парламентом инстинктов», как называл его Лоренц. Очевидно, что было бы крайне опрометчиво свести всё поведение человека только к его инстинктам. Но и абсолютизировать влияние социального начала невозможно так же, как и отрицать биохимическую составляющую эмоций. А без проведения аналогий с животными оценка масштабов влияния инстинктов на сознательную человеческую деятельность будет неполной. Понятно, что людская масса неоднородна, и кто-то идёт у своих инстинктов на поводу (у того же инстинкта размножения), а кто-то тратит большую часть своего времени более продуктивно, но некое «давление» инстинктов на сознание в равной мере испытывают и тот, и другой. Следовательно, оправдана и базовая классификация человеческой агрессии, построенная по аналогии с классификацией животной.

Ключевым трудом Конрада Лоренца по природе внутривидовой агрессии является книга «Агрессия», в некоторых переводах — «Так называемое зло». В этом труде от изучения агрессивного поведения тропических рыбок Лоренц переходит сначала к механизму агрессивного поведения вообще, включая механизмы торможения, а затем к различного рода животным сообществам, плавно переходя от них к человеку. При этом он не проводит детальную классификацию различных видов внутривидовой агрессии, ограничиваясь лишь разграничением на **межвидовую** и **внутривидовую**, выделяя из последней **брачную** и **территориальную**. Причём обе он рассматривает преимущественно на примере тропических рыбок и европейских птиц.

Опуская разработанную К. Лоренцом гидравлическую схему внутривидовой агрессии, ставшую к нашему времени анахронизмом в этологии, отметим, однако, что предложенная Лоренцем модель в определённых пределах хорошо описывает феноменологию инстинктивных действий, а также циклические изменения, происходящие в реактивности нервной системы животного к внешним раздражителям — снижение порога совершения действия, если оно долго не выполнялось, восстановление готовности к инстинктивным действиям после перерыва и возможность появления реакций на неспецифические раздражители. Но абсолютизировать её, распространяя на все живые существа и все инстинкты, ошибочно.

Фактически, на этой схеме базируется вся книга Лоренца. Гидравлической схемой объясняются все проявления агрессии от тропических рыбок до «экспедиционной лихорадки» людей. При этом совершенно упускается из виду, что стычки у теплокровных достаточно редко заканчиваются смертельным исходом, тогда как насекомые дерутся до гибели противника, а упомянутых Лоренцом рыб останавливает только углубление в «чужую» территорию, на которой баланс между реакциями типа «бей» или «беги» смещаются в сторону последней.

Ещё одним важным термином, используемым Лоренцом, является *псевдовидообразование* (*pseudo-speciation*, термин Эрика Эриксона). Фактически это защитный механизм психики, позволяющий человеку воспринимать любого чужака как особь другого вида. Речь может идти о другой нации, фанатах другой футбольной команды, человеке, нарушившем писанный или неписанный закон, о молодёжной группировке из другого района... Список можно продолжать до бесконечности. Агрессор проводит нехитрое деление на «своих» и «чужих», убеждая себя в том, что последние вроде бы и не люди, а нечто низшее, хоть и антропоморфное. В результате снимаются его врождённые и приобретённые в результате воспитания ограничители (механизмы торможения агрессии). После этого представитель новообразованного вида вызывает у агрессора негативное отношение независимо от личных качеств, а враждебные (конкурентные) действия в его отношении считаются оправданными. Фактически, современная геополитическая ситуация и многообразие национальных самосознаний — результат псевдовидообразования.

Вместо того чтобы списывать на гидравлическую модель спонтанные, на первый взгляд, проявления агрессии, я предлагаю провести более жёсткую классификацию агрессивного поведения, которая позволит найти истоки для любого случая срабатывания этого инстинкта. На мой взгляд, это позволит доказать, что каждый конкретный агрессивный поступок является следствием не накопления некой «внутренней» энергии, как это позиционирует Конрад Лоренц, а защитной реакцией психики на вполне конкретный раздражитель. Причём интенсивность вспышки агрессии напрямую зависит от продолжительности и силы воздействия данного раздражителя. Необходимо заметить, что в отличие от животных, раздражителем у человека может выступать в том числе и некая внутренняя мотивация наподобие вышеупомянутого псевдовидообразования или «спортивной злости».

Можно условно выделить три большие категории агрессии:

- 1) Защитная агрессия.
- 2) Турнирная агрессия.
- 3) Охотничья агрессия.

Сразу хочу оговориться, что термин «охотничья» мною здесь использован условно, так как на практике хищник никогда не испытывает к незащитной жертве агрессии, а скорее охотничий азарт, который не является агрессией сам по себе, как и, например, голод. В третьей главе «Агрессии» Лоренц очень чётко формулирует суть взаимодействия «хищник-жертва»:

«...столкновение между хищником и добычей вообще не является борьбой в подлинном смысле этого слова. Конечно же, удар лапы, которым лев сбивает свою добычу, формой движения подобен тому, каким он бьёт соперника, — охотничье ружьё тоже похоже на армейский карабин, — однако внутренние истоки поведения охотника и бойца совершенно различны. Когда лев убивает буйвола, этот буйвол вызывает в нём не больше агрессивности, чем во мне аппетитный индюк, висящий в кладовке, на которого я смотрю с таким же удовольствием. Различие внутренних побуждений ясно видно уже по выразительным движениям. Если собака гонит зайца, то у неё бывает точно такое же напряжённо-радостное выражение, с каким она приветствует хозяина или предвкушает что-нибудь приятное. И по львиной морде в драматический момент прыжка можно вполне отчётливо видеть, как это зафиксировано на многих отличных фотографиях, что он вовсе не зол. Ры-

чание, прижатые уши и другие выразительные движения, связанные с боевым поведением, можно видеть у охотящихся хищников только тогда, когда они всерьёз боятся своей вооружённой добычи, но и в этом случае лишь в виде намёка».

Вообще этот тип по сути своей очень сильно похож на соревновательную агрессию (к которой в т.ч. можно отнести и охотничий азарт), но, в отличие от неё, смещает акценты с состязания на непосредственную деструкцию.

Аналогично условным является использование мною термина «турнирная», так как в литературе этот термин выступает в роли синонима брачной агрессии. Я использую термин «турнирная» для того, чтобы подчеркнуть, что агрессия данного вида в своей основе не несёт задачу уничтожить атакуемый объект. Термин «турнирная» я выбрал по аналогии с рыцарскими турнирами Средних веков, где агрессия носила соревновательный характер, оружие было затуплено, а травма, вплоть до летальной, рассматривалась, как нежелательный побочный результат, а ни в коем случае не цель и даже не средство достижения победы. Очевидно, что такая классификация весьма условна, и некоторые конкретные примеры окажутся на стыке нескольких подвидов агрессии. Или в состоянии аффекта человек с турнирной агрессии может «увлечься» и переключиться на охотничью. Рассмотрим каждый вид подробнее.

В случае **защитной агрессии** человек сам по себе не является угрозой, как правило, даже не осознаёт себя как личность и не отдаёт отчёта своим поступкам, действуя исключительно инстинктивно. Разумеется, что этим инстинктом является инстинкт самосохранения. Агрессия в таком случае выступает в роли защитной реакции. Угроза при этом может быть как известной, так и неизвестной. Сопутствующей эмоцией является всепоглощающий ужас. Это состояние хорошо описано в книге «На западном фронте без перемен» непосредственного участника боевых действий Э.М. Ремарка:

«Я ни о чём не думаю, не принимаю никакого решения, молниеносно вонзаю в него кинжал и только чувствую, как это тело вздрагивает, а затем мягко и бессильно оседает. Когда я прихожу в себя, я ощущаю на руке что-то мокрое и липкое».

То есть в данном случае агрессия является ответной реакцией на внешний раздражитель, который может и не являться человеком. Фактически это может быть даже не внутривидовая агрессия. При этом человек зачастую может даже не отдавать отчёта в своих поступках:

«В эти минуты мы действуем как автоматы, — иначе мы остались бы лежать в окопе, обессиленные, безвольные. Но что-то увлекает нас за собой, и мы идём вперёд, помимо нашей воли и всё-таки с неукротимой яростью и бешеной злобой в сердце, — идём убивать, ибо перед нами те, в ком мы сейчас видим наших злейших врагов. Их винтовки и гранаты направлены на нас, и если мы не уничтожим их, они уничтожат нас!»

Пользуясь последним лозунгом, вожди всех мастей натравливали друг на друга народы, заставляя их под предлогом самозащиты сначала выходить на поле боя, а потом вынужденно убивать там друг друга, просто спасая свои жизни. И если сначала война имела ещё какой-то соревновательный элемент (т.е. «турнирную агрессию»), определённые правила (т.е. неписаный кодекс чести воина), то с внедрением в XX веке понятия «тотальной войны» она превратилась в ту кровавую бойню, которую описывают Ремарк и Миро-

нов. В этом случае, в зависимости от ситуации и психотипа, человек и проявляет защитную или охотничью агрессию. Но не будем забегать вперёд.

Турнирную агрессию можно условно разделить на *брачную, территориальную, иерархическую, соревновательную* (игровую) и *парентальную* (конфликт поколений).

С **брачной агрессией** у животных всё достаточно просто. Брачный поединок двух самцов у большинства видов строго ритуализирован, зачастую ведётся при помощи «специального оборудования» (напр., рога у лосей, которые практически не используются для самозащиты от хищников), и травма соперника никогда не является его конечной целью. Причём брачный сезон у животных соответствует определённому времени года и строго фиксирован по продолжительности. С человеком всё обстоит несколько сложнее. Если исходить из анализа количества родившихся в месяц (по данным Федеральной государственной службы с 2006 по 2009 гг.), то максимумы зачатий приходятся на август-сентябрь, а пик преступлений сексуального характера на летние месяцы. При этом рост числа вышеозначенных преступлений продиктован скорее упрощением технической стороны процесса, чем увеличением сексуальной активности. Причём колебания количества зарегистрированных новорождённых и сексуальных преступлений не очень значительны. Отклонение максимального значения от среднего составляют 14% и 22% процентов соответственно. Из чего напрашивается вывод, что человеческая сексуальная активность практически не зависит от времени года. Следовательно, с одной стороны, брачная агрессия *Homo sapiens* растянута почти равномерно (с очень небольшими отклонениями) на весь год, с другой стороны, она менее ярко выражена и практически не ритуализирована. Причём, в зависимости от ситуации, из сферы физиологии она может перемещаться в область экономики (отбор самцов для спаривания в зависимости от размеров их счёта в банке) или политики. Кроме того, брачная, иерархическая и соревновательная агрессия ложатся в основу такого феномена как самореализация, пусть даже и чисто бессознательно. Например, в спортивных журналах встречаются статьи, в которых утверждается, что одного присутствия девушки достаточно для повышения уровня тестостерона в крови мужчины, благодаря чему он может достигнуть более высоких спортивных результатов в этот момент, даже не осознавая при этом реакции своего организма на особь противоположного пола.

Так что брачная агрессия присутствует в нашей жизни, пусть и закамуфлированно. Формы её камуфляжа подробно анализируют З. Фрейд и его последователи.

Название **территориальной агрессии** говорит само за себя. Примечательно другое: механизмы её реализации. Если у рыб и птиц (причём только тех видов, которые территориально зависимы из-за типа своего питания или гнездования) территориальная агрессия проявляется непосредственно в столкновениях физического характера, то уже у млекопитающих хищников она выражается в системе разметки охотничьей территории, что почти полностью (у семейства кошачьих) или частично (у волков) предотвращает непосредственно сами драки. Причём гибель кого-то из сражающихся в случае такого конфликта скорее исключение, вызванное экстремальными условиями, чем правило. Это хорошо продемонстрировал опыт с крысами Ф. Штайнигера, который приводит Лоренц в 9 главе «Агрессии». При размещении 15 крыс на 64 квадратных метрах через 3 недели в живых осталась только одна пара, которая и дала потомство. При повторении того же опыта Джон Б. Колхаун из Балтимора на площади в 16 раз больше 14 ранее не знакомых между собой (как и в

опыте Штайнигера) крыс просто разделились на две семьи и существовали вместе с минимальной конфронтацией в течение 27 месяцев наблюдений. Это, во-первых, опровергает гидравлическую теорию агрессии, во-вторых, служит ещё одним доказательством того, что территориальная агрессия в норме не направлена на убийство сородичей. А вот резкое сужение ареала обитания приводит к повышению агрессивности. Именно в этом феномене кроется, с очень большой долей вероятности, основа так называемой «экспедиционной горячки», которую Лоренц неизменно упоминает почти во всех своих трудах, связанных с внутривидовой агрессией. Напомню, что экспедиционной горячкой или холерой Лоренц называет раздражение, постепенно возрастающее в небольшом коллективе, изолированном от общества на долгое время и на небольшой площади, как то: барак в концлагере, палатка экспедиции или зимняя промысловая избушка охотников в тайге. Главное, что объединяет эти замкнутые пространства, — отсутствие минимального личного пространства для любого члена этого коллектива. Что в итоге становится, пусть и бессознательно, пусковым механизмом территориальной агрессии, выплёскивающейся в виде неконтролируемых вспышек ярости, как правило, ничем не спровоцированных. Гидравлическая схема в данном случае себя не оправдывает, т.к. согласно ей вспышки насилия должны возникнуть в любом относительно замкнутом социуме, а многочисленные наблюдения за племенами папуасов, эскимосов, тлинкетов, колошей, алеутов и других, проживающих в общинных домах, показывают обратное. Уровень агрессии внутри этих коллективов стремится к нулю как раз из-за того, что жители общинного дома воспринимают друг друга как части единого целого, следовательно, нет потребности в отделённом ото всех личном пространстве. То есть нет основы для территориальной агрессии. Если же микросоциум разобщён, «атомизирован» (как, например, заключённые концлагеря), то возникающая потребность в личном пространстве запускает инстинктивный механизм территориальной агрессии, проявления которой Лоренц ошибочно приписывает беспричинному «гидравлическому» накоплению инстинктивной энергии.

Закончить рассмотрение территориальной агрессии хочется напоминанием того, что простой солдат, как правило, воюет вдаль от «малой родины», зачастую даже на чужой земле. В этом случае речь идёт скорее не о проявлении инстинкта, а о хорошо развитой государственной пропаганде или системе принуждения («солдат должен бояться палки своего капрала больше, чем штыка неприятеля»).

Рассмотрим **иерархическую агрессию**. Братья Рейнольде, изучавшие жизнь шимпанзе в лесах Бадонго, сообщают, что с их агрессивным поведением они встречались чрезвычайно редко: «За 300 часов наблюдения мы были всего 17 раз свидетелями ссор, да и то до настоящих схваток дело не дошло, а стычки длились не более нескольких секунд». Только два раза из этих семнадцати случаев в столкновении участвовали взрослые самцы. Сходные наблюдения даёт и Джейн Лавик-Гудолл: «Только четыре раза удалось заметить возмущение и угрожающую стойку, когда младший по рангу самец попробовал “отведать пищи раньше, чем это сделал старший”... Лишь один раз мы видели стычку взрослых самцов». С другой стороны, замечено «много различных способов установления и поддержания хороших отношений (целый ряд жестов, ужимок, знаков внимания — от ловли блох до заигрываний)». Иерархия в чистом виде с лидером во главе здесь не представлена, хотя в 72 ситуациях взаимодействия речь явно шла о соблюдении «Табели о рангах».

У волков в случае стычки у низкоранговых самцов альфа-самец становится на сторону слабого. В итоге у животных иерархия служит скорее для поддержания баланса в популяции, чем для подавления слабого. Хотя, конечно, иерархия в какой-то степени и участвует в естественном отборе. Но меньше, чем непосредственно брачная агрессия.

У людей иерархическая агрессия лежит в основе феномена самоутверждения, поэтому выражена неявно. Однако в случае острого сенсорного голода (тюрьма, казарма) она проявляется в полную силу. Стоит особо подчеркнуть, что иерархическая агрессия не направлена на убийство себе подобных, поэтому не может рассматриваться в качестве непосредственной причины войн. А политические амбиции отдельных лидеров являются лишь её косвенным следствием.

Соревновательную агрессию можно также назвать спортивной злостью. Она может не иметь конкретного объекта, т.к. человек может соревноваться с самим собой. Этот тип агрессии лежит в основе феномена самоутверждения, который относится скорее к области психологии, а не этологии.

Парентальную агрессию можно назвать конфликтом поколений. Только если у животных она, как правило, выражена агрессией родителей по отношению к детям, то у людей всё прямо противоположно. По всей видимости, парентальная, как и территориальная, агрессия служит для более равномерного расселения популяции по ареалу обитания.

Рассмотрение проблемы агрессии будет неполным без упоминания «сенсорного» и «дофаминового» голода. Оба явления нуждаются в дополнительном исследовании, в том числе и экспериментальном. Однако уже сейчас можно сказать, что дофамин частично отвечает за регуляцию мышечной активности, а его пониженное содержание вызывает депрессивную ангедонию (то есть утрату способности испытывать удовольствие). Искусственным аналогом дофамина является амфетамин. Кокаин является ингибитором обратного захвата дофамина, т.е. препятствует снижению концентрации дофамина в нейронах. Из вышесказанного становится понятно, почему человек бессознательно стремится поддерживать нормальную концентрацию дофамина в организме естественным путём. А именно или поиском экстремальных ощущений (именно из дофамина получают адреналин и норадреналин), или поиском ощущения новизны, творческого воодушевления. Из этого следует, что внутривидовая агрессия является не единственным источником дофамина. Удовлетворение потребности в нём возможно гораздо более продуктивными (как в плане колва самого дофамина, так и плане пользы для окружающих) способами. Пониженная чувствительность рецепторов отдельного индивидуума к дофамину далеко не повод к обвинению данного конкретного человека в тяге к насилию. Он, скорее, авантюрист, потенциальный первопроходец и первооткрыватель. Агрессию в качестве самого простого выхода выбирают те, кто или ленится, или лишён возможности искать другие варианты. Подросток, лишённый возможности заниматься в спортивной секции, так или иначе найдёт способ удовлетворить потребность в двигательной активности и дофамине. Только далеко не всегда эти способы будут социально приемлемы. Следовательно, задача общества — создать отдельному человеку соответствующие условия, а задача индивида — воспользоваться ими, а не идти по пути наименьшего сопротивления.

В случае **«охотничьей» агрессии** она может быть как межвидовой, так и псевдомежвидовой. У неё может быть несколько истоков: 1) уничтожение объекта агрессии носит со-

ревновательный характер; 2) *состояние аффекта*, вызванное предшествующим нарушением правил взаимодействия объектом агрессии (месть); 3) *псевдовидообразование*, благодаря которому снимаются механизмы торможения агрессии; 4) *психические заболевания*.

Вообще этот тип по сути своей очень сильно похож на соревновательную агрессию (к которой в т.ч. можно отнести и охотничий азарт), но в отличие от неё смещает акценты с состязания на непосредственную деструкцию. Агрессивный субъект при этом может испытывать душевный подъём, описываемый и самим Лоренцом, и другими авторами. При этом механизмы торможения заблокированы или состоянием эйфории, или псевдовидообразованием. Один из примеров агрессии «охотничьего» типа можно найти в романе ре-марка «Возвращение»:

«— А у тебя сохранился твой список попаданий?»

— И ты ещё спрашиваешь! — чуть не обижается Бруно. — Да он у меня хранится в самом почётном месте.

Мюкенхаупт достаёт из комода тетрадку и с наслаждением перелистывает её:

— Лето для меня было, конечно, самым благоприятным сезоном — темнеет поздно. Вот, гляди-ка сюда. Июнь. 26-го — девять попаданий в голову! А! Что скажешь? — Он смотрит на меня сияющими глазами. <...>

— Действительно здорово, — говорю я. — Но скажи, Бруно, теперь тебе никогда не бывает жаль этих малых?

— Что? — растерянно спрашивает Бруно.

Я повторяю свой вопрос.

— Тогда мы кипели в этом котле, Бруно. Ну, а сейчас ведь всё по-другому.

Бруно отодвигает свой стул:

— Уж не стал ли ты большевиком? Да ведь это был наш долг, мы выполняли приказ! Вот тоже придумал...

Обиженно заворачивает он свою драгоценную тетрадку в папиросную бумагу и прячет её в ящик комода».

Получается, что данный случай стоит на грани «турнирной» (подтип «соревновательная» агрессия) и «охотничьей» агрессии, с большим перевесом в сторону последнего. Естественные тормозные механизмы, удерживающие от убийства сородича, блокируются дистанционной удалённостью от объекта, псевдовидообразованием, соревновательным азартом и воодушевлением. Механизм воодушевления описан у Лоренца следующим образом:

«...в раздражающей ситуации, вызывающей воодушевление, присутствуют три независимых друг от друга переменных фактора. Первый — нечто, в чём видят ценность и что надо защищать; второй — враг, который этой ценности угрожает; и третий — среда со-общников, с которой человек чувствует себя заодно, когда поднимается на защиту угрожаемой ценности».

К этим трём факторам, на мой взгляд, необходимо добавить четвёртый: самоутверждение. Подобное воодушевление сопровождается ощущением, что противник просто добыча или мишень, а сам нападающий неуязвим. Повергая жертву, агрессор как бы доказывает, что он лучше, достойнее. Понятие «воинская доблесть» существует не одно тыся-

челюсти, как и профессиональные военные, общеизвестно и в комментариях не нуждается. Кроме того, становясь частью общности (в данном случае «среды сообщников»), человек ощущает себя причастным к чему-то значимому, что тоже поднимает самооценку.

Подведём итог: из выстроенной мною типологии агрессивного поведения видно, что его ключевые черты были подмечены Конрадом Лоренцом очень точно, но из-за отсутствия разграничения разных видов агрессии и тяги к обобщениям он пришёл к ошибочному выводу о спонтанности и неотъемлемости человеческой агрессии. Практически все типы, описанные в приведённой мною классификации, так или иначе упомянуты в его трудах, но объяснены исходя из гидравлической схемы, которая уже давно опровергнута Дж. П. Скоттом и не рассматривается в нашей стране как рабочая уже более 30 лет. Следовательно, можно с уверенностью утверждать, что агрессия не «накапливается» сама по себе, а является реакцией на внешние раздражители, виды которых перечислены мною выше. А значит, создав подходящие условия, можно полностью искоренить наиболее деструктивные виды агрессии («защитную» и «охотничью») и направить в социально приемлемое русло «турнирную».

Следует особо оговориться, что используемая мною типология практически не отличается от общепринятой, но нуждается в ряде уточнений, с поправкой на особенности человеческой рационализации инстинктивных побуждений. Например, нуждаются в дальнейшем исследовании «самоутверждение» и механизмы стимуляции и торможения прямого и обратного перехода между «турнирной» и «охотничьей» агрессией. Кроме того, даже стороннему наблюдателю очевидно, что в вопросах изучения человеческой агрессии на данный момент существует несколько диаметрально противоположных точек зрения, и консенсуса не достигнуто.

Помимо этого, рассмотрение всех типов агрессии наглядно показывает, что в основах предпосылок к войнам лежит не биологическая сторона человека, а социальная, то есть экономика и политика. Что подтверждает труд «О войне» Карла фон Клаузевица, боевого офицера и одного из крупнейших военных теоретиков. Глупо отрицать агрессивность в людях и на инстинктивном уровне, но следует помнить, что ни один из приведённых типов агрессии изначально не направлен на убийство себе подобных. Инстинкт становится причиной умерщвления сородича или в результате психического отклонения (временного или постоянного), или в результате воздействия агитационной машины государства, использующего его в своих интересах (например, псевдовидообразование).

Кроме того, не стоит забывать о том, что инстинкт соревновательной агрессии, лежащий в основе самоутверждения, является одним из мощнейших стимулов человеческой деятельности. Преломляясь через призму общепринятых норм и внутреннего самоконтроля, он принимает те или иные формы социального взаимодействия. И если, благодаря технологиям NBIC-конвергенции, мы сможем подавить соревновательную или даже «турнирную» агрессию в целом (медикаментозно, на генном уровне, путём чипизации или сеттлеретики), то полученное существо может не только перестать быть человеком в полном смысле этого слова, но и оказаться в принципе нежизнеспособным.

Богословие постмодерна

Библейская наука

в рамках парадигм модерна и постмодерна

Доклад обсуждён в кафе Му-Му на Фрунзенской в ноябре 2011 года

1. Введение

Библеистика, как и любая другая наука, имеет определённый набор априорных, самоочевидных установок, которые разделяются всем научным сообществом. Однако с течением времени эти установки теряют свой самоочевидный характер, становясь предметом критики, таким образом, меняется методологическая основа, парадигма библейских исследований.

Данная статья посвящена рассмотрению методологической основы библеистики в рамках двух парадигм: модерна и постмодерна. Необходимо ответить на вопрос: чем существенно отличается подход к изучению Библии в рамках континентального и (частично) американского модернизма и постмодернизма.

Сразу следует отметить, что под «методологической основой» в данной статье понимается сумма априорных, самоочевидных установок библеистов, обусловленных мировоззрением (исторической парадигмой) и разделяемых научным сообществом. Несмотря на то, что в течение довольно долгого времени исследователи придерживаются общего методологического базиса, их конкретные, частные исследовательские приёмы могут значительно отличаться друг от друга.

2.1. Библеистика эпохи модерна (XVI — начало XX вв.)

Начиная с XVI-XVII веков можно говорить о вполне сформировавшейся модернистской парадигме библейских исследований. Начало библеистики эпохи модерна связано с именами Карлштадта, Гоббса, Пейрера, Спинозы, Симона и др. XVIII, XIX и начало XX века явилось периодом расцвета библеистики модерна. Это время т.н. историко-критического метода, развиваемого такими исследователями Ветхого Завета как Виттер, Астрик, де Ветте, Рейс, Граф, Вельхаузен, Клостерман, Фольц, Гункель; и Нового Завета: Реймарус, Газе, Штраус, Ренан, Фаррар, Смит, Делич, Шлейермахер, Гарнак, Вайс, Трёлч, Вреде, Буссет и десятки других, менее известных авторов¹.

¹ О развитии библейской науки с XVI по XIX в. см.: Штраус Д. Старая и новая вера. Христиане ли мы ещё? М.: УРСС, 2011. С. 13-36; Райт Н.Т., еп. Авторитет Писания и власть Бога. Черкассы: Коллоквиум, 2007. С. 85-90; Тисельтон Э. Герменевтика. Черкассы: Коллоквиум, 2011. С. 137-163; Шифман И.Ш. Ветхий Завет и его мир. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 77-85; Лёзов С. История и герменевтика в изучении Нового Завета // Попытка понимания. Избранные работы. М., СПб.: Университетская книга, 1999. С. 504-529; Десницкий А.С. Введение в библейскую экзегетику. М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. С. 111-132; Он же. Источники и составные части «библейской критики» // Альфа и Омега № 1 (57), 2010. С. 15-34; Хегглунд Б. История теологии. СПб.: Светоч, 2001. С. 284-340; Браун Р. Введение в Новый Завет. Т. I. М.: Изд-во Библейско-богословского института св. апостола Андрея, 2007. С.439-441.

Несмотря на то, что перечисленных авторов разделяют десятки, а иногда и сотни лет, несмотря на различия в выводах их исследований, все они разделяли общие методологические установки. Именно благодаря тому, что у них был общий мировоззренческий базис, обусловленный парадигмой модерна, стало возможным существование библеистики как одной из дисциплин европейской гуманитарной науки. Библеистика всё дальше отходит от Церкви и *Lectio Divina*, приближаясь к таким светским дисциплинам как история, археология, филология и (в самом конце XIX в.) религиоведение.

2.2. Методологический базис библейских исследований эпохи модерна

Теперь необходимо перечислить априорные установки библеистики эпохи модерна, которыми руководствовались (иногда бессознательно и без надлежащей рефлексии, поскольку эти положения казались самоочевидными) исследователи Библии.

I. Авторство библейских текстов. В парадигме премодерна Бог мыслился как Творец, как Автор двух великих книг: книги Природы и книги Откровения, т.е. Библии. С концом Средневековья практически все атрибуты Бога были перенесены на эмпирического автора. Главная функция эмпирического автора эпохи модерна — гарантия смысла в тексте¹.

Божественное авторство библейских текстов *a priori* отрицалось, говоря точнее, вопрос о богооткровенном характере Библии просто не мог быть поставлен в дискурсе модерна. Однако твёрдое убеждение, что эмпирический автор какого-либо библейского текста обязательно создаёт единое, целостное, законченное и осмысленное произведение, позволяло библеистам XVI-XIX вв. выделить как минимум пять авторов первых шести книг Библии (Шестокнижия, по термину Вельгаузена). Тезис о том, что Шестокнижие было написано пятью авторами, доказывался тем, что внутри большого повествования Шестокнижия можно выделить пять отдельных нарративов, имеющих своё начало и конец и особую идею, объединяющую малое повествование. Поскольку ни одно законченное и несущее смысл произведение не может возникнуть само по себе, поэтому и пять нарративов Шестокнижия должны обязательно иметь пять отдельных эмпирических авторов.

Априорная установка о том, что каждый библейский текст обусловлен лишь конкретным эмпирическим автором, порождает проблемное поле модернистской библеистики: личность автора, его культурный и религиозный *background*, богословие этого автора, время написания этим автором какой-либо книги Библии и проч.

¹ См. Барт Р. Смерть автора // Нулевая степень письма. М.: Академический проект, 2005; Фуко М. Смерть автора // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996; Ванхузер К. Искусство понимания текста. Литературоведческая этика и толкование Писания. Черкассы: Коллоквиум, 2007. С. 49-57.

II. Текст Библии. Традиционное христианское толкование Писания основывалось на принципах онтологии Аристотеля. Этот толковательный принцип можно назвать «герменевтическим реализмом»¹. Каждое слово представляет собой знак, напрямую отсылающий к соответствующей реалии в мире дольном и горнем. В контексте парадигмы модерна текст уже обусловлен не метафизикой или онтологией, а контекстом.

«В IV-V вв. теология задавала Новому Завету догматические вопросы... Напротив того, научное исследование раннего христианства стало задавать Новому Завету исторические вопросы, и одним из первых был вопрос о “подлинном”, т.е. недогматическом Иисусе»². Таким образом, главным направлением новозаветных исследований становится «поиск исторического Иисуса» и противопоставление последнего «Христу веры»³. Создаётся новый жанр библейских работ: т.н. «жизнь Иисуса» (сочинения с таким названием писали Штраус, Фаррар, Гегель, Ренан, Шлейермахер и др.). В евангельском повествовании библеисты разделяют мифологию и исторический материал и на основании последнего пишут свои исследования.

В начале XX в. для подавляющего большинства библеистов стало очевидно, что большинство рассматриваемых ими текстов не являлось историческими описаниями в классическом европейском понимании. Таким образом, сам базис историко-критического метода с его историческими реконструкциями библейских событий стал весьма сомнительным. В это время в Германии появляется новая школа библейских исследований, названная «школой критики форм» (Гункель, Бультман, Кёземан, Робинсон, Герхардсон)⁴. Школа критики форм является, с одной стороны, порождением модернистской парадигмы библейских исследований, но с другой — учёные этого направления приближались к постмодернистской оценке текста. Таким образом, методология школы критики форм является в какой-то степени переходным этапом от модернистской к постмодернистской библеистике.

От модернистской библеистики в школе критики форм остался интерес к выявлению исторического контекста каждого из библейских повествований. Библеисты пытались указать на конкретное *Sitz im Leben* конкретного текста. Однако попытка научного выявления *Sitz im Leben* многими была признана несостоятельной уже в середине XX в.⁵

К постмодернистской парадигме школу критики форм приближает понимание учёными этого направления проблемы невозможности реального отображения исторических фактов в тексте. Библеисты этой школы отвергли наивное представление своих предшественников, согласно которому хороший текст является как бы «зеркалом»

¹ См. Ванхузер, Искусство... С. 133-206.

² Лёзов, История... С. 505.

³ О поиске «исторического Иисуса» с XVIII по конец XX века см.: Браун Р. Введение в Новый Завет. Т. II. М.: Изд-во Библейско-богословского института св. апостола Андрея, 2007. С. 439-454.

⁴ О школе критики форм см.: Ауни Д. Новый Завет и его литературное окружение. СПб.: РБО, 2000; Вэндлед Э. Гармония и алгебра Псалтири: литературный и лингвистический анализ библейских псалмов. М.: Институт перевода Библии, 2010; Гондецкий С., еп. Введение в синоптические Евангелия. М.: Духовная библиотека, 2004. С. 171-183; Тисельтон, Герменевтика... С. 181-200; Вайс М. Библия и современное литературоведение. М.: Мосты культуры, 2001. С. 85-73; Хегглунд, История... С. 350-355; Бломберг К. Интерпретация притчей. М.: Изд-во Библейско-богословского института св. апостола Андрея, 2005. С. 75-106.

⁵ См. полемику Вайса с Гункелем и школой критики форм: Вайс, Библия... С. 85-73, 402-419.

реально происходившей истории. По мысли теоретиков школы критики форм, каждый библейский текст определён специфическим жанром (*Form, Gattung*), который и формирует смысловое наполнение произведения. Историческое повествование есть лишь жанр среди других жанров, которой в процентном соотношении ко всему текстам Библии довольно мал.

Евангелия в библейской науке больше не воспринимались просто как исторические повествования о жизни Иисуса минус рассказы о чудесах. Благодаря определению жанра евангелия как одной из модификаций греко-римской биографии, повествования о чудесах вновь обрели ценность для науки. Проблема «текст — история» перестала быть ведущей в библеистике. Впервые была сформулирована проблема о влиянии текста (в данном случае, жанра) на теологию и вообще на смысл. Эта проблема будет подробно разбираться в рамках постмодернистского богословия, в частности, в рамках нарративной критики¹.

3.1. Библеистика эпохи постмодерна

Библеистика вступила в эпоху постмодерна, как минимум, по двум причинам.

Первую причину можно назвать «объективной». Библеистика являлась одной из гуманитарных наук. В XX в. гуманитарные науки претерпели общий кризис, связанный с двумя мировыми войнами². По этой причине поменялись расстановки акцентов в гуманитарной науке в целом. Эти изменения затронули также и библеистику.

Вторую причину можно назвать «субъективной», поскольку она касается исключительно библейской науки. Уже в середине XIX в. библеисты писали о неразрешимых внутренних противоречиях, возникших в их науке³. Эти противоречия касались, с одной стороны, проблемы соотношения теологии (христианской веры) и библеистики; и науки и библеистики. Многие исследователи жаждали нового синтеза между христианской верой, теологией и светской наукой⁴. Однако парадигма модерна не позволяла произвести этот синтез⁵. Поэтому многие теологи (например, Кокс) с воодушевлением восприняли мировые перемены¹.

¹ О нарративной критике и нарративном богословии см.: Волох В. Письмо и повествование. Принципы нарративного анализа посланий Павла. Черкассы, Коллоквиум, 2011; Гренц С., Олсон Р. Богословие и богословы XX века. Черкассы: Коллоквиум, 2011. С. 410-433.

² См.: Гаспарян Д.Э. Введение в неклассическую философию. М.: РОССПЭН, 2011. С. 12-48; Кризис сознания: сборник работ по философии кризиса. М.: Алгоритм, 2009; Дугин А.Г. Эволюция парадигмальных оснований науки. М.: Арктогея-центр, 2002; Он же: Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское движение, 2009.

³ См.: Штраус, Старая... С. 4-35.

⁴ «Несомненно, однако, что, когда все вновь полученные познания, преодолев пределы кабинета учёного, выйдет в жизнь — в церкви и школы, — они, несомненно, вызовут значительные изменения в духовной жизни и отдельных людей, и целых народов и будут содействовать прогрессу больше, чем самые выдающиеся открытия в области естественных наук». Делич Ф. Вавилон и Библия // Классики мирового религиоведения. М.: Канон+, 1996. С. 347.

⁵ Невозможность конструктивного теологического диалога между двумя парадигмами ярко показывает переписка между библеистом модерна Гарнаком и библеистом зарождающегося постмодерна Бартом. См.: Барт К. Переписка с Адольфом фон Гарнаком // Сравнительное богословие: немецкий протестантизм XX ве-

Говорить о сформировавшейся постмодернистской библеистике можно после 1970-х годов (т.е. после оформления постмодернизма как отрефлексированного философского течения). В рамках постклассической теологии невозможно точно определить специализацию того или иного автора. Поэтому при перечислении наиболее значимых постмодернистских библеистов некоторые авторы могут также быть известны и как философы и/или богословы-систематики. В любом случае, говоря о современной постмодернистской библеистике, необходимо упомянуть имена таких исследователей как епископ Н.Т.Райт, Дж.Данн, У.Брюггеман, Р.Хейз, Дж.Абрахам, Дж.Капуто, С.Фиш, Д.Фридман, К.Эванс, М.Борг, А.Сторки, В.Волох, Д.Никкель, Ш.Риндж, Р.Деккер, Р.Сантала, Й.Вейнберг, Д.В.Щедровицкий, Р.Хейз, И.Михайлов, Э.Ш.Фьоренца, Х.Кокс, Дж.Павликовский и других *dii minorum* постмодернистской библейской науки.

3.2. Методологический базис библейских исследований эпохи постмодерна

I. Авторство библейских текстов. После выхода в свет двух базовых для постмодерна работ Фуко и Барта под общим названием «Смерть автора» становится под вопрос релевантность одной из главных задач классической библеистики — определение эмпирического автора того или иного библейского текста².

Фуко и Барт по-разному доказывают то, что для понимания текста совершенно не нужно изучать биографию его автора, его психологию, его кризисы и т.п. Барт считал, что мысли и переживания автора не являются тем материалом, из которого творится текст. По Барту, любой текст появляется и существует благодаря другим текстам, благодаря интертекстуальности³.

В рамках библейской науки постмодернистский принцип интертекстуальности был применён в т.н. «школе канонической критики»⁴. Поскольку школа канонической критики

ка. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. С. 152-180. О возможности причисления Барта к постмодернистским богословам см.: Саурсингх К. Предисловие к русскому изданию «Послания к Римлянам» // Барт К. Послание к Римлянам. М.: Изд-во Библейско-богословского института св. апостола Андрея, 2005. С. xi-xxvii.

¹ «“Проект” современной [т.е. модернистской — А.А.] теологии состоял в том, чтобы сделать веру убедительной для творцов нового интеллектуального мира, которые с ней расставались. <...> Но сегодня отступает и сдаёт позиции как раз то культурное сообщество, в котором зародилась современная теология. И сейчас, когда начинается период, называемый “эпохой постмодернизма”, забвение грозит не религии, а самому современному миру. Уже ясно, что появилась потребность в постмодернистской теологии. <...> Я считаю, что постмодернистская теология необходима. Её существенные элементы и её характерный “проект” обнаруживаются уже сами». Кокс Х. Религия в мирском граде // Социально-политическое измерение христианства. Избранные теологические тексты XX века. М.: Наука, 1994. С. 382-383.

² Также важную роль в постановке вопроса о «смерти автора» сыграл Ханс-Георг Гадамер, который писал раньше Барта и Фуко и использовал другие методы для доказательства нерелевантности автороцентричного толкования для понимания смысла текста. Идеи Гадамера имели колоссальное влияние на современную ему философию и герменевтику. См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. О влиянии идей Гадамера на библеистику см.: Осборн Г. Герменевтическая спираль. Общее введение в библейское толкование. Одесса: Евро-Азиатская Аккредитационная Ассоциация, 2009. С. 610-614.

³ См.: Барт Р. S/Z. М.: Академический проект, 2009; Он же. Нулевая степень письма. М.: Академический проект, 2005.

⁴ Один из важных трудов этой школы, переведённый на русский язык: Хейз Р. Отголоски Писания в посланиях Павла. Черкассы: Коллоквиум, 2011. Об интертекстуальности как библейском методе см.: Хейз Р. Отголоски

применяла принцип интертекстуальности лишь к библейским текстам (без учёта древнего и современного литературного контекста), в рамках этой школы невозможно было ответить на самые острые вопросы, поставленные Бартом. Поэтому среди различных направлений постмодернистской библеистики школа канонической критики является одной из наиболее близких церкви. В любом случае, на примере школы канонической критики можно увидеть, как меняется методологический базис библейских исследований. Исследователями этого направления проблема эмпирического авторства библейских текстов не ставилась, зато проблемы прямых и косвенных цитаций в библейском тексте, внутренние и внешние влияния на текст, дальнейшая роль текста в дискурсивном пространстве культуры и проч. стали наиболее важными для постмодернистских исследователей.

Подобный подход в определённой степени был близок христианским библеистам, поскольку он позволял избежать модернистского гиперкритицизма и связанных с ним проблем расхождения традиционных церковных датировок книг с датировкой, полученной в ходе историко-критического анализа; проблем с множественным авторством одной книги¹; проблем с *ipsissima verba* и проч. Но, с другой стороны, дискурс канонической критики исключает ряд принципиально важных для церковной библеистики вопросов, например, вопрос о Богодухновенности Писания.

Ещё дальше от церковной библеистики отстоит радикальное применение постмодернистского принципа интертекстуальности. Наиболее последовательно и масштабно этот принцип применяет известный постмодернистский автор Стэнли Фиш², оказавший значительное влияние на ряд библеистов (например, Мур, Тейлор, Кроатто). В отличие от большинства представителей школы канонической критики, Фиш говорит о тотальной интертекстуальности, которая предшествует любому конкретному тексту (здесь Фиш выступает как последователь Деррида и Рорти). Один из программных тезисов Фиша: «Комментарий предшествует тексту»³. То есть любой читатель воспринимает текст (в т.ч. библейский), во-первых, через призму уже прочитанных им ранее текстов и, во-вторых, через всё дискурсивное пространство культуры, в котором он находится. Библеисты — последователи Фиша — не признают важность автороцентричного толкования Библии, поскольку отрицают саму возможность понимания Другого.

Радикальное последовательное применение принципа интертекстуальности входит в противоречие с рассмотренной выше канонической критикой. Если умеренная каноническая критика признаёт иерархичность текстов Библии и их важность для

Писания в посланиях Павла. Черкассы: Коллоквиум, 2011. С. 28-39; Ванхузер, Искусство... С. 143-160, 194-196; Десницкий А.С. Интертекстуальность в библейских повествованиях // Вестник МГУ, серия «Филология», 2008, № 1. С. 14-20; Витковский В. Рим 1:18-32 как интертекст // Страницы: богословие, культура, образование, 13 (2), 2008/2009. С. 165-178.

¹ «Возьмём пример из ВЗ: считается, что книга Исаии состоит из трёх основных частей — Первоисаии (VIII век до н.э.), Второисаии (середина VI века до н.э.) и Третьеисаии (конец VI века до н.э. или чуть позже). Учёные пишут комментарии к каждой из этих частей, но “канонический смысл” — это смысл, который обретают эти части в контексте всей книги, а также (с дополнительными нюансами) в контексте корпуса пророческих писаний, контексте ВЗ, контексте всей Библии (куда входит и НЗ). Иными словами, канонический смысл может охватывать 800 лет интерпретации». Браун, Введение... Т. I. С. 75.

² Полемика с теорией Фиша подробно отражена в книге: Ванхузер, Искусство...

³ Цитата по: Ванхузер, Искусство... С. 73.

церковного читателя, то радикальные последователи Барта отрицают эти положения¹. Отрицается стабильный смысл текста². Только читатель может привнести в библейские тексты смысл³.

Именно поэтому проблема «смерти автора» связана с ещё одной базовой проблемой постмодернизма — проблемой «рождения читателя»⁴.

II. Читатель библейского текста. Итак, после постмодернистской «смерти автора» главенствующую роль в герменевтике стал играть читатель.

Как и в рассмотренных выше примерах, в рамках постмодернистской библейской герменевтики, ориентированной на читателя, можно выделить «умеренное» направление, к которому принадлежат большинство церковных библеистов, и «радикальное» направление, порывающее с церковной традицией.

В первом случае речь идёт о т.н. школе «читательского отклика», изучающая воздействие библейского текста на его читателей⁵. Учёные этого направления отрицают значимость авторского замысла и стабильный смысл библейского текста.

Методы этой школы восстановили в правах древние и святоотеческие комментарии, которые модернистская библеистика считала неадекватными. Именно поэтому школа читательского отклика стала популярной среди церковно-настроенных библеистов и патрологов (Анри де Любак, Эндрю Лаут).

Таким образом, методы и теоретические наработки этой школы были восприняты традиционными церковными исследователями, поскольку это позволяло синтезировать библеистику и патрологию и вновь сделать актуальным святоотеческое наследие. Однако теория читательского отклика, признававшая равенство всех интерпретаций, не позволяла различить «ортодоксальное» и «еретическое» прочтение библейского текста. Это,

¹ «Взаимодействие текстов делает невозможным как владычество одного текста над другим, так и подчинённость текста тексту. Относительность Писания разрушает правило канона и сводит на нет традицию авторитетности. <...> После разоблачения книги, канона, традиции и Писание свободно пускается в бесконечный дрейф». Taylor M. *Erring: a postmodern a/theology*, 1984. Цитата по: Ванхузер, Искусство... С. 200.

² «Канонический подход полагается на возможность того, что у текста есть способность быть не синонимичным самому себе — иначе говоря, одна и та же последовательность слов может иметь разный смысл в разных контекстах. Например, двадцать второй псалом имеет один смысл сам по себе, другой — если его рассматривать как часть Псалмов в целом, и ещё один — когда его цитирует Иисус. <...> Следовательно, смысл текста никогда не присутствует в нём вполне. Смысл всегда находится в процессе формирования, деформации и реформирования». Barton J. *Reading the Old Testament*, 1984. Цитата по: Ванхузер, Искусство... С. 199.

³ «Если его [ап. Луку — А.А.] рассматривать не просто как историческую фигуру, пытающуюся в своё отсутствие управлять нашим научным дискурсом из некой удалённой точки вне дискурса, предшествующей ему, — то кем или чем он окажется ещё? Постмодернистский ответ бескомпромиссен: “Лука” — это имя, которое мы присваиваем самому лучшему нашему толкованию; “Лука” — проекция нашего стремления к объединяющему центру и основе текстового значения; “Лука” — выражение воли читателя, “Лука” — это я сам». Moore S. *Literary criticism and the Gospels: the theoretical challenge*, 1989. Цитата по: Ванхузер, Искусство... С.129.

⁴ «Необходимой платой за рождение читателя является смерть Автора». Барт, Смерть... С. 112.

⁵ О школе читательского отклика см.: Гондецкий, Введение... С. 210-212; Тисельтон, Герменевтика... С. 328-349; Данн Дж. Новый взгляд на Иисуса. Что упустил поиск исторического Иисуса. М.: Изд-во Библейско-богословского института св. апостола Андрея, 2009. С. 43-74; Десницкий, Введение... С. 164-168.

конечно, не позволяло церковной библеистике полностью принять теорию читательского отклика.

К «радикальному» течению, признающему исключительную важность читателя в процессе восприятия библейского текста, можно отнести феминистскую (вуманистскую) герменевтику¹ и герменевтику освобождения (постколониальную герменевтику)². Иногда оба этих движения называют «активистской критикой» (*Advocary criticism*)³.

Еп. Станислав Гондецкий выделяет три вида феминистской герменевтики: радикальная, неортодоксальная и критическая⁴. Все три герменевтические стратегии направлены на актуализацию Библии среди современных женщин. В отличие от школы критики читательского отклика, ориентированной на читателей времён античности и средневековья, феминистская герменевтика ориентирована на современность. Радикальная и неортодоксальная версии феминистской герменевтики напрямую декларируют свою ориентированность на читателя библейского текста. Библию следует понимать именно исходя из нужд и потребностей читателя. Поэтому те тексты, которые пропагандируют патриархальную идеологию, нельзя принимать во внимание⁵.

Феминистская герменевтика имеет довольно серьёзное теоретическое обоснование, именно поэтому её можно считать не только общественным, но и научным движением⁶. Методологический базис этой герменевтики является постмодернистским, поскольку феминистская критика разделяет основные постулаты постмодернизма: 1. Авторский замысел не важен для понимания; 2. Текст можно наделить любым смыслом в соответствии с намерениями читателя.

¹ О феминистской герменевтике см.: Десницкий, Введение... С. 174-177; Тисельтон, Герменевтика... С. 300-327; Ванхузер, Искусство... С. 239-244; Гондецкий, Введение... С. 218-221; Гренц, Олсон, Богословие... С. 340-358; Фьоренца Э.Ш. Принять или отвергнуть (продолжение нашей критической работы). // Социально-политическое измерение христианства. Избранные теологические тексты XX века. М.: Наука, 1994. С. 227-240.

² О герменевтике освобождения см.: Тисельтон, Герменевтика... С. 275-299; Ванхузер, Искусство... С. 245-254; Гондецкий, Введение... С. 219-222; Гренц, Олсон, Богословие... С. 302-339; Гутьеррес Г. Теология освобождения // Социально-политическое измерение христианства. Избранные теологические тексты XX века. М.: Наука, 1994. С. 204-213; Сёгундо Х. Освобождение теологии // Социально-политическое измерение христианства. Избранные теологические тексты XX века. М.: Наука, 1994. С. 214-219; Кокс Х. К теологии социальных перемен // Социально-политическое измерение христианства. Избранные теологические тексты XX века. М.: Наука, 1994. С. 160-176.

³ См. Браун, Введение... Т. I. С. 60.

⁴ «Первый тип отвергает авторитет Священного Писания, утверждая, что оно написано мужчинами, стремящимися сохранить свою власть над женщинами. <...> Неортодоксальное течение признаёт профетизм Священного Писания, особенно — в тех случаях, когда оно встаёт на сторону женщин. Оно стремится использовать все тексты, полезные в борьбе за освобождение женщин. <...> Критическое направление стремится показать отличие между положением женщины в апостольской Церкви и в современном мире». Гондецкий, Введение... С. 219-220.

⁵ «Феминистская интерпретация должна поставить под вопрос вероучительный авторитет тех библейских текстов, которые утверждают идеи патриархата, и исследовать, каким образом Библия используется в качестве оружия против женщин, борющихся за освобождение. Необходимо также выяснить, может ли Библия вдохновлять эту работу, и если да, то как этого добиться». Фьоренца Э.Ш. Принять или отвергнуть (продолжение нашей критической работы) // Социально-политическое измерение христианства. Избранные теологические тексты XX века. М.: Наука, 1994. С. 231.

⁶ См.: Жеребкина И. «Прочти моё желание...». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. М.: Идея-Пресс, 2000.

Также постмодернистский характер феминистской критики маркирует политическая ориентация этих исследований¹. В отличие от модернистской библеистики, заявлявшей о политическом нейтралитете, постмодернистская библейская наука одной из целей своих исследований видит непосредственное влияние на современное общество с целью его изменения². Это свидетельствует о том, что Библия вновь становится актуальной для жизни современных женщин³. Но, с другой стороны, понимание Библии современным человеком всё больше и больше отходит от церковного. Именно поэтому еп. Станислав Гондецкий считает, что большая часть феминистских библейских исследований несовместима с традиционным христианством.

Герменевтика освобождения, так же как и радикальная феминистская герменевтика, постулирует значимость библейских текстов для современной политической ситуации и признаёт первостепенную роль читателя в герменевтике Библии. По объективным причинам, ни негритянская, ни латиноамериканская герменевтика не достигли того уровня абстракции и саморефлексии, как феминистская герменевтика. Поэтому говорить о чётко разработанной методологии анализа библейского текста в данном случае не приходится. Однако в текстах теологов освобождения можно легко найти неотрефлексированные методологические допущения, которые позволяют маркировать это движение как постмодернистское.

4. Вывод. Значение перемен для православной библеистики

Как было показано в статье, в XX в. библеистика в Европе и Америке претерпела фундаментальные изменения. Однако остаётся вопрос: как относиться к этим православной библеистике?

Несомненно, что церковная библеистика должна интегрировать и использовать все наработки западной постмодернистской библеистики. В отличие от модернистской библейской науки, постмодернистская библеистика признаёт значимость святоотеческих и церковных толкований Библии. Также в рамках постмодерна снимаются существовавшие ранее конфликты между верой и разумом, богословием и наукой. Постмодернистская библеистика также доказала свою практическую значимость. Именно благодаря постмодернистскому прочтению Библия вновь стала актуальной для многих жителей Европы, Америки и стран третьего мира.

¹ «Феминистская библейская интерпретация — это, прежде всего, политическая задача, причём задача насущная, так как Священное Писание и его авторитет сегодня, как и прежде, используются в качестве оружия против женщин, борющихся за своё освобождение» Фьоренца Э.Ш. Принять или отвергнуть (продолжение нашей критической работы) // Социально-политическое измерение христианства. Избранные теологические тексты XX века. М.: Наука, 1994. С. 231. «По мнению сторонников активистской критики, достигнутые результаты необходимо использовать для изменения современной социально-политической и религиозной ситуации». Браун, Введение... Т. I. С. 60.

² О политическом измерении постмодернистской теологии (и библеистики) см.: Жижек С. Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом. М.: Европа, 2009.

³ О позитивных, с точки зрения традиционного христианства, результатах феминистской критики см.: Гондецкий, Введение... С. 221.

Однако нельзя допустить перехода определённых границ. Православная библеистика не может согласиться с тезисом о равенстве всех толкований и прочтений. Как это было и раньше, мерилom истинности той или иной библейской интерпретации должно оставаться догматическое богословие.

В любом случае, постмодернистская библеистика является чрезвычайно интересным и сложным явлением и требует серьёзного академического изучения.

Женя Хо: Вопрос об Авторе и Читателе — постоянный вопрос «Философского кафе»: все мы так или иначе работаем с текстом. В своё время на «Как читать книги» Максим говорил, что Автора вообще стоит выкинуть. Многим из нас, и я не избежал этого, нравится подобный путь: пахнет честностью читателя, мол, не по чинам сужу, и всегдашней русской модой на всё то, что во Франции уже стало если не ископаемым, то весьма потёртым. Считать Фуко или Барта сейчас последним словом философии — это как носить начёсы «бабетта» Жака Дессанжа, по меньшей мере, странно. Сейчас я думаю, что автор нам так же важен, как термос с чаем на долгодневной лыжной прогулке: не сразу, по чуть, горячему дать остыть. Важно, что как православная библеистика, так и марксистское литературоведение, например, старого Терри (да и поздних Фуко и Барта, кстати), соглашаются: тезис о равенстве всех толкований несостоятелен. По многим причинам. Например, попытка найти такое внешнее, внеидеологическое место, с позиции которой можно было бы утверждать такое равенство, вызывает вопросы. Нам следует уже идти дальше, помня опыт как Спинозы, так и Барта.

И хорошо бы всё же провести как-нибудь ФК по научности теологии. Это кажется мне интересным.

Образы Сталина

Сталин как полярно-райский субъект

Настоящая статья является докладом, прочитанным автором в рамках заседания Литературного клуба Московского государственного университета 10 ноября 2011 года, посвящённого теме «Мифы о Сталине».

Основанием для неё послужила осмысление автором иной статьи, принадлежащей Григорию Соломоновичу Померанцу и его жене Зинаиде Александровне Миркиной, в Столичном выпуске Российской газеты за № 5604 (228), а также дискуссии, развернувшейся вокруг неё. Исследуя данную тему, вызывает удивление трактовка личности Сталина. Причём эта трактовка, если пользоваться традиционалистской терминологией, предложенной, в частности, проф. А.Г. Дугиным, имеет характерный религиозный, богословский оттенок. В связи с этим богослов не может пройти мимо данной проблемы, хотя бы не указав на неё. В настоящей статье мы постараемся показать проблему, связанную с личностью Сталина и той ролью, которую она сыграла в сознании Церкви, с другой стороны, покажем, как данная проблема преломилась в современном отечественном традиционализме. Однако главная задача — показать читателям актуальность проблемы понимания личности Сталина и его роли в истории России.

Очевидно, что главным предметом исследования становится личность И. В. Сталина. Меня интересует её восприятие в вероучительном контексте ортодоксальной и гетеродоксальной христианской традиции. Меня интересует та мифология и те представления о Сталине, которые сложились в вероучении Катакомбной православной церкви (яркий пример гетеродоксальной, альтернативной формы русского Православия) и Русской Православной Церкви (наиболее ортодоксальной и наиболее аутентичной версии христианства). Наконец, меня интересует традиционалистский взгляд на всё это. Представляется реальная возможность более глубокого понимания роли Сталина в истории, оперируя терминологией интегрального традиционализма.

Разрабатывая данную тему, я использую монографию проф. А. Г. Дугина, видного представителя отечественных традиционалистов, «Конспирология»¹, в которой наиболее чётко и ярко разграничены три политические парадигмы (он также называет их метаидеологиями или политическими мифами). На мой взгляд, представленная в этом труде классификация как нельзя лучше подходит к пониманию транспозиции образа Бога на личность Сталина, о которой будет сказано несколько ниже и которую я возьму за некоторую аксиому исследования. Именно с точки зрения этих парадигм будет рассмотрена личность Сталина и её христианский мифологический контекст, о котором более подробно будет сказано дальше.

Для начала кратко опишу особенности этих парадигм:

¹ Дугин А.Г. Конспирология. М., 1992.

1. **Полярно-райская парадигма** — исторически проявлялась как гностическая традиция, эзотерическая внутренняя тайная доктрина в рамках религиозных учений, а на политическом уровне — как сакральный империализм гибеллинов в Средневековой Европе и, в конце концов, как германский национал-социализм в XX веке. Сущность этой позиции сводится к утверждению Субъекта Божественной природы, стоящего в центре (на Полюсе, **в середине**), полностью подчиняющегося ему сакрализованного космоса, космоса-зеркала, в котором не отражается ничего, кроме самого этого Субъекта. Этот Божественный Субъект не имеет вне себя никакого высшего метафизического принципа, с которым ему нужно было бы духовно считаться, и поэтому он является абсолютно свободным и неотделимым от Бога. Бог внутри него, а возможно, он и есть Бог. Вне его Бога нет. Мир же, пропитанный этим Субъектом, представляет собой максимальный сакральный порядок и порядок вообще. Следствием развития и проявления полярно-райских архетипов являются любые идеи монархии, империи и империализма в целом, мессианства и цезарепапизма в религии, единого сакрального иерархического порядка. А, например, в категориях Жильбера Дюрана полярно-райский тип глубоко диурничен, солярен (солнечен), отсюда и символы Солнце Правды, Король Солнце и т.д. Полярно-райский значит героический. Также полярно-райскому сознанию соответствует тезис вечного возвращения к нарушенным идеалам, до полного восстановления космического порядка, в случае если порядок нарушен, а идеалы забыты¹.

2. **Идеология Творец-Творение** соответствует экзотерической, внешней стороне религиозных учений. Наиболее чистой формой этой идеологии являются церковные организации католического образца или тип исламской уммы (в первую очередь, суннитской). Как правило, именно к ним точнее всего применимы понятия «теократии» или «клерикализма». Можно определить этот тип также как мировоззрение «потерянного Рая». В отличие от полярно-райского принципа, этот тип мировоззрения помещает субъекта не в центре Мира (на полюсе), а на его периферии; сам же мир отождествляется здесь не с раем, а с Творением, отделяющим субъекта от Творца. Естественно, что этот периферийный субъект, субъект после грехопадения, после изгнания из Рая, уже не осознаётся как божественный Господин, которому полностью подчиняется космос (как продолжение его воли). Он становится Изгнанником, отделённым от Творца Творением, превратившимся отныне в двусмысленную категорию, так как, с одной стороны, это Творение скрывает Творца (негативный аспект), а с другой стороны, несёт на себе печать Творца, а значит, косвенно открывает его (позитивный аспект). С этого постулата начинается развитие религиозной мысли, могущей идти самыми разнообразными путями — от чистой апофатики (Псевдо-Ареопагит и Григорий Палама) до чистой катафатики (Варлаам Калабрийский)².

3. Третьей фундаментальной позицией является **Мистический материализм**: этот тип идеологии отрицает и полярный рай, и пару Творец-Творение. Здесь субъект рассматривается не как полярный Господин, чьим внутренним «Я» является сам Бог, но и не как изгнанник из Рая, отделённый от внешнего Бога, Бога-Объекта, Творением. В данном случае субъект берётся как одна из частиц космоса, в которой отражается этот космос и больше ничего. Иными словами, у такого субъекта нет ни внутреннего, ни внешнего Бога, и сам он

¹ Дугин А.Г. Конспирология. М., 1992. С. 64-65.

² Там же. С. 65-68.

есть не что иное, как зеркало внешнего мира и одновременно элемент этого мира. Таким образом, материалист фактически наделяет космос качеством божественности, коль скоро понятия Причины и Бога в сущности совпадают. Это и даёт основание определить данную идеологию как «пантеизм» — «все-боговость», отождествление всего (Космоса, Мира) с Богом¹.

Исходя из вышеприведённых определений, несложно догадаться, что Сталин — это полярно-райский Субъект, стоящий в центре мира. И если его предшественник, Ленин, представляется таким inferнальным персонажем, таким духом, демоном Революции, воплотившемся в Ульянове и поднявшем тысячи и тысячи бесов, демонов, ужасных элементов русского бессознательного, то Сталин выступает неким монархом, единодержавцем, который уничтожает часть их, а другую часть освобождённой стихии упорядочивает, возрождая, таким образом, космический и сакральный порядок.

Мы можем видеть, как Сталин строит новую страну, что у Ленина не получилось, мы видим, как Сталин, условно говоря, возрождает РПЦ в 1943 году и приближает её к себе, видим, как Сталин уничтожает «ленинскую гвардию» — бесов Революции. Наконец, что характерно, Сталин подчас понимается как совершенно консервативный, традиционный политик, который, помимо всего прочего, воплощает в жизнь идею Евразийской империи Чингисхана и пр. великих Евразии. И это несмотря на то, что коммунистический эксперимент, начатый после 1917 года — скорее модернистское, антитрадиционное движение.

Однако чтобы не отходить от темы, нам необходимо обратиться именно к богословскому контексту, в котором, с позиций традиционализма, особенно проявился полярно-райский, солярный характер Сталина. И не только проявился, но и застыл, часто в форме теологумена — богословского мнения.

Наиболее ярко, с нашей точки зрения, этот характер проявился в ортодоксальной и гетеродоксальной церковной традиции. Для Катакомбной Церкви (по крайней мере, некоторых её общин) характерно канонизирование Сталина, «освящение» его личности, а вследствие этого характерны проявления обрядового толка, манифестации духовного опыта, как то — иконопись Сталина, написание церковных богослужебных текстов, посвящённых ему, и т.д.

Для ортодоксальной же ветви русского Православия, представленной РПЦ МП, характерно разграничение в отношении к его личности: так, на официальном уровне оно не может быть положительным по ряду весомых и всем известных исторических причин, однако на уровне приходов и конкретных верующих не всё так однозначно. Здесь наблюдается уважение к его личности и к его деяниям, которое проявляется как мнения единичных представителей клира и мирян. Наиболее интересен относительно свежий пример — статья Григория Соломоновича Померанца и его жены Зинаиды Александровны Миркиной в **Столичном** выпуске Российской газеты за № 5604 (228) и дискуссия, развернувшаяся вокруг неё².

¹ Там же. С. 68-71.

² Проясняя ситуацию — в этой статье разбирается блог костромского игумена Виталия (Уткина), в котором автор высказывает прямые симпатии, в том числе богословского, вероучительного характера, к личности Сталина. В ответ на статью Померанца было опубликовано интервью с архиеп. Илларионом (Алфеевым), где обсуждалась проблема православного сталинизма и православной интеллигенции, но уже в **Федеральном** выпуске газеты за №5614 (238) — т.е., как видим, уровень дискуссии повысился.

Несмотря на разность отношения к Сталину в обеих традициях, сам вопрос об этом отношении и нарочито положительный характер этого отношения позволяет предположить, что такая позиция личности Сталина в православной традиции, хоть и не для официального уровня Русской Православной Церкви, имеет один общий корень. И этот корень лежит в вероучении Православной Церкви. Дело в том, что не личность Сталина вторглась в православное народное сознание, но оно имплицировало её, дав ей совершенно уникальную, отличную от всех иных интерпретацию. Само же включение произошло благодаря тем установкам, которые уже содержались в этом сознании и были для него традиционными.

Во 2-м послании Ап. Павла к Фессалоникийцам (2:7) сказано: «Ибо тайна беззакония уже в действии, только [не совершится] до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (Синодальный перевод). В Септуагинте это место звучит как: «τὸ ὑὰρ μυστήριον ἥδη ἐνεργεῖται τῆς ἀνομίας· μόνον ὁ κατέχων ἄρτι ἕως ἐκ μέσου γένηται». Это особое место во всём Писании Нового Завета, так как едва ли найдётся аналогичный стих или стих, комментирующий данное высказывание. Несмотря на сложность, Святые Отцы, однако, толковали и это место. «Удерживающий», Катехон, у Ап. Павла иногда понимался как представитель власти, но не простой. Словосочетание «ἐκ μέσου», «от среды», как переведено в синодальной версии, или просто **из середины, центра**, указывает на верховное, наиболее важное положение данного представителя власти. Напрашивалась сама собой единственная версия: этот удерживающий — император. Благодаря историческому стечению обстоятельств, принципу симфонии властей, а также мистическому, религиозному отношению к существующей форме власти (империи), её сакрализации (хилиазм; мысль о тысячелетнем царстве Христа), в православное вероучение, часто на бессознательном уровне, входит представление о монархии как о богоизбранной форме правления, а о монархе как о единственном барьере перед пришествием антихриста и сил зла. Надо заметить, что догматом это так и не стало, это толкование в Православной Церкви так и осталось толкованием, теологуменом, и переместилось с экзотерической поверхности на эзотерическую глубину. Очень интересно, что описанное выше представление о монархии закрепляется в христианстве почти сразу же после окончания проповеди апостолов. Как пример можно привести свидетельство проф. Рановича и процитировать место из Тертуллиана¹: «Христианин никому не враг, а тем менее императору, зная, что **Бог поставил его императором** и что его надо любить, уважать, что надо оказывать ему почести, молиться о здравии его и о благополучии государства, **доколе стоит мир**. Стало быть, мы почитаем императора столько, сколько нам дозволено почитать его, и в той мере, в какой он сам этого должен желать. Мы признаём его за человека, который хранит **данную ему от Бога в удел власть, который поставлен Богом, и который ниже одного только Бога. Император, конечно, одобрит подобных почитателей, потому что мы, ставя его ниже только Бога, признаём его выше всех людей и даже выше всех ваших богов, которые состоят в его власти**».

Как известно, в начале XX века стихийным образом исчезают почти все европейские монархии, которые, так или иначе, были христианскими (возможно, кроме Османской империи и Поднебесной). В том числе исчезает Российская империя. Император Николай II

¹ Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М., 1990. С. 173

расстрелян, и к власти приходят те inferнальные силы, о которых говорилось раньше. С позиций классической академической исторической науки данное событие масштабно, но всё же лишь одно из цепи подобных. Но это совсем не так для сакральной христианской истории: Православный Катехон исчез, Удерживающий был взят от среды, и в мир пришёл Антихрист (чти Ленин) и силы зла, нарушилась Полярно-райская гармония. Солнце погасло и более не даёт света, наступил ноктюрн.

На фоне развития этой сакральной истории нам теперь яснее понятно современное идеологическое положение русского монархизма. Очевидно, что оно более религиозно, нежели политично. Однако Удерживающий был взят не навсегда, полярно-райский Субъект в том или ином виде вернулся в лице Сталина.

Вернувшись как Сталин, полярно-райский Субъект, сакральный император, Катехон проделал всё то, что и было положено ему его священной функцией:

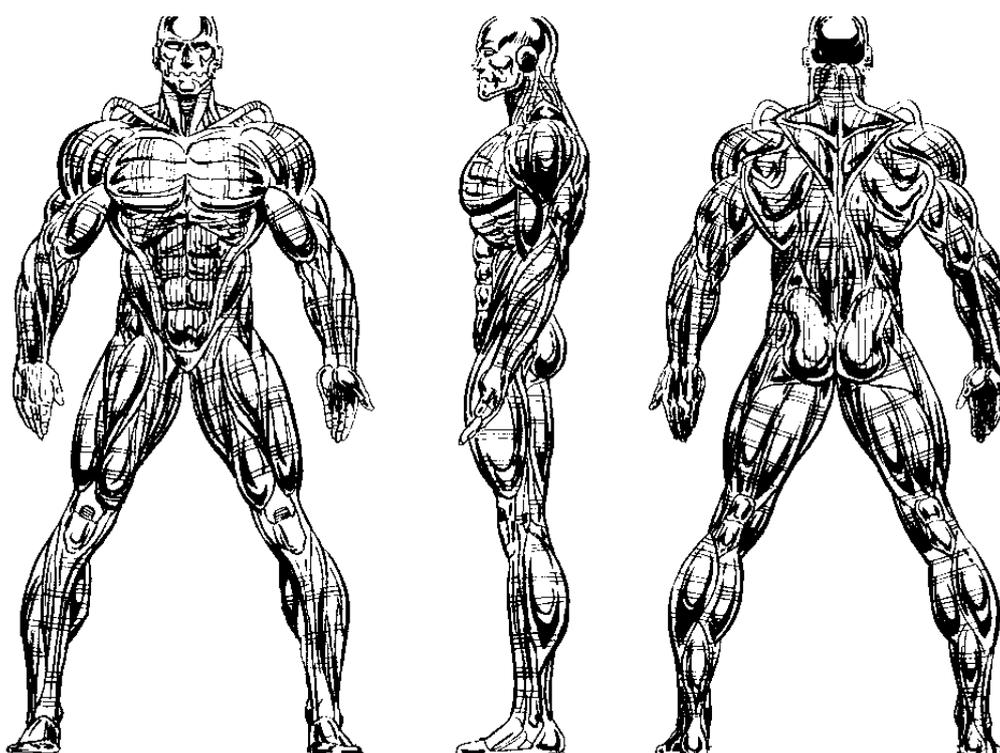
- Сталин уничтожил «силы зла» внутри — чти уничтожение «ленинской гвардии».
- Сталин уничтожил «силы зла» снаружи — чти победа над нацистской Германией.
- Сталин устанавливает порядок в постреволюционном Хаосе.
- Сталин покровительствует Русской Православной Церкви. (Список можно продолжать.)

Благодаря таким действиям личность Сталина вплетается в сознании верующих в качестве защитника, несущего на себе божественные функции, которые до того нёс помазанный на царство Николай II, а до него императоры и цари России, Руси, Византии и Рима, они же, в свою очередь, несли функции Иисуса Христа, Помазанника и **Царя Небесного**. В этом заключается мессианский характер христианской монархии, а в конечном итоге мессианский характер личности Сталина.

Итак, полярно-райские, диурнические, героические архетипы наиболее полно проявились в принципах христианской монархии, шире империи, и в идеи Богоизбранного Императора. В разных христианских конфессиях они проявлялись по-разному, но, так или иначе, имели богословский, вероучительный и глубоко духовный характер. В свою очередь, эти, богословские по своему характеру, идеи интерпретировали политику Сталина, характерные черты его личности в своих терминах и имплицировали эту интерпретацию, этот образ в сознание, а скорее даже в бессознательное, верующих людей.

Остаётся лишь один вопрос, почему Сталин принял на себя роль сакрального Императора? Почему он вёл себя как полярно-райский герой? Но самое главное, почему Сталин покровительствовал Церкви, институту, которые являлся корневым носителем учения о Катехоне, полярно-райского мифа? Я думаю, что если мы будем рассматривать каждый отдельный поступок Сталина, то сможем найти конкретные логические объяснения каждому из них, которые, в общем-то, не связаны с приведённой выше моделью. Но если же мы поднимемся на метафизический уровень, то нам необходимо будет признать, что Сталин был не просто выразителем, живой манифестацией мощнейших и древнейших политических и идеологических архетипов, но и их пленником, который не мог, а может быть и не хотел, переопределять их.

НВІС-конвергенция

NBIC-технологическая конвергенция **как актуальный вызов интегральным философским системам**

Под интегральными философскими системами в настоящем докладе понимаются философские работы, в которых на основании одного или нескольких взаимосвязанных кластеров философских концепций происходит развёртывание их в единой парадигме с последующим заполнением общефилософского пространства с диффузией тематических границ: так, обладающий высоким интеграционным потенциалом кластер онтологических концепций по мере теоретического развития транслирует элементы своей парадигмы в области аксиологии, эпистемологии, философии сознания и т.д.

Указанному выше определению соответствует большинство философских систем Древней Индии (джайнизм, буддизм, ньяя, др.), Античности (ионийская, элейская школы, стоицизм, эпикуреизм, др.), Нового Времени (Декарт, Юм, Кант, Гегель, др.) — в то время как с начала периода Новейшего Времени, на протяжении первой половины XX века и далее, количество интегральных философских систем, выдвигаемых в соответствующем качестве, несколько снизилось. Есть разные точки зрения на этот счёт — как, например, изменение соотношения между «порождающими авторами» и «отладчиками систем» в пользу последних, связанное с ростом институционализации философии (и множества других теоретических наук), так и дифференциационный подход: философия истории, техники, права и т.п. выделились в отдельные секции из общефилософского пространства в силу накопления концепций — в сумме, достаточной для вычленения их из авторских кластеров и отдельного анализа. Описываемый процесс характерен для процесса глобализации — всё более секционное ветвление научно-технических дисциплин, профессий [1].

Тем не менее, замеченный к концу XX — началу XXI века рост числа трансдисциплинарных связей между различными научно-техническими областями позволил выявить мегатенденцию [5], получившую название NBIC-технологической конвергенции: исследования феномена методом кластерного анализа со-цитат и последующая интерпретация результатов выявили 4 области с исключительными по значимости положительными взаимобратными связями. Нанотехнологии (N), Биотехнологии (B), Информационные технологии (I) и Когнитивные науки (C), вопреки основной тенденции XX века, оформляются не в качестве самостоятельных секций, но — трансдисциплинарных, объединяющих как узкоспециализированные тематические блоки исходной области (напр., физическое материаловедение в нанотехнологиях), так и пограничные, ранее столь близкие ей (молекулярная нейробиология в них же).

В то время как основным тормозящим фактором на пути создания интегральных философских систем в XX веке выступала секционность, где исходному кластеру(-ам) концепций была необходима дополнительная мощность для развёртывания в «насыщенных средах», представителями которых высказывались — чаще формальные, нежели сущностные — обвинения в непрофессионализме и некомпетентности, сегодня, помимо того же, большое значение обретает адекватность выдвигаемых философских построений дости-

жениям научно-технологического пространства. Так, по словам современного философа Витторио Хесле, «философ, который ничего не понимает в современной нанофизике, нанобиологии, наномедицине, едва ли способен сказать что-нибудь существенное относительно животрепещущих этических проблем, даже в том случае, если он овладел всей этической традицией от Платона до Шелера» [4].

По мере структурной реализации конвергенционной парадигмы, всё большее количество областей, единственными (или основными) способами исследования которых были умозрительные построения, становится эмпирически и в целом практически открытыми для изучения. Это требует уменьшения расхождений и нахождения опосредований между феноменологическими элементами философских концепций и научно-техническими данными: атомы Демокрита не адекватны термоядерному синтезу, животные духи Декарта — синаптической связи и т.д. — причём возможности, реализуемые благодаря NBIC-конвергенции, позволяют сомневаться не в частных аспектах конкретного кластера, но во всё более фундаментальных основаниях последнего, апеллируя к своевременной рефлексии. Необходима также и адекватная/эквивалентная экспликация антисциентистскими и близкими им подходами массивов тех результатов научно-технического прогресса, высвеченных секционностью во всём многообразии, а конвергенцией — в актуальном единстве.

На основании изложенного ожидаемы весьма различные варианты взаимобратных связей и «ответов» на конвергенцию, но особое внимание хотелось бы уделить следующей паре: по мере конвергирования указанных технологий (и сопряжённых научных областей), дальнейшая специализация секций философии будет приводить к спекуляционному выхолащиванию поля проблематики из-за расхождения с потоками тематически коррелирующих научно-технических данных (рассуждения ряда онтологов о бытии/небытии и сознании без малейшего знакомства с квантовой механикой [2]) и к её «окукливанию»: так, большинство мысленных экспериментов, призванных подтвердить или опровергнуть ряд спорных положений, варьирующихся в различных школах философии сознания, могут быть поставлены в 2030-2050-х годах (нейродинамические коды Дубровского, «таковость» летучей мыши и т.д.).

Вынеся в основном негативную повестку одного из сценариев NBIC-конвергенции, следует осветить и её позитивную программу для философии: если в XXI веке последняя не собирается распадаться на множество частных, отвлечённых и всё более изолируемых друг от друга секций, переформулируя Несбита, следует искать «резонанс мегатенденций». Ответом на конвергенцию может стать возрождение интегральных философских систем — но уже на принципах постнеклассического (постструктуралистского) подхода, апеллирующего к децентрализации и деконструкции. Для адекватного же катализа столь полномасштабного процесса необходима интерпретация и проблематизация конвергенции точкой фокуса между философским и научно-техническим пространствами — каковой на сегодняшний день является совокупность философии техники и философии и методологии науки.

Литература

1. Лем. С. Сумма технологии. М., 2008 (пер. с польск. от 1967).
2. Пенроуз Р. Тени разума: в поисках науки о сознании. М., 2005 (пер. с англ. от 1994).
3. Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2008 (пер. с англ. от 1970).
4. Хёсле В. Философия и экология // Философы современного мира: лекции в институте философии РАН. М., 1993. С. 92 (пер. с нем. от 1990).
5. Converging Technologies for Improving Human Performance. Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Sciences. Eds. M. C. Roco, W. S. Bainbridge. NSF-DOC Report, June 2002, Virginia, USA.

О популярности поэзии в России

О популярности поэзии в России

Метафор, сравнений — не понимают!

А.Г. Дугин, ролик «Russia.RU» о Ларсе Триере и его фашизме

Попался мне в руки альманах. И не простой: литературно-философский. С названием: «Филологос»¹. Хорошая вещь, много интересного прочёл: и стихи Даниила Аверина, и эссе Татьяны Тайгановой, много мною уважаемой.

Да. Стихи. Есть там и, как бы модно сказать, рефлексия над стихами. Даже над самим фактом поэтического. Причём вопрос и темпорально поставлен, и географически: сегодня в России поэзия почему непопулярна? Такой вот треугольник вышел у Елены Терещенко: время, место, действие. А вы говорите — постмодерн.

Есть в этой статье-докладе (химера у меня вышла, а не термин, да не учёные записки пишу, не Лейбниц) и про Кьеркегора (следовало было давно проанализировать связь между написанием этого имени по-русски и социальным статусом пишущего — забавные могут быть выводы), и про Адорно, и про Цветаеву, и даже про Железного человека с Платоном. И слог славный, и мысль — понятная. Выступая как философ (первые же три строчки текста предлагают именно философский ракурс рассмотрения — всё же пишет кандидат наук), автор анализирует ценностные установки современного человека. Ну, и сразу ясна становится причина непопулярности поэзии в России сегодня — душа, воображение и — главное, да! — вкус нам отрезали. Мы — люди-куклы.

Тут странно. Почему-то на идее «человека-куклы» автор видит подпись Сёрена Кьеркегора, а не Платона периода «Законов». И в череде видных товарищей, развивавших эту идею датского мыслителя (Маркузе как кьеркегорианец, — сильно, да), почему-то нет нашего Фёдора Ивановича Гиренка. Ну, поделом ему.

Без души у нас пропала интимность — это да. Вчера мне так и сказали: «Глупо говорить о сексе как об интимае». А я не удивился. Видимо, действительно, пропала. Без интимности пропало воображение, без воображения (чёрт, ну почему нет Гиренка-то!) — нет и вкуса. Искусство стало поп-артом. Докатились. Нет поэзии. А поэзия нужна — «слово способно трансформировать реальность».

В иллюстрацию цитируемого выше тезиса приводится вот такое сравнение — стихотворное признание в любви Элюара и банальное приглашение к соитию: «Земля вся синяя, как апельсин, // Отныне заблужденье невозможно, слова не лгут» — с одной стороны, и «приходи на сеновал» с другой. Так вот на синей, как апельсин, Земле нам и нужно жить, — а сеновалы, это, знаете ли, для «обезьян».

¹ А коллеги, который сразу придрались к называнию, — ну пусть на социологию посмотрят. Странная такая у нас дисциплина есть: греко-римская. Как борьба.

При этом сама Елена Валериевна вне схем и логики общественной деградации, за рамками тех ценностных установок, которые определяют, каким современный человек видит мир. Внеисторическое око повествует историю падения и кричит: «Опомнитесь!». Я всю статью ждал призыва к свержению существующего капиталистического строя. Не дождался. Как и смирения перед ним.

Я уже потерял и душу, и воображение, и вкус. И поэтому не знаю, как отличить точно, строго, чтобы не было обезьяньего моего произвола, поэзию от «зарифмованного автобиографического свидетельства»? Так ли глубока эта пропасть? Какие критерии оценки могут быть в нашем, потерявшем вкус мире?

Может, есть поэзия и по нашу сторону клетки?

12.12.11

Розенкрейцерские шахматы

(версия, основанная на двоичной системе счисления)

36 раскрашенных фигур

Исходная позиция

Стандартные доски 4-х стихий

В комплект входят:
36 раскрашенных пластиковых фигур;
4 игровые доски на плотном картоне
или других материалах;
правила игры и гадания, описания персонажей,
таблицы соответствий для гадания.

Расположение фигур и полей
отличается от общепринятого
и имеет чёткие привязки к сторонам света.

Синие - Вода - Запад:
Рыцари Артура Пендрагора

Высота фигур - 54 мм.
Высота пешек - 28 мм.
Изготовление на заказ.
Цена от 2000 руб.

За дополнительную
плату могут быть
подобраны другие
комплекты фигур
с разработкой описания
мира и персонажей.

Заказ по адресу:
93in39@gmail.com

Чёрные - Земля - Север:
Викинги Эрика Победоносного

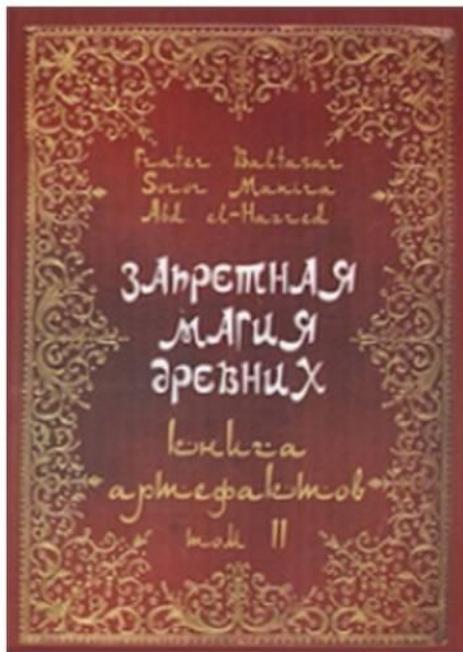
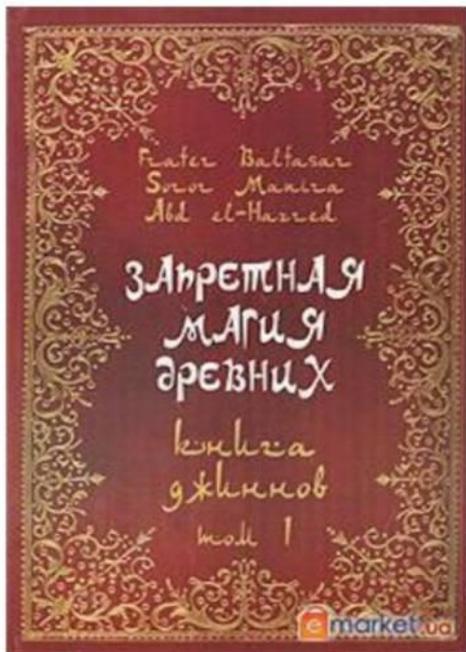

Красные - Огонь - Юг:
Легионеры Юлия Цезаря

Жёлтые - Воздух - Восток:
Богатыри Владимира Красна Солнышка

Запретная Магия Древних в 3-х томах

“Запретная магия Древних”, 2-е издание. Первый печатный сборник материалов по лавкрафтианской традиции.

Том 1. Книга джиннов.

Мягкий пер., 468 стр., 60x90/16, 2009 г. В «Книге Джиннов» раскрыты тайны египетских папирусов, содержащие магические тексты магрибов, греческие свитки таинственного содержания, а также много практических советов, как использовать магию Древних сегодня.

Manira. Вместо предисловия. **Тэрций Сибеллиус.** Мистерии Червя. **Baltasar.** Книга Духов. Книга Джиннов. Арабская гематрия. Лунный зодиак. Магические квадраты Абд эль-Кадира. Магические папирусы. **Абдулла Альхазред.** Книга Рельях. **Анна Нэнси Оуэн.** От переводчика «Завета Мёртвых». **Fr. Nyarlathotep Otis.** Биография Абдуллы Альхазреда. История Некрономикона.

Том 2. Книга артефактов.

Мягкий пер., 532 стр., 60x90/16, 2009 г. В «Книге Артефактов» раскрыты тайны изготовления амулетов и талисманов по авторской системе Маниры, содержащие магические формулы на удачу, счастье, любовь и богатство. Дается много практических советов, как использовать их для своих целей.

Manira. Книга Артефактов. **Baltasar.** Книга Великих Имён. **Абдулла Альхазред.** Завет Мёртвых.

Том 3. Книга тайн.

Мягкий пер., 612 стр., 60x90/16, 2009 г. «Книга Тайн» завершает трехтомник и подводит логический итог всему сказанному. Все темы, которые затрагивались в рамках концепции Древних, заканчиваются здесь.

Manira. Книга Тайн. **Baltasar.** Книга Джиннов. Магические папирусы (продолжение). Священные тексты лавкрафтианской мифологии. Три книги о Силах. Лавкрафт и авторство Некрономикона. Как писалась Книга Мёртвых - Некрономикон. **Fr. Nyarlathotep Otis.** Уилсон против Симона? Каббала Древних. **Майкл Калмар.** О призывании Йог-Сотота. **О Шуб-Ниггурат** и секте скопцов. Тайна колдуна Пацифиды.

Желающие могут заказать эту книгу по льготной цене, всего **1000 р. за три тома.** Оплата — почтовым или банковским переводом либо через электронные платёжные системы. Пересылка по России — порядка 250-300 р., по ближнему зарубежью — порядка 450, в некоторых случаях возможна пересылка с нарочным. Присылайте заявки по адресу 93in39@gmail.com.

АПОКРИФЫ ГЕРМЕТИЗМА в 5-и томах

В 2012 году выходит в печать 5-томник материалов из журнала "Апокриф".

Первый том ("Теория и практика ритуальной магии") включает следующие материалы:

Франц Бардон. Практика магической эвокации. Ключ к истинной каббале.

А.С.Н. Герметический орден Золотой Зари.

Алан Беннет. Заметки к Книге Бытия. Магическая инвокация высшего гения.

Олег Телемский. Архепиты индивидуации. Этика и символизм Телемы.

Книга Магии Служения.

Eisheth Zenunim. Читая Liber AL vel Legis.

И.М. Liber OZ глазами либерала.

Magnus von Morgenstern. Opus Primus и другие статьи по практике неокаббалы.

Марног. Составление заклинаний.

Comahon, Fr. Nyarlathotep Otis. Ритуал призывания Бельфегора. Парный Малый Ритуал Изгоняющей Пентаграммы, адаптированный под L. Azerate.

Fr. Nyarlathotep Otis. Гимн Огню.

Алистер Кроули. Liber XLI: Тяндао. Три великих мистификации Первой мировой. Гимн Люциферу. Роза и Крест.

Второй том ("Теория и практика магии Хаоса") включает следующие материалы:

Остин Осман Спепар. Логомахия ЗОС. Автоматическое рисование.

Fr. Nyarlathotep Otis. Дхаскар и другие предание Альтеров. Мистерия Курочки Рябы.

Newworld. Теория сущностной природы пути.

Т.О.Р.У. Серая Книга. **Эндрю Чембли.** Азоэтия. **Paperdaemon Chaognostic.** Том Хаоса (фрагменты).

Иллюминаты Танатэроса. Книга. Уранический варварский язык Хаоса.

Список работ, вошедших в следующие тома, обсуждается. В третьем томе ("Теория и практика магии Древних") ожидаются работы, посвященные лавкрафтианской традиции и шумаро-аккадской магии, включая первый полный русский перевод старейшего сохранившегося гримуара - ассирийских Табличек Маклу. Одно из произведений, которые должны войти в четвертый том ("Теория и практика демонологии") - "Книга Тёмных Ангелов" Моргила. Основу пятого тома ("Теория и практика травологии") составит монография Валерия Карташева "Звёздная магия растений", представляющая собой ключ к современной астрологической ботанике и медицинской астрологии.

Серия будет издана предположительно до конца мая 2012 года. Следите за новостями в нашем журнале, на главной странице сайта <http://cardshouse.castalia.ru/> и в группе <http://vk.com/apokrif93>.

Все книги (по отдельности и полным собранием) можно заказать по адресу: 93in39@gmail.com.

Количество экземпляров по льготной цене (350 р. за том без стоимости пересылки, предполагаются скидки за покупку полного собрания или нескольких экземпляров) ограничено.

РАССКАЗЫ ПОД ЗОНТОМ

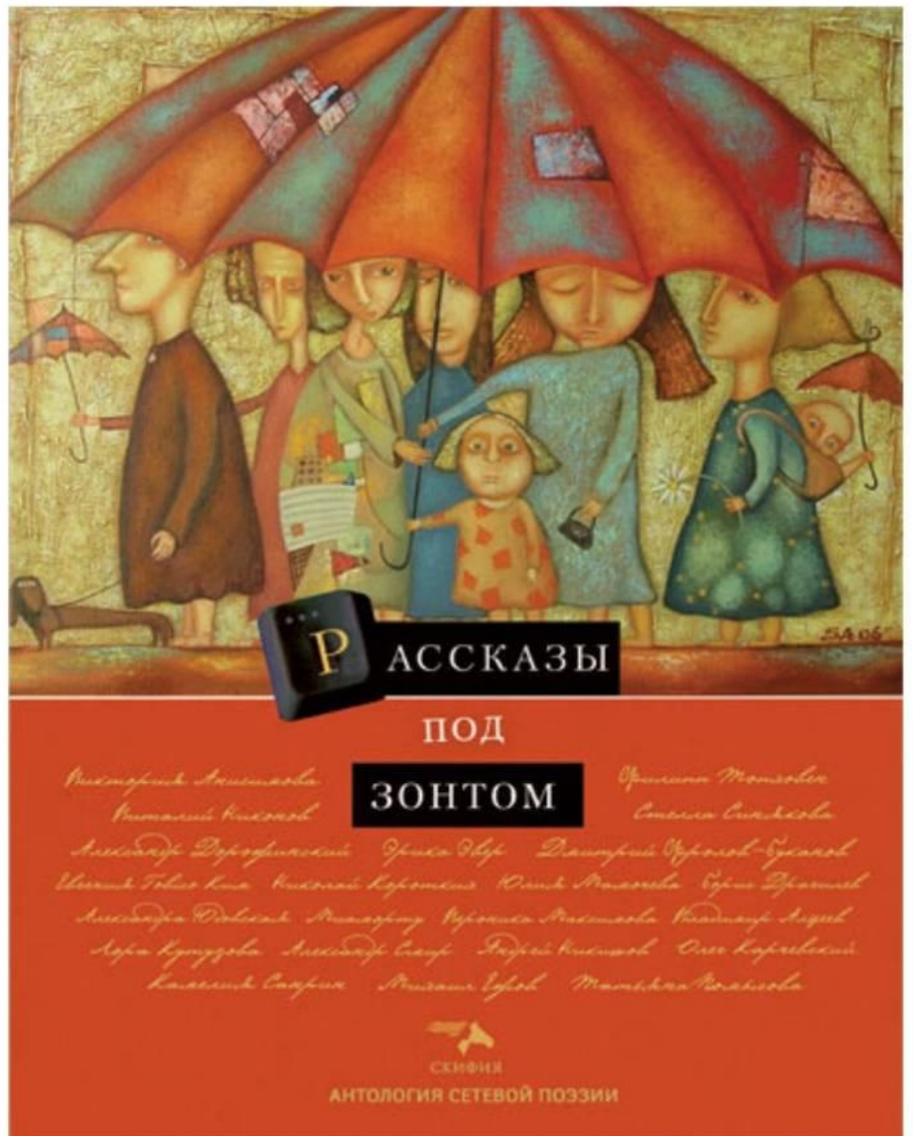
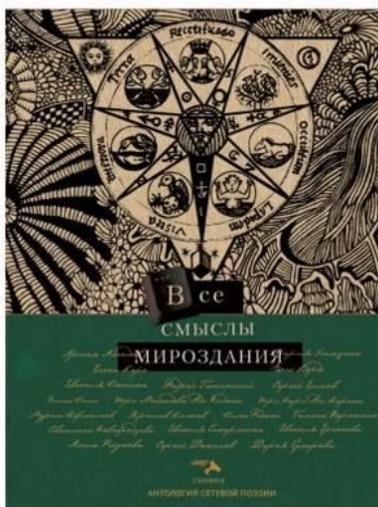
Принимаются заказы на 9-й том книжной серии «СКИФИЯ: Антология сетевой поэзии» — «Рассказы под зонтом». В этот том были отобраны произведения следующих авторов:

Артем Алендеев — г. Екатеринбург
Мария Хамзина — г. Новосибирск
Елена Коро — Украина, респ. Крым, г. Евпатория
Поль Корде — г. Санкт-Петербург
Евгения Онегина — г. Санкт-Петербург
Андрей Гатинский — г. Москва
Сергей Есипов — г. Ленск, Республика Саха (Якутия)
Элиас Отис (Роман Адрианов) — г. Калининград
Шри Махадэва Ади Нидана — пос. Головеньковский, Тульская обл.
Шри Ади Нары Карана — пос. Головеньковский, Тульская обл.
Мурат Ибрагимов — г. Пермь
Ярослав Колосов — г. Салехард, Ямало-Ненецкий автономный округ
Ольга Редекон — Казахстан, г. Тараз
Галина Вороненко — США, г. Аурора
Светлана Новгородцева — г. Нижний Тагил, Свердловская обл.
Евгения Бакарюкина — пос. Ромны, Амурская обл.
Евгения Ергонова — г. Улан-Удэ, респ. Бурятия
Алиса Рекунова — Эстония, г. Таллин
Сергей Данилов — Испания, Гибралтар
Дарья Бухарова — г. Санкт-Петербург

При разработке обложки использована работа **Александра Сулимова**, художника из г. Жигулевск Самарской обл. (<http://www.sulimov.info/>).

Ориентировочная стоимость книги — **350 р.** (не считая почтовых расходов), оплата — Яндекс-деньгами, веб-мани, почтовым или банковским переводом. Предоплата. Заказы по адресу: 93in39@gmail.com

Позднее в этой серии ожидается также сборник герметической поэзии “Все смыслы мироздания”:

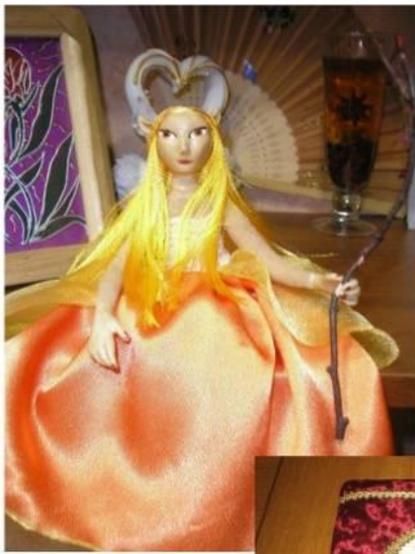

Кожаные амулеты с росписью

Сувениры ручной работы

Изготовление на заказ, цена договорная.
E-mail: amergin@mail.ru icq 492-781-777

Алтарные
покрывала,
чехлы для карт,
гримуары,
куклы

Роспись
по стеклу
и керамике

СИРИН

эзотерический магазин

Калининград, ул. Мусоргского, 10
"Мега-Сити", павильон №50
телефон +7 921 613 07 32
работаем с 11:00 до 20:00
e-mail: sirin-om@mail.ru

руны

славянские
и рунические
амулеты

литература
по эзотерике
и магии

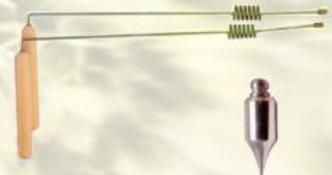
скатсерти
для гадания

славянские
расписные
табелки

карты таро

биолокация

книги теней
и магические
блокноты

мешочки
для карт
таро

обереги

свечи

рунические
браслеты

Телемитский Вестник
Магии и Искусства

Deus Est Homo

Strive ever to more!

Магия

Телема

Оккультизм

Современное искусство, поэзия и музыка

Магические ритуалы и техники трансформации

Психология любопытства

Переводы каббалистических и оккультных текстов и книг

Секретный Перформанс Хаоса

Коинтеизм

Дискордия

*Забавные истории, пьесы, плутонианский сатанизм
и многое другое*

Выпускается с 2010 года

Томским Просветительским Центром

Дом Богохульства

Оформить подписку на журнал, заказать ранее выходившие номера,
а также по вопросам сотрудничества и иным предложениям и пожеланиям
вы можете писать на наш почтовый адрес:

E-mail: deh.publishing@gmail.com

STELLA ORIENTIS

Ежеквартальный электронный журнал

Харьковского Лагеря О.Т.О.

“Серапис”
предлагает вам:

- Статьи по Телеме, Магии, Каббале, Таро, Астрологии
Эзотерическим Традициям Востока и Запада
- Личные разработки техник и ритуалов
- Отчёты о проведенных магических работах
- Творчество (проза, поэзия, живопись)

По вопросам подписки обращаться:

stella_orientis@inbox.ru

Запретные Тексты Древних

Полное собрание сочинений
www.diongray.org

АПОКРИФ

<http://cardshouse.castalia.ru>

*Старейший из ныне издаваемых электронных журналов
окультурной тематики (выходит с 2006 года).*

Нам требуются на общественных началах:

- авторы, переводчики, корреспонденты, колумнисты;
- оцифровщики книг, наборщики текстов, верстальщики;
 - корректоры, рецензенты, помощники редактора;
 - художники, иллюстраторы, дизайнеры обложки;
 - помощники по продвижению проекта;
- администраторы социальных сетей и блогосервисов;
- помощники веб-дизайнера, бета-тестеры веб-ресурсов;
 - издатели, меценаты.

Обращаться: 93in39@gmail.com

По этому же адресу можно
подписаться на наш журнал.

Заказ печатной версии —
vera.shcherbina@samizdal.ru

Помочь журналу материально

Вы можете, переведя деньги на наш счёт

в системе Яндекс.Деньги: 41001416643125

в системе Mail.Деньги: 1049000173863097

в системе WebMoney:

Z318373604178, E263825672387, R412990927571,

U141526320068, V411510488425, G198524212114

или почтовым переводом по адресу:

236022, г. Калининград, ул. Нарвская, д. 17, кв. 11,

Адрианову Роману Олеговичу

᠋᠋: ᠋ ᠋ ᠋:᠋ ᠋᠋ ᠋:᠋᠋᠋,

